

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

Сенин Александр Васильевич

**Генерал-фельдмаршал Ф.Ф. фон Берг (1793–1874 гг.):
военный, дипломат, администратор**

Специальность 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Айрапетов Олег Рудольфович

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАРЬЕРЫ Ф.Ф. ФОН БЕРГА	31
§1.1. Становление Ф.Ф. фон Берга как государственного деятеля.....	31
§1.2. Миссия Ф.Ф. фон Берга в Оренбургском крае	41
§1.3. Ф.Ф. фон Берг – дипломат на поле боя	67
ГЛАВА 2. Ф.Ф. ФОН БЕРГ КАК ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ.....	84
§2.1. Ф.Ф. фон Берг как реформатор стратегической разведки.....	84
§2.2. Посредническая миссия Ф.Ф. фон Берга во время Венгерского похода 1849 г.	101
§2.3. Ф.Ф. фон Берг как военный стратег во время Крымской войны	110
ГЛАВА 3. Ф.Ф. ФОН БЕРГ ВО ГЛАВЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ	134
§3.1. Генерал-губернаторство в Великом княжестве Финляндском	134
§3.2. Наместничество в Царстве Польском.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. XIX столетие было богато на моменты, когда система государственного управления, находясь в неустойчивом положении, переходила в качественно новое состояние. Многоаспектная интеграция казахских степей в политическое пространство Российской империи, начало Великих реформ в Великом княжестве Финляндском, необходимость налаживания механизмов гражданского управления в Царстве Польском после восстания 1863–1864 гг. – все эти исторические процессы были связаны с необходимостью использования различных практик антикризисного управления.

Значительную роль в их разработке и реализации сыграл выдающийся государственный деятель первой половины – начала второй половины XIX столетия Федор Федорович фон Берг (1793–1874 гг.). События, связанные с его именем, и ныне являются крайне существенными для исторической памяти государств, взаимодействие с которыми в настоящее время имеет важное значение для внешней политики России.

Казахстан стабильно входит в число пяти крупнейших торговых партнеров Российской Федерации, свидетельством развития российско-казахских экономических связей выступают 170 общих проектов с суммарным объемом инвестиций свыше 50 млрд долларов в 2025 г.¹ Однако активное укрепление двустороннего сотрудничества не всегда находит отражение в современных тенденциях формирования исторической памяти в данном государстве: в казахской историографии постсоветского периода получила значительное распространение точка зрения, что процесс постепенной интеграции территории современного Казахстана в состав Российской империи, в котором участвовал и Ф.Ф. фон Берг, происходила преимущественно в интересах имперского центра и не несла никаких выгод местному населению².

¹ Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев: «Вечная дружба - путеводная звезда для наших народов» // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/11/11/prezident-respubliki-kazahstan-kasym-zhomart-tokaev-vechnaia-druzhba-putevodnaia-zvezda-dlia-nashih-narodov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 11.11.2025).

² Алинов А.А., Демин М.А. Причины и характер присоединения Казахстана к Российской империи: историография проблемы // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 3. С. 42.

Венгрия в настоящий момент является основным политическим партнером России в ЕС, однако сохранившееся в исторической памяти этой страны негативное восприятие Венгерского похода русской армии 1849 г., в котором одну из значимых ролей также играл Ф.Ф. фон Берг, не способствует укреплению двустороннего сотрудничества.

Современное отношение к другому значимому событию – Январскому восстанию 1863–1864 гг., в решающий момент которого Ф.Ф. фон Берг стал наместником в Царстве Польском, – немецкий исследователь Ханс Хан охарактеризовал следующим образом: «Поляки относятся к данной теме так, как будто до сих пор этот вопрос сохраняет жизненную важность. То есть обсуждают этот вопрос так, как будто сегодня хотели бы решить проблемы своих предков»¹.

Таким образом, деятельность Ф.Ф. фон Берга объединяет ряд исторических событий, актуальных и сегодня. Их изучение под новым углом в рамках настоящего исследования позволит дать им более объективную оценку. Популяризация результатов данного исследования способствует улучшению образа России в массовом сознании населения целого ряда стран. А дальнейшее изучение зарубежными и отечественными исследователями проблем, затронутых в диссертации, может внести вклад в развитие научного и в целом гуманитарного сотрудничества России и упомянутых выше государств.

Кроме того, научная биография Ф.Ф. фон Берга, внесшего значительный вклад в сферу военного искусства (прежде всего, в развитие стратегической военной разведки), дипломатии, науки (главным образом, картографии), собственно административного управления, до сих пор не создана. Таким образом, настоящая работа имеет как практическую, так и сугубо научную актуальность.

Объектом исследования является административная и политическая деятельность Ф.Ф. фон Берга в контексте внутри- и внешнеполитических событий XIX столетия.

¹ Ромек З. Польское Январское восстание 1863 г. в историографии Третьей Речи Посполитой (1989-2013 гг.) // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / Отв. ред. Н.А. Макаров; Институт славяноведения РАН. М.: «Индрик», 2014. С. 377.

Предметом исследования является участие Ф.Ф. фон Берга в совершенствовании системы управления в различных сферах государственной политики Российской империи XIX века.

Хронологические рамки исследования определяются годами жизни Ф.Ф. фон Берга и охватывают период с 1793 г. по 1874 г.

Территориальные границы исследования обширны и включают в себя территории как внутри Российской империи, так и за ее пределами. В границах Российской империи местами государственной службы Берга были Лифляндия, Эстляндия, Оренбургский край и Киргиз-Кайсацкая степь, Царство Польское, Великое княжество Финляндское и г. Санкт-Петербург. За пределами страны Берг выполнял ответственные миссии военного и дипломатического характера в Австрийской империи, Баварии, Неаполитанском королевстве, Османской империи, Папской области, Пруссии, Саксонии. При этом в работе изучались внешнеполитические и внешнеэкономические факторы, оказывавшие влияние на деятельность Берга внутри Российской империи, что расширяет территориальные границы исследования: они охватывают фактически все страны Европы (в случае с Данией – и ее колонии в Карибском бассейне), а также США.

Степень разработанности темы. В диссертации использовались как работы, непосредственно затрагивающие тот или иной аспект деятельности Берга, так и исследования, позволяющие охарактеризовать контекст эпохи в целом.

В 1893 г. Д.Г. Анучин, служивший под началом Ф.Ф. фон Берга в Царстве Польском, отмечал, что Наместник и сам регулярно говорил о том, что его бумаги в будущем станут объектом исследований¹.

Всю историографию, полностью или частично посвященную Бергу, можно разделить на дореволюционную, советскую и современную.

Изучение государственной службы графа начинается уже при его жизни. Наиболее ранним трудом, затрагивающим деятельность Берга, можно считать работу Н.А. Лукьяновича «Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов»².

¹ Анучин Д.Г. Граф Берг. Наместник в Царстве Польском // Русская старина, 1893. № 2. С. 53.

² Лукьянович Н.А. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов: в 4 т. Т. 1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1844. 360 с.

В силу того, что сам Лукьянович был участником этого военного конфликта, сведения о Берге можно считать достоверными. В монографии Берг упоминается и как военачальник, и как дипломат, успешно участвующий в переговорах с турками о сдаче Силистрии – одного из ключевых турецких оборонительных укреплений, открывавшего кратчайший путь от Нижнего Дуная к Стамбулу¹.

Интерес для изучения исторического образа Ф.Ф. Берга представляет книга историка Ф.И. Смита «Польское восстание 1830 и 1831 годов»². Знакомство Берга и Смита состоялось во время Польского восстания, сама монография была написана непосредственно после него, несмотря на то что ее публикация состоялась значительно позже, в 1863 году, когда в контексте нового восстания польская тематика стала объектом всеобщего интереса.

Личное содействие Ф.Ф. Берга Ф.И. Смигу в получении материалов, предназначенных для ограниченного круга лиц, оказало исследователю существенную помощь. В то же время другие специалисты указывали на недостатки его работы: в частности, историк А.К. Пузыревский отмечал ошибочность ряда суждений Смита как гражданского лица относительно деталей военного характера³.

Одной из ярких прижизненных работ о Ф.Ф. фон Берге была книга преподавателя Варшавского юнкерского училища М.П. Устимовича «Заговоры и покушения на жизнь наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском и главнокомандующего войсками Варшавского военного округа генерал-фельдмаршала графа Берга 7 (19) сентября 1863 года»⁴. Почти все внимание в книге уделено истории подготовки и расследования покушения на наместника. Как отмечает в предисловии сам Устимович, основным мотивом написания этого труда была «мысль, что знающему с возможною подробностью такие важные

¹ Лукьянович Н.А. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов: в 4 т. Т. 1. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1844. С. 222-226.

² Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов: в 3 т. Т. 2. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1863. 496 с.

³ Пузыревский А.К. История польско-русской войны 1831 года. СПб: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1886. С. V.

⁴ Устимович М.П. Заговоры и покушения на жизнь наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском и главнокомандующего войсками Варшавского военного округа генерал-фельдмаршала графа Берга 7 (19) сентября 1863 года. Варшава: Казенная типография Варшавского учебного округа, 1870. 144 с.

события было бы непростительно пройти их молчанием и сделать, таким образом, достоянием архива»¹. Безусловным достоинством монографии является то, что в основу исследования были положены материалы следствия, лишенные «всякой примеси частных, ненадежных сообщений»². О том, что издание представляет интерес у широкой публики и в настоящее время, говорит тот факт, что в 2025 г. книга была переиздана³.

В период пребывания Ф.Ф. фон Берга на должности Наместника в Царстве Польском журналист и однофамилец Берга Н.В. Берг начал работу над трудом «Польское восстание 1863 года»⁴. Безусловным достоинством работы является то, что Н.В. Берг имел возможность, благодаря поддержке российской администрации в Варшаве, опираться на ценнейшие материалы из архива Варшавского военного округа, практически недоступные другим исследователям того периода (прежде всего, к ним относятся оригиналы недавно завершенных следственных дел). Кроме того, журналист имел возможность собирать дополнительную информацию, опрашивая русских офицеров по следам недавних боевых действий. Также Н.В. Бергу удалось наладить связи в польском обществе, что позволяло ему получать сведения, не отраженные в официальных документах⁵. Однако последнее обстоятельство привело к обвинениям автора в излишнем полонифильстве. Кроме того, работа содержала резкую критику российской администрации в Царстве Польском (особенно М.Д. Горчакова, занимавшего пост наместника незадолго до восстания). По этим причинам публикация книги столкнулась с многочисленными цензурными ограничениями, а также противодействием со стороны великого князя Константина Николаевича, предшественника Берга на должности наместника. Сам Берг, хоть и отослал в редакцию «Русского архива»,

¹ Там же. С. 5-6.

² Там же. С. 6.

³ Устимович М.П. Заговоры и покушения на жизнь наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском и главнокомандующего войсками Варшавского военного округа генерал-фельдмаршала графа Берга 7 (19) сентября 1863 года. М.: ARCHIVE PUBLICA, 2025. 152 с.

⁴ Берг Н.В. История Польского восстания 1863 года // Русская старина. 1879. Т. XXIV. С. 179-246; 397-428; 589-620; Берг Н.В. История Польского восстания 1863 года // Русская старина. 1879. Т. XXV. С. 55-88; 515-566; 707-728; Берг Н.В. История Польского восстания 1863 года // Русская старина. 1879. Т. XXVI. С. 59-84.

⁵ Нилова В.А., Штакельберг Ю.И. «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н.В. Берга (Судьба одного труда) // Славянский альманах. 2007. С. 48.

где печатались первые разделы (последние будут опубликованы в «Русской старине»), специальное уведомление о том, что не разделяет полностью позицию автора, все же разрешил публикацию монографии¹. Впрочем, это не помешало Н.В. Бергу, постоянно вносявшему поправки в свое сочинение, дать неоднозначную характеристику генерал-фельдмаршалу. В данном контексте представляется справедливым высказывание цензора «Русской старины» Н.А. Ратынского, отмечавшего, что в книге Наместник выведен как чиновник, «хотя и не лишенный гражданского мужества, но одновременно хитрый, не выбирающий средств для достижения поставленной цели»². Другой цензор, С.И. Донауров, указывал на то, что хотя работа написана в увлекательной форме, автор часто опирается на недостоверные источники, такие как анекдоты и сплетни³. Впрочем, как отмечал сам Н.В. Берг, поляки посчитали исследование достаточно объективным⁴. В любом случае, в основу книги в значительной степени положены труднодоступные в настоящий момент источники, а потому она и сегодня представляет интерес как для профессиональных исследователей, так и широкой публики (переиздавалась в 2008 и 2016 гг.).

Таким образом, безусловным достоинством работ, вышедших при жизни генерал-фельдмаршала, было то, что их авторы были либо лично знакомы с Бергом, либо по роду своих занятий имели непосредственное отношение к ходу или результатам его деятельности. Это давало возможность минимизировать дистанцию до объекта исследования и использовать уникальные источники информации. В то же время на степень объективности этих работ оказывали негативное влияние такие факторы, как личные взаимоотношения авторов с графом, а также факт того, что деятельность Берга касалась крупных политических фигур того времени, сохранявших влияние на момент публикации этих исследований.

¹ Там же. С. 48-49.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 58.

Другие дореволюционные монографии обычно представляют собой масштабные труды по истории определенного периода, в которых служба графа рассматривается достаточно фрагментарно.

Прежде всего, в фокусе внимания оказывается военная деятельность Берга. Так, М.А. Терентьев в «Истории завоевания Средней Азии» кратко повествует о походе Берга в Киргиз-Кайсацкую степь. В работе итоги похода Берга оцениваются неоднозначно: с одной стороны, были произведены съемки и барометрическая нивелировка малоизвестной местности, с другой стороны, экспедиция не привела к прекращению набегов на русские караваны. Кроме того, по мнению Терентьева, Берг допустил ошибку при разработке плана нового похода в Хиву, неверно указав опорные пункты для заготовки запасов на маршруте для следующих экспедиций¹.

Служба Берга во время Крымской войны из дореволюционных работ наиболее полно раскрывается в четырехтомном труде М.И. Богдановича «Восточная война»². Автор приходит к выводу об успешных действиях Берга по организации обороны фортификационных сооружений побережья Балтики, прежде всего, Свеаборга. Об итогах бомбардировки союзниками этого города Богданович пишет следующее: «Успех союзников вовсе не соответствовал ни ожиданиям, возбужденным огромными приготовлениями морских держав, ни издержками, которых стоило их предприятие»³. Самого же Берга автор характеризует следующим образом: «Получивший классическое образование и обладавший практикою, приобретенною в течение долговременной службы, генерал Берг был преимущественно воин; но, вместе с тем, соединял в себе способности искусного дипломата и опытного администратора»⁴.

Фрагментарные сведения об участии Ф.Ф. фон Берга в подавлении Венгерского восстания содержатся в книге И.И. Ореуса «Описание Венгерской войны 1849 года»⁵. Более подробно об этом пишет А.П. Щербатов в книге

¹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 1. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1903. С. 100.

² Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов: в 4 т. Т. 4. СПб: тип. Ф. Сущинского, 1876. 512 с.

³ Там же. С. 224.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Ореус И.И. Описание Венгерской войны 1849 года. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1880. 664 с.

«Князь Паскевич: его жизнь и деятельность»¹. В задачу Берга, находившегося в 1849 году при главной квартире австрийской армии, входила координация действий русских и австрийских войск, а также недопущение распыления русских сил под командованием И.Ф. Паскевича. Автор приходит к выводу о недостаточно эффективном выполнении Бергом роли посредника между русским и австрийским командованием. В вину Бергу Щербатов ставит то, что вместо того, чтобы следовать принятому плану кампании, он занял сторону австрийского полководца Ю.Я. фон Гайнау, поддерживая его действия, невыгодные русской армии.

В книге Н.П. Глиноецкого «История Генерального Штаба в России»² подробно описывается деятельность Берга на военном поприще в течение царствования Николая I. Автор позитивно характеризует деятельность Берга в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В тот момент Берг находился на посту генерал-квартирмейстера 2-ой армии, которая неудачно осаждала турецкую крепость Шумла. Безуспешная блокада города считалась одной из причин провала военных действий в 1828 г. в целом. Однако Глиноецкий встает на защиту Берга: «Неудачный исход кампании 1828 г. гораздо более зависел от неудовлетворительности высших стратегических соображений, чем от деталей исполнения, в которых могли бы выказаться недостатки генерального штаба»³. При исполнении этих деталей вовсе не встречается жалоб на незнание офицерами генерального штаба своего дела, а скорее лишь нарекания на недостаточное их число при войсках, несмотря на то что масса их была командирована на театр войны»⁴.

В другой работе под названием «Исторический очерк Николаевской Академии генерального штаба»⁵ Н.П. Глиноецкий дает в целом краткую оценку деятельности Берга, акцентируя внимание на его усилиях придать программе обучения офицеров-топографов более практико-ориентированный характер.

¹ Щербатов А.П. Князь Паскевич: его жизнь и деятельность: в 7 т. Т. 6. СПб.: типолитография Р. Голике, 1880. 404 с.

² Глиноецкий Н.П. История Генерального Штаба в России: в 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1894. 292 с.

³ имеется в виду генеральный штаб 2-ой армии, возглавляемый Бергом.

⁴ Глиноецкий Н.П. Указ. соч. С. 34.

⁵ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального Штаба. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1882. 512 с.

Применительно к изучению политики Берга как крупного деятеля регионального управления необходимо отметить работу М.М. Бородкина «История Финляндии»¹. Подробно рассматривая политическое и социально-экономическое развитие Финляндии при Берге, автор приходит к следующему выводу: «Край мог, конечно, быть ему благодарным за всевозможное побуждение, которое он давал и имел намерение дать, но чувства признательности население не проявило»². Одной из главных причин этого, по мнению Бородкина, стала непоследовательность преобразований генерал-губернатора. Тем не менее, даже такая политика имела свои положительные итоги: «Почти все реформы, проведенные позже вполне легальным порядком и пробудившие край к новой жизни, были не только предуказаны, но даже и начаты графом Бергом. Он не сумел ни одной из них довести до конца, но зато его шестилетнее управление краем оставило Финляндии богатую содержанием программу, охватывавшую собой все наиболее жизненные интересы народа»³.

Отметим, что в дореволюционный период выходили и небольшие статьи о Берге справочного характера. Несмотря на относительную краткость, они не сводятся к простому перечислению фактов биографии и отличаются аналитическим характером.

Статья о Берге в Военной энциклопедии под редакцией В.Ф. Новицкого вышла в 1911 г., т.е. по истечении достаточного времени для осмысления итогов деятельности генерал-фельдмаршала. Автор статьи старается сохранять объективность, дистанцируясь от полярных точек зрения на личность Берга. Его участие в Венгерском походе оценивается в большей степени отрицательно: по мнению автора статьи, генерал-фельдмаршал находился под влиянием личной неприязни к Паскевичу и участвовал в интригах, инспирированных австрийцами, действуя во вред русскому командованию⁴. При этом автор не поддается влиянию

¹ Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. СПб.: Государственная типография, 1908. 571 с.

² Бородкин М.М. Указ. соч. С 113.

³ Бородкин М.М. Указ. соч. С. 114.

⁴ Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 4. / под ред. В.Ф. Новицкого ... и др. СПб.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 479.

общественного мнения, при жизни часто негативного по отношению к Бергу. Административная деятельность Берга, ставшая венцом карьеры генерал-фельдмаршала, характеризуется следующим образом: граф явился «исполнителем целого ряда мер, имевших целью согласовать интересы Царства с интересами Империи; в то же время он, как и в Финляндии, чутко относился к местным потребностям»¹.

Противоречивая оценка деятельности Берга содержится в «Русском биографическом словаре» под редакцией А.А. Половцова. Военные, дипломатические и научные достижения Берга характеризуются исключительно положительно, однако эффективность его административной деятельности ставится под сомнение. Указывается, что в период наместничества графа в Царстве Польском «сдержанное отношение к его программе со стороны самых противоположных партий» объяснялось «некоторой неустойчивостью и непоследовательностью этой программы»². Кроме того, автор с укоризной отмечает и то, что первые действия Берга на посту наместника не отличались строгостью, выдержанностью и определенностью, а строгие репрессивные меры были приняты лишь после покушения на него самого³.

В целом, собственно управленческая деятельность Берга в дореволюционной историографии не проанализирована достаточно полно. В военной сфере уделено внимание его действиям преимущественно как военачальника, но не военного администратора. Были предприняты попытки дать достаточно взвешенную оценку его деятельности как главы российской администрации в Финляндии и Польше. Однако многие аспекты все равно остались за пределами фокуса внимания специалистов того периода: это касается исследования внешнеполитических факторов российской политики на северо-западной и западной окраинах Империи, процесса выработки программы преобразований как результата анализа предшествующих управленческих практик и компромисса между различными управленческими «партиями».

¹ Там же.

² Берг Федор Федорович (Фридрих Вильгельм Ремберг) // Русский биографический словарь под ред. А.А. Половцова. В 25 т. Т. 2. СПб: Имп. Рус. ист. о-во, 1900. С. 727.

³ Там же.

Эти лакуны не были заполнены и в советской историографии, в которой деятельность генерал-фельдмаршала рассматривалась еще более фрагментарно, чем в дореволюционной.

Е.В. Тарле в «Крымской войне» упоминает Ф.Ф. фон Берга как военного стратега. Ему уделен небольшой объем текста, однако Тарле вводит в научный оборот новый документ – докладную записку, поданную Бергом в военное министерство в 1853 г. и содержащую анализ перспектив военного конфликта с Османской империей. Берг приходил к выводу, что России будет крайне затруднительно добиться успеха в войне, поскольку Турция в гораздо большей степени готова к вооруженному противостоянию, чем в 1828–1829 гг.¹

Из работ советского периода наибольшее внимание уделено Бергу в монографии М.В. Миско «Польское восстание 1863 года»². Представляется, что оценка преобразований Берга, представленная в вышеназванном труде, недостаточно объективна: автор описывает практически исключительно карательные меры Берга, фактически обходя вниманием его вклад в проведение крестьянской и гминной реформ, реализация которых стала главной мерой по стабилизации политической ситуации в Царстве Польском.

Другой крупной работой по Царству Польскому периода 1860-х гг. стала монография И.И. Костюшко «Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском»³. Автор приходит к выводу, что Берг и его сторонники в противостоянии с «лагерем» Н.А. Милютинина по вопросам, связанным с реализацией аграрной реформы, отстаивали интересы помещиков. Впрочем, по мнению И.И. Костюшко, и «милютинцы», защищая интересы крестьян, руководствовались в своих действиях стремлением скорее парализовать национально-освободительное движение в Польше путем противопоставления крестьян помещикам, чем действительно решить аграрный вопрос. Мотивация же действий Берга выглядит следующим образом: залогом сохранения политической стабильности наместник считал

¹ Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 241.

² Миско М.В. Польское восстание 1863 года. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 336 с.

³ Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском / И.И. Костюшко. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 494 с.

развитие экономики, а расширение привилегий крестьянству грозило разорением крупных землевладельцев и наносило удар по экономическому развитию Царства Польского. Кроме того, поскольку крестьяне были поляками, предоставление им слишком значительных преимуществ только бы усиливало «польские претензии». Таким образом, Берг был представлен как консерватор, отстаивающий интересы шляхты и препятствовавший полноценной реализации крестьянской реформы¹.

Одной из наиболее значимых работ советского периода, затрагивающих личность Берга, является монография Л.В. Суни «Очерк общественно-политического развития Финляндии»: 50-70е годы XIX в.»². Основная ценность работы заключается в том, что автор, владевший финским языком, имел возможность обращаться к работам финских историков и использовать приведенную в них статистику, отражающую результаты мер, принятых Бергом для экономического развития Финляндии³.

Таким образом, работы советских исследователей, посвященные Бергу, крайне немногочисленны. В фокусе внимания чаще всего оказывалась его административная деятельность, причем в большей степени, чем ранее, анализировались результаты его социально-экономической политики. Однако при рассмотрении главного этапа его карьеры – наместничества в Царстве Польском – Берг представал исключительно как реакционер, что было во многом связано с господствовавшим в советской историографии взглядом на Январское восстание как на этап национально-освободительной борьбы польского народа против политики Российской империи.

В настоящий период можно констатировать существование в научном сообществе стабильного интереса к историческим процессам, в которых Берг играл значительную роль. Например, в течение 2015–2025 гг. среднее ежегодное количество работ по Крымской войне составляло 93, по Царству Польскому – 24,

¹ Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 154–155.

² Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии: 50-70е годы XIX в. Ленинград: Наука, 1979. 247 с.

³ Сенин А.В. Генерал-губернаторство Ф.Ф. фон Берга (1855-1861): Великое княжество Финляндское на переломе эпох // Клио. 2025. № 4 (220). С. 213.

по Великому княжеству Финляндскому – 19, причем в число пяти организаций, сотрудники которых наиболее активно публикуют работы по данным темам, входит МГУ имени М.В.Ломоносова¹. Эти данные свидетельствуют об актуальности проблематики исторических событий, связанных с именем генерал-фельдмаршала.

Однако работ, затрагивающих преобразования Берга в различных сферах государственного управления, в российской историографии появляется достаточно мало. В центре внимания специалистов обычно оказывается деятельность Берга как главы русской администрации в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском, а также как военного реформатора.

Из трудов современных отечественных историков, касающихся военных аспектов деятельности Берга, необходимо отметить монографию А.А. Кривопалова «Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848-1849 гг.»². В данной работе приводится достаточно подробный анализ переписки Берга с военным министром А.И. Чернышевым по поводу попыток реорганизации Департамента Генерального штаба по прусскому образцу. Автор приходит к выводу о том, что главная причина невостребованности предложений Берга об имплементации прусского порядка сбора сведений о военном потенциале иностранных государств коренилась в том, что Николай I не был психологически готов к постоянно действующему и институционально оформленному центру анализа стратегической информации³.

Из трудов, затрагивающих деятельность Берга как деятеля регионального управления, можно выделить кандидатскую диссертацию Е.В. Егорова⁴. В фокусе внимания автора находится восприятие российским чиновничеством разных уровней и российским обществом в целом в 1840–1860-х гг. панскандинавистских тенденций, влиявших на политику России в отношении Великого княжества Финляндского. Главным преимуществом труда является использование автором

¹ Составлено автором на основе результатов библиографического анализа, проведенного на ресурсе eLibrary. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 03.08.2025).

² Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848-1849 гг. М.; Русский фонд содействия образованию и науке. 2019. 288 с.

³ Там же. С. 160.

⁴ Егоров Е.В. Россия встречает скандинавизм: имперские представления, каналы коммуникации и практики управления (1843–1864): дис. ... канд. ист. наук : 5.6.1 / Егоров Евгений Витальевич. СПб, Турин, 2023. 583 с.

источников из Национального архива Финляндии (прежде всего, переписки Берга со статс-секретарем А. Армфельтом), раскрывающих особенности взаимоотношений главных политических фигур княжества того периода¹. Автор приходит к выводу, что распространение панскандинавистских настроений на территорию Финляндии в глазах Берга являлось центральной проблемой с точки зрения управления Княжеством². Действительно, генерал-губернатор серьезно относился к панскандинавизму, видя в нем инструмент влияния Швеции на Великое княжество в ущерб интересам России. Однако иные аспекты деятельности Берга в Финляндии, не связанные с идеологическим противодействием панскандинавизму, в работе исследованы гораздо меньше.

Как и ранее, наибольшее внимание в современной историографии уделяется наместничеству Берга в Царстве Польском. В данном контексте необходимо отметить монографию В.Е. Воронина «Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства»³. Речь в ней идет не столько о подавлении самого восстания и мерах, предпринятых Бергом, сколько о политике его предшественников – великого князя Константина и маркиза Велепольского. Основная идея автора заключается в том, что, разочаровавшись в политике уступок Царству Польскому, император направил туда Берга, от которого ожидал решительных действий по водворению в крае спокойствия.

На решающую роль Берга, как и М.Н. Муравьева, в подавлении восстания 1863–1864 гг. указывает О.Р. Айрапетов в работе «Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг.»⁴. Особая ценность работы заключается в тщательном анализе автором внешнеполитической ситуации, сложившейся в Европе в ходе восстания.

¹ Сенин А.В. Генерал-губернаторство Ф.Ф. фон Берга (1855-1861): Великое княжество Финляндское на переломе эпох // Клио. 2025. № 4 (220). С. 213.

² Егоров Е.В. Указ. соч. С. 311.

³ Воронин В.Е. Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной» политики русского правительства. М.: МПГУ, 2008. 432 с.

⁴ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 7-138.

Подробное внимание взаимоотношениям внутри российской администрации в Царстве Польском уделяет А.И. Максимов. В отличие от перечисленных выше советских историков, исследователь приходит к выводу о том, что в условиях существования двух «лагерей» в варшавской администрации главная роль в проведении реформ после завершения Январского восстания принадлежала не «партии» Милютина, а наместнику¹. В значительной степени тезис о существенной роли наместника представляется справедливым. Однако дальнейшее изучение исторических источников позволяет дополнить данное заключение: фактически проведение реформ стало возможным не в рамках противостояния различных «партий» в российской администрации, а их взаимодополнения, что и показано в настоящем исследовании.

Другой крупной работой по деятельности российской администрации в Варшаве в период царствования Александра II стала работа В.А. Кретьова «Крестьянский вопрос в политике российских властей в Царстве Польском (1863-1872 гг.)». Исследователь приходит к заключению о том, что при попытке формирования на основе крестьянской идентичности «другой польской нации» Н.А. Милютин, обеспечив себе большинство в Комитете по делам Царства Польского как центрального органа по решению вопросов польской политики, в большинстве случаев мог принимать решения вопреки позиции «партии» Берга в Варшаве². Признавая тезис автора о более сильных позициях Милютина в столице, стоит отметить, что чаще всего действия наместника скорее придавали меньшую остроту идеям Милютина, чем были противопоставлены позиции «милютинцев» по существу дела, как будет показано в настоящем исследовании.

В целом, можно констатировать факт того, что в современной науке в центре фокус исследований постепенно сместился от констатации итогов деятельности Берга к изучению условий, влиявших на процесс выработки программы преобразований, связанных с его именем.

¹ См., например: Максимов А.И. Положение российского реформатора в Царстве Польском в 1864 г. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. № 5. 2016. С. 25.

² Кретьов В.А. Крестьянский вопрос в политике российских властей в Царстве Польском (1863-1872 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. / Кретьов Владислав Александрович. М., 2025. С. 111, 114.

Отметим, что фигуре Берга уделяется все больше внимания и в работах современных зарубежных историков. Существенным подспорьем при изучении биографии Ф.Ф. Берга на ее раннем этапе является статья эстонского историка М. Салупере «Из переписки Ф. В. Р фон Берга в 1812–1826 гг.». Ценность данной работы заключается в том, что автор тщательно анализирует личную переписку Берга. Ее значительная часть хранится в настоящее время архивах Эстонии, доступ в которые в настоящий момент затруднен. Данные, приведенные в работе, позволяют составить общее представление о начале карьеры Берга и его пребывании в Европе во время Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг.¹

Достаточно подробно описывает инициативы Берга в области реформирования стратегической военной разведки Г. Перссон. Исследовательница комментирует содержание одного из вариантов инструкции Ф.Ф. фон Берга в контексте анализа состояния русской разведки в первой половине XIX столетия и приходит к выводу о том, что основные недостатки, существовавшие в данной сфере, заключались, во-первых, в несвоевременном обновлении необходимых сведений, и, во-вторых, в несистематическом характере их сбора. Соответствующие инструкции по получению и обработке информации о военном потенциале иностранных держав существовали, однако на практике фактически не применялись². Данный тезис представляется справедливым. В настоящем исследовании подробно анализируются причины такого положения дел и вклад Берга в решение накопившихся проблем в этой сфере.

В зарубежной историографии наибольшее внимание фигуре Берга в настоящий момент уделяют финские историки. М. Клинге в книге «Имперская Финляндия» следующим образом характеризует генерал-губернатора: «Он был очень талантливым и волевым человеком и хотел быстро сделать управление страной и ее экономику более эффективными. Но, будучи военным, он плохо

¹ Salupere M. Aus den Briefwechsel Friedrich Wilhelm Rembert von Bergs in den Jahren 1812-1826. URL: <http://www.aai.ee/abks/08.html> (дата обращения: 13.05.2025).

² Persson G. The Russian Army and Foreign Wars, 1859–1871. Umi: Dissertation publishing, 1999. 210 p.

понимал студентов и их затеи»¹. Таким образом, признается положительный вклад Берга в развитие Финляндии, хотя и отмечаются его неудачи в налаживании диалога с элитой страны, в том числе – с представителями ее молодежи.

Другой финский историк, О. Юссила, уделяет внимание преимущественно политической борьбе Берга с финляндской элитой, прежде всего, министром-статс-секретарем А. Г. Армфельтом и учрежденным им в качестве противовеса Бергу Комитетом при статс-секретариате Финляндском. Самого Берга Юссила характеризует как сильного и энергичного генерал-губернатора, докладные записки которого «по форме напоминали военные приказы»². Главную же политическую акцию Берга – созыв комиссии для подготовки созыва сейма – исследователь характеризует скорее положительно, поскольку, несмотря на неприятие населением этого мероприятия, данный шаг наместника способствовал «расширению конституционного сознания в обществе»³.

В ряду интересных работ, затрагивающих генерал-губернаторство Берга, можно отметить и статью, написанную немецким историком Р. Швейцером⁴. В работе кратко описываются основные события в политической и экономической жизни Княжества в период пребывания Берга на посту генерал-губернатора, но этот анализ слишком краток: Берг как администратор рассматривается в ряду других генерал-губернаторов, именно ему посвящен лишь небольшой раздел.

Таким образом, как в отечественной, так и зарубежной историографии происходит переоценка преобразований генерал-фельдмаршала. В то же время, целостное исследование деятельности графа как важного элемента функционирования системы государственного управления той эпохи в настоящий момент отсутствует. Исходя из степени разработанности в научной литературе проблемы диссертационного исследования можно сформулировать следующие цели и задачи.

¹ Клинге М. Имперская Финляндия / М. Клинге; [перевод с финского И. Соломеша, В. Мусаева, А. Рупасова; Институт Финляндии в Санкт-Петербурге]. СПб: Коло, 2005. С. 207.

² Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809-1917. Хельсинки: Ruslania, 2009. С. 258.

³ Там же. С. 259.

⁴ Швейцер Р. Консенсус в период между «нарушениями конституции»: российско-финляндские отношения от царствования Николая I до Февральского манифеста (1826–1899) // Русский сборник. № XVII. М.: Модест Колеров, 2015. С. 162-167.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении вклада, характерных черт и особенностей деятельности Ф.Ф. фон Берга в системе государственного управления Российской империи.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) определить место административных преобразований Ф.Ф. фон Берга в Киргиз-Кайсацкой степи в ходе развития процесса интеграции среднеазиатских земель в политическое пространство Российской империи;

2) выявить факторы, определившие реализацию идей Ф.Ф. фон Берга по реформированию русской стратегической разведки;

3) определить, насколько эффективной была система оценки внешнеполитических рисков национальной безопасности России применительно к Балтийскому фронту Крымской войны в период, когда Ф.Ф. фон Берг занимал должность главы российской администрации в Великом княжестве Финляндском;

4) дать оценку деятельности Ф.Ф. фон Берга на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского;

5) определить роль Ф.Ф. фон Берга в проведении реформ в Царстве Польском в 1863–1874 гг.

Источниковая база исследования. В значительной степени отсутствие в настоящий момент научной биографии Ф.Ф. фон Берга обусловлено особенностями источниковой базы подобного исследования. Мемуаров Берг не оставил, за исключением воспоминаний о периоде Отечественной войны, записанных со слов Берга П.П. Карцовым¹. Краткая биография Берга, опубликованная в Варшаве в 1872 г., была составлена при участии генерал-фельдмаршала, однако очень мала по объему и фактически сводится к перечислению фактов его профессионального пути². Таким образом, при написании биографической работы необходимо задействовать иные источники информации, которые в силу специфики карьеры Берга отличаются большим

¹ Карцов П.П. Граф Ф.Ф. Берг, наместник в Царстве Польском. Очерк из воспоминаний // Русская старина. 1883. № 2. С. 305–322.

² Наместник в Царстве Польском генерал-фельдмаршал граф Федор Федорович Берг. Варшава: Типография Иосифа Унгра, 1872. 14 с.

разнообразием: они относятся к различным областям сферы государственного управления, а также составлены на нескольких языках, чему способствовала как дипломатическая служба Берга, так и то, что наиболее значимые этапы его профессионального пути связаны с национальными окраинами Российской империи.

Источниковую базу настоящего исследования составляют нормативно-правовые акты, официальное делопроизводство и деловая переписка, личная переписка, дневники, воспоминания, а также периодика.

Результаты административной деятельности Берга находили выражение в официальных актах. Их изучение позволило проследить эволюцию политического курса Российской империи под влиянием шагов, предпринятых Бергом. В Оренбургском крае «Утвержденное мнение Азиатского комитета» 1824 г. легло в основу политики по постепенному вытеснению чингизидов из системы управления степью, получившей дальнейшее развитие в «Положении об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г., «Положении Сибирского комитета о порядке избрания старших султанов в казахской степи» 1855 г., «Заключении Совета общего областного управления сибирскими киргизами о новых правилах избрания волостных управителей» 1860 г. Официальные документы, относящиеся к наместничеству Берга в Царстве Польском, в наиболее систематизированном виде отразили основные шаги российской администрации по стабилизации политической обстановки в Польше. Кроме того, нормативно-правовые акты позволили дополнить информацию, которую было невозможно получить из других источников: в условиях существования крайне незначительного количества документов, относящихся к периоду обучения Берга, изучение устава Дерптского университета дало возможность воссоздать некоторые важные детали начального периода жизни будущего генерал-фельдмаршала.

Во второй из перечисленных выше групп источников основополагающее значение при воссоздании биографии Ф.Ф. фон Берга имеет его формулярный

список¹ – документ, содержащий краткую информацию о чинах, назначениях, наградах военнослужащего и являющийся основой биографии любого военного деятеля дореволюционной эпохи. Наряду с ним в личном фонде Берга в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ) содержатся важнейшие элементы деловой переписки, необходимые для проведения настоящего исследования. Это впервые вводимые в научный оборот донесения личных агентов Берга из-за рубежа о настроениях, царящих в кругу польской и финляндской эмиграции, а также сообщения агентов Третьего отделения (фонд № 109), анализ которых позволяет определить, как политика Берга воспринималась населением Великого княжества Финляндского и Царства Польского.

К данной группе источников относится и ряд документов из Российского государственного военно-исторического архива (далее РГВИА). Особый интерес представляет Ф. 846 «Военно-ученый архив», содержащий источники, отражающие процесс подготовки к экспедиции в Киргиз-Кайсацкую степь и ее ход (прежде всего, рапорты Ф.Ф. фон Берга).

В фонде № 29 «Канцелярия Военного министерства» РГВИА хранятся документы, связанные с попытками реформирования Бергом системы сбора и анализа разведывательных сведений военного характера. В данном контексте особое внимание в работе было уделено делу № 178 «О собрании статистических и военных сведений об иностранных государствах», содержащему инструкцию, составленную Бергом для военных корреспондентов. Значительно обогатили источниковую базу исследования документы из фонда № 38 «Департамент Генерального штаба», содержащие переписку Ф.Ф. фон Берга с военным министром А.И. Чернышевым, позволяющую реконструировать процесс принятия решений по вопросам разведки.

В исследовании также анализировалась делопроизводственная переписка из ф. 1291 «Земский отдел Министерства внутренних дел» Российского

¹ ГАРФ. Ф. 547. Берг Федор Федорович (Фридрих-Вильгельм Ремберт), граф, генерал-губернатор Финляндии (1854–1861), Наместник в Царстве Польском (1863–1874 гг.), генерал-фельдмаршал (с 1866 г.). Оп. 1. Д. 1. Послужные списки Берга Ф.Ф. и другие документы о его служебных назначениях.

государственного исторического архива (далее РГИА), отражающая ход реализации ключевой для интеграции степи в политическое пространство империи административной реформы 1824 г., в которой Берг принял самое активное участие.

При изучении деятельности Берга в период Крымской войны были проанализированы журналы заседаний Комитета о защите берегов Балтийского моря, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Они позволили оценить вклад Берга в организацию обороны российских крепостей на Балтике, прежде всего, Ревеля.

Из источников личного происхождения особенно ценными оказалась переписка князя В.А. Черкасского и Н.А. Милютина, хранящаяся в ОР РГБ (ф. 327). Фактически по содержанию представляя собой отчет князя о проделанной в Царстве работы, она в силу дружеских отношений этих государственных деятелей выходила за рамки сугубо делового обмена мнениями по вопросам проведения преобразований в Польше и имела в значительной степени частный характер. Переписка позволила не только воссоздать процесс выработки проектов реформ в Царстве Польском в 1860-е гг., но и реконструировать особенности взаимоотношений ключевых лиц в варшавской администрации. Не менее важным оказалось изучение переписки представителей высших эшелонов власти стран-союзников на заключительном этапе Крымской войны – это позволило как проанализировать истинные планы Великобритании и Франции в отношении развития военных действий на Балтике, так и оценить точность оценки Бергом сложившейся на тот момент внешнеполитической ситуации.

Из дневников особое значение имели записи П.А. Валуева¹, министра внутренних дел в 1861–1868 гг., и великого князя Константина Николаевича², наместника в Царстве Польском в 1862–1863 гг. Они позволили проанализировать процессы, происходившие в высших эшелонах государственной власти Российской империи накануне преобразований, проведенных под руководством Берга в Царстве Польском.

¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х томах. Т. 1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. 420 с.

² Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 726 с.

Из источников мемуарного характера необходимо отметить «Записки о польском восстании» адъютанта Берга В.В. фон Валя¹. Не предназначавшиеся для публикации изначально и не опубликованные до сих пор, они содержат ценную информацию об эволюции польского революционного движения, взаимоотношениях в стане повстанцев.

Представление о процессах, участником которых был Ф.Ф. фон Берг, было обогащено воспоминаниями людей, лично знавших Берга и взаимодействовавших с ним в сфере государственного управления (Д.Г. Анучина², Д.А. Милютин³, А.О. Дюгамеля⁴, А.Э. Циммермана⁵), а также лиц, являвшихся рядовыми участниками или свидетелями событий, представлявших собой значимые вехи в карьере Берга (Венгерского похода, восстаний в Царстве Польском в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.).

Для проведения данного исследования использовались и материалы периодики, наиболее ценные из которых представлены подборкой вырезок из газетных статей на английском, французском, немецком языках, содержащихся в личных бумагах Берга и впервые вводимых в научный оборот⁶. Они позволили определить, на основании изучения каких источников информации Берг принимал свои важнейшие решения, требовавшие анализа внешнеполитической обстановки.

Для анализа исторического контекста действий Берга широко использовались статистические материалы. Особенно полезной оказалась таможенная статистика, отраженная в отчетах о внешней торговле и экономическом состоянии Швеции, ежегодно составлявшихся Генеральным консульством России в Стокгольме⁷. Она позволила изучить экономическую основу внешнеполитической ситуации, сложившейся в Балтийском регионе на заключительном этапе Крымской войны, которую предстояло оценить Бергу как стратегу.

¹ ГАРФ. Ф. 542. Оп.1. Д. 355. Заметки Валя о польском восстании 1863 г.

² Анучин Д.Г. Граф Берг. Наместник в Царстве Польском // Русская старина. 1893. № 2. С. 34-87.

³ Милютин Д.А. Воспоминания 1843-1856. М.: Российский Архив, 2000. 527 с.

⁴ Дюгамель А.О. Автобиография. М.: Университетская типография М. Каткова, 1885. 278 с.

⁵ ОР РГБ. Ф. 325. Карт.1. Ед.хр.2. Воспоминания А.Э. Циммермана.

⁶ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 38 «Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х.».

⁷ АВПРИ. Ф. 193 «Российская миссия в Стокгольме, 1856. Оп. 817. Д. 93 «Compte rendu sur le commerce, la Banque, les fabriques, et les manufactures en Suede» (Отчет о торговле, банковском деле, фабриках и производствах).

В целом, источниковая база исследования позволила выполнить поставленные задачи и достичь цели работы.

Ключевым для **методологии исследования** является историко-биографический подход, поскольку в работе произведена реконструкция биографии Ф.Ф. фон Берга в целях определения его вклада, характерных черт и особенностей деятельности в системе государственного управления. В диссертации карьерный путь Берга рассматривается в контексте кадровой политики, существовавшей в рамках системы государственного управления Российской империи, что позволяет говорить о применении историко-системного метода. Все рассматриваемые в диссертации события изучаются в их развитии, что требует применения историко-динамического метода. Деятельность Берга как генерал-губернатора анализируется в сравнении с политикой других государственных деятелей, занимавших ту же должность, состояние русской военной разведки оценивается в контексте ее сопоставления с разведками других стран того же периода и т.д. Данный подход обуславливает необходимость использования историко-сравнительного метода.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в историографии комплексно проанализирован вклад крупного государственного деятеля XIX столетия Ф.Ф. фон Берга в развитие системы государственного управления России на общеимперском и региональных уровнях.

В работе было показано, что деятельность Берга во главе «Комитета, учрежденного для разделения Орды оренбургских киргизов» заложила основу для постепенного вытеснения верхушки традиционной кочевой элиты «ак суйек» из системы регионального управления Киргиз-Кайсацкой степью.

Были выявлены факторы, воспрепятствовавшие реализации идеи Берга о создании единого органа систематизации стратегической разведывательной информации. Они заключались в невозможности расширения штата военных агентов, а также отсутствии у потенциальных военных противников России аналогичных органов, что не стимулировало развитие отечественной разведки в направлении, предложенном Бергом.

В результате анализа служебных документов Берга из РГВИА и его личного фонда в ГАРФ, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, был сделан вывод о том, что ряд факторов, влиявших на расклад сил в Балтийском регионе, был Бергом недооценен, что однако не повлияло на успешность организации им обороны Балтийского побережья России на заключительном этапе Крымской войны.

Была дана оценка деятельности Берга на посту генерал-губернатора в Великом княжестве Финляндском: произведенные при его активном участии преобразования оказали положительное влияние на социально-экономическое развитие региона. Однако к тому моменту система управления княжеством уже была жестко институционализированной и строилась на отлаженном механизме взаимодействия ряда звеньев управления – сената, статс-секретариата, Комитета финляндских дел. Берг, сформировавшийся как управленец в условиях слабо институционализированной системы управления первой половины XIX в., был для нее чужд, что и вынудило его подать в отставку со своего поста.

Была определена роль Берга в стабилизации политической ситуации после восстания 1863–1864 гг.: в условиях невозможности деполонизации системы управления в Царстве Польском Берг был вынужден модифицировать «систему Муравьева», примененную в Северо-Западном крае. Фактически Берг придавал более умеренный характер инициативам, исходящим из более радикальной части российской администрации – т.н. «партии» Н.А. Милютина – с целью налаживания диалога с местным населением и создания у него позитивного образа российских властей. В то же время, как показано в работе, большая часть уступок Берга носила чисто демонстративный характер и не влияла на укрепление позиций русской администрации в регионе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Административная деятельность Ф.Ф. фон Берга в Оренбургском крае, заложив основу для постепенного лишения чингизидов власти в кочевом сообществе, существенным образом поспособствовала интеграции Киргиз-Кайсацкой степи в политическое пространство Российской империи.

2. Реализации опережавших свое время идей Берга по реформированию системы сбора разведывательной информации о военном потенциале иностранных государств воспрепятствовали объективные факторы. У держав-потенциальных противников отсутствовали в тот период централизованные органы стратегической разведки, факт существования которых мог бы стимулировать совершенствование отечественных разведывательных структур в направлении создания единого аналитического центра сбора и обработки разведывательных сведений о зарубежных государствах. При этом не было возможности и принципиально увеличить штат военных агентов, на которых, по оценкам Берга, должна была быть возложена основная задача по своевременному сбору точной информации о военном потенциале иностранных держав.

3. В условиях отсутствия централизованной системы стратегической разведки Ф.Ф. фон Бергу приходилось выступать в роли одновременно как главы российской администрации в Финляндии, так и своеобразного единоличного аналитического центра. Фактически Берг был одним из самых осведомленных администраторов империи: незадолго до назначения на должность финляндского генерал-губернатора он непосредственно курировал вопросы разведки на должности генерал-квартирмейстера Главного штаба, т.е. имел значительные возможности для использования основных каналов информации о военно-политической ситуации за рубежом. Выводы Берга по данному вопросу были представлены в записке «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года»¹. Применительно к заключительному этапу Крымской войны система анализа внешнеполитических рисков оказалась недостаточно эффективной, поскольку фактически не были оценены следующие риски, которые, как было доказано в работе, являлись ключевыми: усилившаяся в результате конфликта вокруг Варангер-фьорда антироссийская активность Норвегии, находившейся в составе унии со Швецией, но фактически обладавшей собственным внешнеполитическим весом; экономическая зависимость Швеции от Великобритании; личная антироссийская позиция нового шведского короля Оскара I.

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Лл. 60-116.

4. Деятельность Берга на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского способствовала его политическому и социально-экономическому развитию. При Берге были построены новые транспортные коммуникации, развивалась промышленность, был введен выгодный для Финляндии таможенный тариф, активно осуществлялась подготовка к созыву Сейма. Однако к моменту занятия Бергом поста генерал-губернатора система регионального управления в Финляндии уже была жестко институционализированной и строилась на отлаженном механизме взаимодействия ряда звеньев управления – сената, статс-секретариата, Комитета финляндских дел. Генерал-губернатор был призван быть лишь одним из элементов этой системы. Для администратора николаевской эпохи, привыкшего осуществлять личный контроль за всеми деталями управленческого процесса, подобная ситуация была непривычной. Данное обстоятельство и заставило Берга покинуть свой пост в 1861 г.

5. При проведении реформ гражданского управления в Царстве Польском, т.е. на территориях с преобладающим польским населением, Ф.Ф. фон Берг не мог принимать меры, полностью аналогичные преобразованиям М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае. В условиях Царства Берг был вынужден идти на компромиссы с местным населением в целях поддержания политической стабильности в крае. Однако эти уступки носили преимущественно демонстративный характер. Они не препятствовали существенным образом реализации идей «партии» Н.А. Милютина и лишь придавали им более умеренный характер в глазах польского общества. В целом, политика Берга способствовала мирной интеграции Царства в политико-административное пространство Российской империи путем сближения местной системы управления с общероссийской.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения различных малоисследованных аспектов сферы государственного управления первой половины – третьей четверти XIX столетия. Посредством реконструкции биографии Ф.Ф. фон Берга как государственного деятеля были изучены механизмы выработки политического курса на разных уровнях системы государственного

управления России XIX в. Таким образом, были продемонстрированы возможности историко-биографического подхода как инструмента для дальнейшего исследования истории развития системы государственного управления.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы диссертации могут быть применены при разработке курсов по истории государственного и муниципального управления, истории внешней политики России обозначенного периода. Кроме того, результаты исследования могут быть положены в основу разработки межгосударственных проектов, направленных на сохранение исторической памяти и укрепление гуманитарного сотрудничества России и стран, прошлое которых связано с деятельностью Ф.Ф. фон Берга (Казахстан, Финляндия, Венгрия и др.).

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность проведенного исследования определяется широтой источниковой базы, включающей в себя массив ранее неопубликованной делопроизводственной переписки различных государственных органов Российской империи, источников личного происхождения, а также материалов периодической печати. Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры международных организаций и проблем глобального управления МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Публичная апробация результатов исследования проходила в ходе выступлений на всероссийской конференции «Киняпинские чтения» (г. Москва, 2023), XXX круглом столе «Россия и мир: проблемы взаимовосприятия» (г. Москва, 2024), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2024), XXI Международной конференции «Государственное управление в условиях новых вызовов» (г. Москва, 2024), а также самостоятельно организованного автором доклада в Русском географическом обществе (г. Москва, 2025).

Публикации автора по теме исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 4 работы общим объемом 3,8 п.л., из них 4 статьи (объемом 3,8 п.л.) в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует п. 6 «Личность в истории органов государственного и муниципального управления, персоналии», п. 21 «Исторический опыт управления территориальным развитием» паспорта научной специальности 5.2.7. Государственное и муниципальное управление (отрасль науки – исторические).

Структура и объем работы определены в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы, включающего 250 наименований. Диссертация изложена на 213 страницах машинописного текста.

ГЛАВА 1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАРЬЕРЫ Ф.Ф. ФОН БЕРГА

§1.1. Становление Ф.Ф. фон Берга как государственного деятеля

Детство и юность Фридриха Вильгельма Ремберта (на русский манер Федора Федоровича) фон Берга освещены крайне фрагментарно в немногочисленных исторических источниках, относящихся к происхождению и раннему периоду жизни будущего генерал-фельдмаршала.

О генеалогии Берга один из его адъютантов А.Э. Циммерман напишет следующее: «Фамилия Бергов принадлежит к числу древнейших дворянских родов Лифляндии. В дворянском матрикуле (списке) Остзейских губерний самые старые фамилии означены под рубрикой: получившая индигенат¹ (туземство) в гермейстерские² времена, т.е. еще при существовании Ливонского ордена; все эти роды пришли из Германии или Швеции»³.

В роду Бергов сохранялась семейная легенда, согласно которой они вели свое происхождение из Вестфалии⁴. В XVI веке вестфальский рыцарь Отто фон Берг переселился в Эстляндию, и именно он стал родоначальником нескольких остзейских родов Бергов.

Согласно одному из главных дореволюционных источников по генеалогии – «Русской родословной книге» А.Б. Лобанова-Ростовского – на остзейских землях Российской империи существовало два рода Бергов:

- Берги из домов Шаден, Бергсхоф и Каттентак;
- Берги из домов Кандель, Нурмис, Кармель и Клаусхольм⁵.

¹ Индигенат (от фр. Indigénat) – подданство (в данном случае – Ливонского ордена).

² Гермейстер – глава соединенных орденов (Меченосцев и Тевтонского) в Ливонии. В данном случае под «гермейстерскими временами» можно понимать период существования Ливонского ордена, т.е. 1237–1561 гг.

³ ОР РГБ. Ф. 325. Карг. 1. Ед. хр. 2. Воспоминания А.Э. Циммермана. Л. 84.

⁴ Berg Gregor von. Autobiographie. Dresden, 1871. S. 1.

⁵ Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. 2-е изд. Т. 1. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895. С. 46.

Как отмечает последний из ныне живущих представителей рода графов Бергов, М.Н. фон Берг, лично консультировавший автора настоящей диссертации по вопросам генеалогии своей семьи, Ф.Ф. фон Берг принадлежал к дому Бергсхоф¹.

После вхождения остзейских территорий в состав Российской империи Берги, до этого служившие шведскому королю, поступили на русскую службу. В XVIII в. представители этой семьи успешно участвовали в военных конфликтах с участием России. Магнус Иоганн фон Берг, двоюродный дед Ф.Ф. фон Берга, признается Д. Давыдовым одним из зачинателей партизанского дела в России в ходе Семилетней войны, а также одним из учителей А.В. Суворова, служившего под его началом². Достижения М.И. фон Берга были по достоинству оценены на самом высоком уровне: восприемниками при крещении его сына Грегора, впоследствии военного губернатора г. Ревеля, станут Екатерина II и Г. Орлов³, а в 1773 г. он первым из уроженцев Лифляндии будет произведен в генерал-аншефы⁴.

Будущий генерал-фельдмаршал появился на свет в семье статского советника Фридриха Георга фон Берга (1763–1811 гг.) и Гертруды Вильгельмины, урожденной Эрмес (1775–1841) на мызе⁵ Сангасте (Шлосс-Загниц на немецком языке)⁶ неподалеку от Дерпта⁷.

Информация о дате рождения Берга имеет противоречивый характер. Н.В. Берг, собиравший материалы по Польскому восстанию 1863–1864 гг. при активном содействии Ф.Ф. фон Берга, приводит в этом качестве 1793 г.⁸, что подтверждается формулярным списком⁹. При этом сам Н.В. Берг подчеркивает то, что в воспоминаниях Грегора Магнуса (Григория Максимовича) фон Берга,

¹ Берг М.Н. Дом Мюллерсхоф. Семейная история эзельских Бергов. М.: Принтхаус, 2004. С. 100.

² Давыдов Д.В. Опыт теории партизанского действия. М.: Типография С. Скливановского, 1821. С. 13.

³ Берг Григорий Максимович // Русский биографический словарь под ред. А. А. Половцова. Т.2. СПб: Имп. Рус. ист. о-во, 1900. С. 720.

⁴ Berg Gregor von. Ibidem. S. 14.

⁵ Мыза в остзейских губерниях – имение, участок земли с расположенными на ней барским домом и хозяйственными постройками.

⁶ Ныне поселок Сангасте в Эстонии.

⁷ Берг Н.В. Польское восстание в 1863 году // Русская старина. 1879. № 5. С. 77.

⁸ Там же.

⁹ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Послужные списки Берга Ф.Ф. и другие документы о его служебных назначениях. Л. 55.

двоюродного дяди фельдмаршала, приводится иная дата – 1794 г.¹ В другом дореволюционном источнике, одном из наиболее полных справочных изданий по военному делу на тот момент, Военной энциклопедии под редакцией В.Ф. Новицкого, указан 1790 г.² В данной ситуации представляется верным считать датой рождения 1793 г., поскольку формулярный список является официальным и наиболее авторитетным источником информации об основных вехах жизненного и профессионального пути Берга³.

Воспоминаний о том, как осуществлялось первоначальное домашнее воспитание будущего генерал-фельдмаршала, не сохранилось, однако об общих началах, на которых было основано воспитание в роду Бергов, можно судить по цитируемыми выше воспоминаниям двоюродного дяди Берга, Грегора Магнуса. В доме были и нанятые учителя, однако ключевую роль в домашнем образовании играли близкие, особенно мать: «Она научила нас молиться Богу и дала нам первые уроки нравственного воспитания. Лучшим же воспитанием для ребенка в то время считалось умение разговаривать по-французски, чему она нас и учила»⁴.

Таким образом, в целом представляется верным тезис Н.В. Берга о том, что будущий государственный деятель получил «немудрое домашнее воспитание»⁵, однако альтернативы, которая могла бы обеспечить юноше более высокий уровень образования для продолжения обучения в высшем учебном заведении, фактически не было. Как отмечает дореволюционный исследователь истории Дерптского университета Е.В. Петухов, «местная средняя школа весьма мало отличалась тогда от условий домашнего образования, которым ограничивались многие молодые люди тогдашних богатых фамилий в крае перед поступлением в университет»⁶.

По окончании домашнего воспитания, Ф.Ф. Берг поступает в 1810 г. на философский факультет Дерптского университета⁷. О качестве образования в

¹ Берг Н.В. Польское восстание в 1863 году // Русская старина. 1879. № 5. С. 77.

² Военная энциклопедия: В 18 т. / Под ред. В.Ф. Новицкого. Т. 4. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. С. 478.

³ Там же.

⁴ Berg Gregor von. Ibidem. S. 12.

⁵ Берг Н.В. Польское восстание в 1863 году // Русская старина. 1879. № 5. С. 77.

⁶ Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902) : Ист. очерк : Т. 1 : Первый и второй периоды (1802-1865). Юрьев, 1902. С. 218.

⁷ Schüler-Album des Dorpatschen Gymnasiums von 1804 bis 1879. Dorpat: Druck von C. Mattiesen, 1879. S. 6-7.

данном учебном заведении в начале XIX столетия остались противоречивые сведения. С одной стороны, во всем университете «всего счастливее в качественном отношении замещены были кафедры философского факультета»¹. Кроме того, в 1804 г. попечитель университета, некогда деятель известного литературного движения «Буря и натиск» Ф.М. фон Клиндер оставил следующий отзыв об уровне профессуры в университете: «Они читают более лекций, употребляют на преподавание более часов в день, нежели обыкновенно бывает в университетах. Метод учения большей части профессоров весьма хорош, отменно ясен и может служить образцом; изъяснения их определительны, ясны и, можно сказать, достаточны для того, чтобы занять всю мысль и внимание слушателей. В каждой кафедре читаются, сверх подлежащих предметов, однажды в неделю конферсатории² и краткое содержание прошедших лекций, что возбуждает душевные силы студентов, спешествуя развитию их способностей, и служит для профессора удостоверением об успехах учащихся. Студентам также позволено спрашивать профессоров о том, чего они не поняли»³.

С другой стороны, атмосфера, царившая в вузе, не способствовала активной научной деятельности: «Тогдашний студент не любил жить в одиночку. Уделяя весьма мало времени на свои занятия, если не считать немногих усердных тружеников, составлявших исключение, он искал общества, которое представляла ему товарищеская среда и окружавшее его городское население»⁴. Что же касается дисциплины в университетской среде в принципе, то, как отмечал один из местных краеведов, в отношении нее ректор университета придерживался принципа «жить и давать жить другим»⁵: «Профессора и студенты сходились тогда вместе довольно охотно, хотя в этом общении научные интересы занимали гораздо меньше места, нежели стремление к веселому препровождению времени»⁶.

¹ Петухов Е.В. Указ. соч. С. 161.

² Конферсаторий (от лат. *conversatio*) – формат обучения, заключающийся в организации дискуссий, в ходе которых студенты ставят вопросы, выдвигают гипотезы, отстаивают свою точку зрения. Особенно высокого мнения о таком формате обучения был выпускник Дерптского университета, известный хирург Н.И. Пирогов.

³ Петухов Е.В. Указ. соч. С. 261-262.

⁴ Петухов Е.В. Указ. соч. С. 277.

⁵ Eckardt J. Die Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig : Duncker & Humblot, 1868. S. 397.

⁶ Петухов Е.В. Указ. соч. С. 280.

Таким образом, нахождение в университете не способствовало эффективному освоению учебных дисциплин. Через два года после поступления Берг решает покинуть университет. В принципе, такая практика была достаточно распространенной: «Ни зачета семестров, ни перехода из курса в курс, ни определенных и обязательных учебных планов не было, а потому и не было определенного и точно установленного срока пребывания студентов в университете»¹. При этом, согласно Уставу Дерптского университета 1803 года (§2), уроженцам остзейских губерний при занятии должностей на государственной службе, «требующих юридических или иных познаний», было необходимо предъявить документ, свидетельствующий, что срок обучения данного лица в Дерптском университете или ином высшем учебном заведении составлял не менее трех лет². Однако далеко не все из студентов планировали идти на государственную службу. Кроме того, согласно, например, официальному годовому отчету университета за 1808 г., крайне незначительное число обучающихся оставалось на студенческой скамье положенные три года, тогда как многие покидали вуз через год или даже полгода³. Поэтому, несмотря на то что в архивах не удалось обнаружить личное дело студента Ф.Ф. фон Берга (которое с большой вероятностью было бы малоинформативным, учитывая низкую степень формализации тогдашнего учебного процесса), будущего генерал-фельдмаршала можно считать по меркам того времени вполне прилежным учащимся, освоившим две трети учебной программы.

В значительной степени на решение Берга покинуть университет оказало ожидание скорого военного конфликта с наполеоновской Францией. Дерпт был важным звеном в системе коммуникации с Европой, через него проходили войска, идущие на запад, перевозились раненые и больные (отметим, что университетская клиника использовалась для лечения раненых еще в 1807 г. в ходе военных действий в рамках четвертой Антифранцузской коалиции). Военно-патриотические настроения в городе были сильны, и решение Берга отправиться в действующую армию представляется вполне объяснимым.

¹ Петухов Е.В. Указ. соч. С. 223.

² Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. С. 125.

³ Петухов Е.В. Указ. соч. С. 224.

По словам Берга, бросить университет и отправиться на военную службу вместе с ним решили «человек десять»¹. В пути дороги этой группы разделились. Часть студентов отправилась в Петербург, чтобы вступить в гвардию. Берг же «стремился в авангард, и на последние гроши, кое-как в жидовском фургоне, дотащился до Вильны. Там я узнал, что начальником авангарда назначен Эссен и штаб-квартира его находится в Слониме. <...> И вот я, с котомкою за плечами, босой, пробрался пешком до Слонима. На счастье, встречаю знакомого уланского офицера из курляндцев. <...> По его указанию, на другой день я отправился к Эссену»².

Вполне возможно, что история отъезда Берга на фронт носила более прозаический характер. Как отмечает Н.В. Берг, будущему генерал-фельдмаршалу мог посодействовать сын хорошего знакомого их семьи Т. фон Бок³, впоследствии получивший известность как автор направленной императору записки о конституционных преобразованиях⁴. Участник Наполеоновских войн, лично знавший Александра I, он, будучи посланным в тот момент в Ригу в качестве курьера, вполне мог захватить с собой Ф.Ф. фон Берга и обеспечить ему протекцию у Эссена (письма Бока к матери Берга подтверждают то, что он внимательно отслеживал первые шаги своего младшего товарища на военной службе⁵). Однако сам Берг явно предпочитал более романтизированный вариант рассказа о начале своей карьеры, изложенный выше.

В формулярном списке Ф.Ф. фон Берга значится: «В службу вступил юнкером 10 марта 1812 года в Либавский пехотный полк»⁶. Вскоре генерал И.Н. Эссен решил оставить Берга при штабе, обратив внимание на способности юнкера к черчению. По словам Берга, «штабные заметили, что я недурно черчу,

¹ Карцов П.П. Граф Ф.Ф. Берг, наместник в Царстве Польском. Очерк из воспоминаний // Русская старина. 1883. № 2. С. 306.

² Карцов П.П. Указ. соч. С. 307.

³ Берг Н.В. История Польского восстания 1863 года // Русская старина. 1879. № 5. С. 78.

⁴ Записка Т.Е. Бока // Декабристы и их время: материалы и сообщения / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); под ред. М.П. Алексева, Б.С. Мейлаха. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 189-203.

⁵ Salupere M. Aus den Briefwechsel Friedrich Wilhelm Rembert von Bergs in den Jahren 1812-1826. URL: <http://www.aai.ee/abks/08.html> (дата обращения: 12.08.2025).

⁶ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 20об.

доложили Эссену, что было бы полезно удержать меня при штабе; он согласился»¹. Уже в апреле 1812 года Ф.Ф. фон Берг принимает участие в разъездах и топографических работах, получавших высокую оценку И.Н. Эссена².

В июле 1812 года, вскоре после начала Отечественной войны, последовало первое повышение по службе, связанное с выполнением ответственного разведывательного поручения. Бергу как «как знающему латышский язык»³ было поручено отыскать брод на Двине для неожиданного удара «одновременно с фронта и с фланга, со стороны реки»⁴ по войскам прусского генерала Граверта, подошедшего к расположенному недалеко от Риги Динабургу (Даугавпилсу). В ночь на 26 июля 1812 года Ф.Ф. фон Берг повел через реку два батальона пехоты и успешно атаковал на рассвете неприятеля. После сообщения Эссену о победе он был произведен в прапорщики и удостоен чести доставить рапорт о ходе сражения императору. В рапорте Эссен отметил, что его подчиненный «по образу своего поведения, как в последнем деле, так и в прежних обещает быть полезным для службы Вашего Императорского Величества офицером»⁵.

После доклада Берга в разговоре с управляющим Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части П.М. Волконским государь высказал следующее мнение по поводу юного прапорщика: «Бойкий юноша, из него будет толк. Перевести его за отличие в Литовский полк»⁶. Однако Берг отказался от перевода в гвардию, и на вопрос о том, чего же он желает, отвечал, что желает быть колонновожатым, как в тот момент именовались младшие чины Свиты Его Императорского Величества (далее Е.И.В.) по квартирмейстерской части. Бергу присвоили чин подпоручика и зачислили в колонновожатые, но изначально он должен был быть направлен в Петрозаводск, где формировались резервы. И лишь благодаря помощи главнокомандующего войсками в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова Ф.Ф. Берг отправился в действующую армию генерала М.Б. Барклая-де-Толли⁷.

¹ Карцов П.П. Указ. соч. С. 307.

² Salupere M. Aus den Briefwechsel Friedrich Wilhelm Rembert von Bergs in den Jahren 1812-1826. URL: <http://www.aai.ee/abks/08.html> (дата обращения: 13.05.2025).

³ Карцов П.П. Указ. соч. С. 307.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л.3об.

⁶ Карцов П.П. Указ. соч. С. 309.

⁷ Там же. С. 310.

Наиболее полным и авторитетным источником сведений об участии Берга в Отечественной войне и Заграничном походе русской армии следует считать его формулярный список. «При преследовании неприятеля из Российских пределов находился при генерал-лейтенанте Левизе, от которого был отряжен в отряд гвардии ротмистра фон Бока; для обеспокоивания на ретираде неприятеля и для открытия коммуникации через неприятельскую армию с корпусом графа Витгенштейна; потом находился при отрядах генерал-адъютанта Кутузова и генерал-майора Ф.Х. Теттенборна»¹. Участвовал в боях под Кенигсбергом, Берлином, Гамбургом. Во время восстания жителей Гамбурга против французов, в тот момент оккупировавших город, поручик Ф.Ф. Берг был командирован на расположенный неподалеку остров Гельголанд, находившийся под контролем Великобритании, для закупки 10 000 ружей для помощи восставшим². Выполнение задания протекало в обстановке строгой секретности: для встречи с англичанами Ф.Ф. фон Берга везли в рыбацкой лодке, зашитым в мешке³. По возвращении он участвовал в защите Гамбурга в составе отряда полковника А.Х. Бенкендорфа, после чего был «послан в Копенгаген к датскому двору для переговоров о соединении у Гамбурга российских войск с датскими – в чем и успел»⁴.

Служба Берга в ходе Заграничных походов протекала интенсивно: только с 10 августа по 5 сентября 1813 года он участвовал в 14 сражениях, в том числе в знаменитой «битве народов» у Лейпцига⁵.

В январе 1814 года Берг становится штабс-капитаном Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, затем участвует во взятии Парижа. В августе 1814 года он был переведен в гвардейский генеральный штаб⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

² Военная энциклопедия. В 18 т. Т. 4 / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 479.

³ Берг Н.В. Польское восстание в 1863 году // Русская старина. 1879. № 5. С. 80.

⁴ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

⁵ Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого ... [и др.]. Т. 4. СПб.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 478.

⁶ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 20об.

Получив 15 августа 1814 года отпуск, Ф.Ф. Берг отправился осматривать поля сражений Италии и Швейцарии, а также «попутно выполнил тайное поручение по надзору за карбонарским движением¹ в Неаполе»².

В марте 1816 года Ф.Ф. Берг был произведен в капитаны, а в феврале 1817 года получил отпуск, продлившийся до марта 1820 года. В отпуске Ф.Ф. Берг состоял при русском посольстве в Константинополе и почти год занимался составлением военного обозрения Турции. Ф.Ф. Берг снял «кое-какие местности Балканского полуострова, между прочим, дорогу через Балканы»³.

Будучи в 1818 году в итальянских землях, Ф.Ф. Берг встретил знакомую ему по Петербургу итальянскую графиню Аннони, урожденную Чикония, муж которой некоторое время был австрийским посланником в России (впоследствии Бергу приписывали австрофильство, вызванное этим фактом)⁴. Семейство Чикония славилось древностью рода: один из предков графини, венецианский дож Пасквале Чикония, был известен как инициатор строительства одного из главных символов Венеции – моста Риальто⁵. Берг стал частым гостем семьи Аннони и в Милане, и в городке Гуччиано. Берг так описывает это семейство и свое времяпрепровождение в Италии: «Граф Аннони приятный человек. Его супруга нездорова, по всей видимости, по той причине, что вступила в брак еще в 14 лет. Однако, несмотря на это, она является прекраснейшей дамой Милана, по меньшей мере, одной из наиболее прелестных»⁶. В письме от 22 октября 1818 года он пишет: «В настоящий момент веду в Гуччиано тот же образ жизни, что и в Загнице: коротаю время за музицированием и рисованием. Здесь я встретил замечательных друзей, и нам остается лишь грустить о том, что мы рождены не под одним небом и не в нашей власти прожить оставшиеся годы бок о бок друг с другом»⁷. Впоследствии овдовевшая графиня Аннони выйдет замуж за Ф.Ф. фон Берга.

¹ Имеются в виду члены тайных политических организаций 1-й трети XIX столетия, основной целью которых было свержение австрийского господства и объединение Италии.

² Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В.Ф. Новицкого ... [и др.]. Т.4.СПб.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 478.

³ Берг Н.В. Польское восстание в 1863 году // Русская старина. 1879. № 5. С. 81.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Salupere M. Aus den Briefwechsel Friedrich Wilhelm Rembert von Bergs in den Jahren 1812-1826. URL: <http://www.aai.ee/abks/08.html> (дата обращения: 17.08.2025).

⁷ Там же.

В 1820 году Ф.Ф. фон Берг прибывает в Россию. Император остался высокого мнения о результатах топографических изысканий, произведенных Бергом в Турции. Наградой стало производство в полковники и зачисление в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. Об отпуске Берга сохранилась следующая резолюция генерал-квартирмейстера Главного Штаба генерала Ф.Ф. Довре: «Генерального штаба генерал-майор Берг в чине капитана гвардейского генерального штаба был уволен в отпуск за границу до излечения от болезни, в каковом и находился от 22 марта 1817 года по 25 февраля 1820 года, всего 2 года 11 месяцев. Но как во время сего отпуска он занимался военным обозрением Турции и приведением оного потом в порядок, на что и употребил 11 месяцев 10 дней, почему государь император в уважение сего высочайше повелеть соизволил означенные 11 месяцев и 10 дней исключить из его отпуска и счесть оные за действительную службу»¹.

В октябре 1820 г. Берг «по особому высочайшему повелению определен к Статским делам с переименованием в коллежские советники»². Далее в течение двухлетнего периода ему предстоит состоять при русских посольствах в Мюнхене, Риме, Неаполе³. По возвращении из-за границы в июле 1822 года Берг продолжит службу в чине полковника Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части.

Таким образом, к началу второго десятилетия XIX столетия будущий генерал-фельдмаршал обрел хорошую базу для продолжения службы на ответственных постах: гражданское университетское образование, которое было редкостью для государственных деятелей той эпохи⁴, он сочетал с обширным военным и дипломатическим опытом, а также сумел завоевать личное доверие императора при выполнении крайне ответственных поручений. Все эти обстоятельства позволили получить назначение в Оренбургский край – регион, имевший стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности Российской империи.

¹ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 ; Сенин А.В. «Генерал Фигаро» // Родина. 2024. № 7. С. 124.

² ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 20об.

³ Сенин А.В. Ф.Ф. фон Берг и русская военная разведка во второй четверти XIX в. // Российская история. 2025. № 3. С. 122.

⁴ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 29.

§1.2. Миссия Ф.Ф. фон Берга в Оренбургском крае

В первой половине XIX столетия Оренбургский край являлся одной из наиболее геополитически важных территорий Российской империи и обладал рядом особенностей. Прежде всего, его отличали географические и демографические характеристики. Земли края площадью 444,3 тыс. верст включали в себя как территорию собственно Оренбургской губернии, так и земли оренбургских и уральских казаков, а также башкирские юрты в прилежащих губерниях (Саратовской, Пермской, Вятской) и кочевья казахов в Приуралье¹. Об обширности этого юго-восточного фронта Российской империи свидетельствует уже тот факт, что его центральная часть – Оренбургская губерния – входила в число наиболее крупных и густонаселенных административно-территориальных единиц России (по этим показателям занимала третье и четвертое места соответственно)². При этом одной из главных характеристик региона была полиэтничность: русскоязычные составили большую часть населения лишь к середине столетия³, тогда как в начале второй четверти века губерния характеризовалась наличием больших национальных меньшинств (самое крупное – башкиры – составляли более 30 % общей численности населения губернии)⁴.

Кроме того, особым было и внешнеполитическое значение Оренбуржья: по словам Петра Великого, в эпоху которого активизируется политика России на юго-восточном направлении, «хотя киргиз-кайсацкая орда⁵ степной и легкомысленный народ, только всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата»⁶. В данном контексте необходимо отметить, что во втором десятилетии XIX столетия центральноазиатское направление становится объектом усиленного внимания

¹ Семенова Н.Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: Механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая четверть XIX веков) // Новый исторический вестник. 2016. № 48 (2). С. 11-12.

² Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1848. С. 155–157.

³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. С. 33.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX века. Уфа: Китап, 1996. С. 336 ; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1978. С. 212.

⁵ Киргиз-кайсаки – уст. название казахов.

⁶ Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – середина XIX века): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Избасарова Гульбану Болатовна. М., 2018. С. 183.

Британской империи – будущего основного соперника России в регионе. Именно в это время организуются экспедиции под руководством крупных английских военных и чиновников, целью которых становится установление связей с элитой среднеазиатских государств. Одной из наиболее значимых акций такого рода стала поездка управляющего военным коннозаводством Ост-Индской компании У. Муркрофта, выехавшего из британской Индии и проследовавшего в 1819–1825 гг. по маршруту Лахор¹ – Ладак² – Шрипагар³ – Кабул – Бухара якобы с целью отбора породистых лошадей для нужд компании⁴. Однако после кончины Муркрофта издатель его документов Г. Вильсон высказался откровенно об истинной цели этой экспедиции, которая заключалась в «способствовании полному или частичному прекращению торговли России со среднеазиатскими ханствами»^{5,6}.

На экономическое значение взаимодействия России со среднеазиатскими государствами, выход России к которым обеспечивал Оренбургский край, обращалось внимание и в официальных документах Министерства финансов. В частности, подчеркивалось, что «Россия на Западе граничит со странами, более развитыми, чем мы, в промышленном отношении, и потому лишь на востоке наши фабрики и заводы могут найти обеспеченный сбыт своим произведениям. С другой стороны, развитие торговли с Азией важно в отношении политическом, как одна из мер к сближению с нами и к умиротворению диких азиатских племен»⁷. О прибыльности торговли на данном направлении свидетельствует и статистика: в частности, таможенные пошлины, собранные на Оренбургской и Троицкой таможнях, принесли в 1818–1819 гг. казне доход в размере 1 267 027 руб. 27,25 коп⁸.

¹ Город, расположенный на северо-востоке современного Пакистана на левом берегу реки Рави в нескольких километрах от границы с современной Индией.

² Историческая область на п-ове Индостан. Расположена между Гималаями и горной системой Куньлунь.

³ Город на территории современного индийского штата Джамма и Кашмир.

⁴ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М.: Наука, 1974. С. 205.

⁵ Имеются в виду Бухарское и Хивинское ханства.

⁶ Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and Panjab in Ladakh and Kashmir, in Peshavar, Kabul, Kunduz and Bokhara by Mr. William Moorcroft and Mr. George Tribeck from 1819 to 1825. Prepared for the Press from Original journals and Correspondence by Horace Hayden Wilson, vol. 1. London: John Murray, 1841. P. III-V.

⁷ Министерство финансов 1802–1902. Ч. 1. СПб: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. С. 127.

⁸ АВПРИ. Главный архив I-1. Оп. 781. Д. 489. Л. 28–29.

Важность региона со всех точек зрения была столь велика, что в 1819 г. Комитетом министров было принято решение об учреждении специального коллегиального органа, в компетенцию которого входило изучение наиболее острых вопросов региона – Азиатского комитета, в который вошли военный министр, главы министерств иностранных дел и финансов, начальник Главного штаба (по указанию императора в заседаниях могли принимать участие и другие лица – например, М.М. Сперанский, оренбургские военные губернаторы). Функция делопроизводства была возложена на сотрудников Азиатского департамента МИД¹.

Стратегическое значение Оренбургского края отражалось и в подходе к отбору служивших там кадров. Прежде всего, это касается кандидатов на должность военного губернатора, которого историк А.В. Ремнев охарактеризовал в качестве «локального центра имперского влияния»². Ответственность службы на оренбургском фронтире диктовала строгие критерии, которыми обуславливался выбор главных начальников Оренбургского края: все они пользовались личным доверием императора и имели опыт участия в ключевых военных кампаниях конца XVIII - нач. XIX в. под руководством наиболее успешных командующих той эпохи: Г.С. Волконский служил под началом П.А. Румянцева, А.В. Суворова, П.П. Сухтелен – М.И. Кутузова и А.И. Чернышева, В.А. Перовский – М.А. Милорадовича. Кроме того, приветствовался и опыт службы на восточном направлении (он имелся у П.К. Эссена, П.П. Сухтелена³).

Военная дисциплина распространялась на все сферы управления краем, что обуславливалось широтой полномочий военного губернатора, который был «заведующим гражданской частью, начальствующим пограничным Оренбургским краем, инспектором Оренбургской инспекции»⁴. Практика показывала, что должности в оренбургской администрации, в т.ч. и гражданской, были столь

¹ Халфин Н.А. Указ. соч. С. 21.

² Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–358.

³ Сапожников А.И. Генерал П. П. Сухтелен и его военно-исторические сочинения // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 198.

⁴ Семенова Н.Л., Любичановский С.В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернией в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 161.

ответственны, что ни знатность, ни связи не позволяли оставаться на посту длительное время в случае невозможности исполнения обязанностей должным образом: из восьми гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII в. – первой четверти XIX в. семь занимали эту должность довольно непродолжительный срок – не более 4-х лет, при этом двое из них отправлены в отставку из-за упущений по службе, двое – по причине болезни; еще один – Г.В. Нелидов – скончался, находясь в должности¹. В целом, необходимо отметить также и то, что правительство не имело в крае своей главной социальной опоры в значительном масштабе: дворяне составляли менее 1 % от населения региона², что также оказывало влияние на то внимание, которое Петербург уделял подбору кадров на всех ступенях системы управления данной территорией.

Необходимо также подчеркнуть, что Оренбургский край в силу своего стратегического значения для внутренней и внешней политики Российской империи превратился в своеобразную «кузницу кадров» для высшего эшелона системы регионального управления: как отмечает С.В. Любичанковский, люди, прошедшие проверку службой в крайне сложных условиях Оренбуржья, направлялись на схожие должности в центральной России (что было более престижно), реже – в органы высшей государственной власти³. Поэтому отправление полковника квартирмейстерской части Ф.Ф. Берга по Высочайшему повелению в апреле 1823 г. в Оренбург⁴ было, с одной стороны, знаком личного доверия со стороны императора, с другой стороны – вызовом, успешное преодоление которого обещало карьерный взлет.

Представляется, что для анализа деятельности Берга в административной и военной сферах в данном регионе необходимо проанализировать социально-политическую ситуацию, сложившуюся к моменту приезда Ф.Ф. Берга к новому месту службы. Территории примыкавшей к Оренбургскому краю т.н. Киргиз-

¹ Семенова Н.Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: Механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая четверть XIX веков) // Новый исторический вестник. 2016. № 48 (2). С. 21.

² Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернией в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 159.

³ Любичанковский С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII – XX веков. Оренбург, 2004. С. 33–45.

⁴ Берг Н.В. Указ. соч. С. 92.

Кайсацкой степи – обширного пространства к востоку от реки Урал – были областью расселения киргиз-кайсацких (казахских) родов Младшего жуза, официально принятых в российское подданство в 1731 г. в контексте нарастания в регионе военной экспансии со стороны Джунгарской империи. В 1730–1770-х гг. российское правительство дистанцировалось от прямого вмешательства во внутренние дела жуза, т.е. не пыталось распространить на эти территории имперскую правовую систему, прежде всего, нормы, касающиеся судопроизводства, налогообложения. Те же установления, которые все же были приняты в отношении киргиз-кайсаков, в большинстве случаев имели формальный характер: так, например, местное население должно было выплачивать ясак, но фактически его сборы происходили нерегулярно, и российские власти не принимали каких-либо строгих мер для исправления ситуации¹. Кроме того, киргиз-кайсаки не привлекались к участию в военных экспедициях вдалеке от мест расселения; от них требовалось лишь обеспечение безопасности пределов России от угроз, исходящих со стороны империи Цин и среднеазиатских ханств, а также участия в подавлении выступлений, организованных башкирами и калмыками². На практике влияние России на внутривосточную ситуацию в степи ограничивалось утверждением результатов ханских выборов.

Ситуация стала меняться в 1770-е гг., когда для национальной безопасности Российской империи стала приобретать угрозу распространенная в степи практика лавирования местной верхушки между различными центрами влияния, что особенно ярко проявилось во время восстания под предводительством Е.И. Пугачева. С одной стороны, хан Нуралы и его брат Айшуак-султан подчеркнуто демонстрировали верность своим обязательствам по отношению к российскому престолу, информируя российские власти о появлении восставших в той или иной местности³. С другой стороны, одновременно с этим Нуралы в посланиях к Пугачеву признавал

¹ Казахи / отв.ред. С.Е. Ажигали, О.Б. Наумова, И.В. Октябрьская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. М.: Наука, 2021. С. 104.

² Там же.

³ Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках. (1771–1867 гг.): Сборник документов и материалов. Алма-Ата : Наука, 1964. С. 25-27.

последнего «самодержцем всероссийским»¹. Подобная многовекторная политика имела особенно опасный для России характер в контексте широкого распространения феномена т.н. «двоеданничества»² в степи во второй половине XVIII столетия. Китай после покорения им Джунгарского ханства в 1757 г. активизировал свою экспансию в степи, стремясь подчинить своей власти казахские родоплеменные объединения. Нередко складывалась ситуация, когда киргиз-кайсаки платили дань как России, так и Китаю, что для них не было обременительным, поскольку в большинстве случаев размеры дани носили символический характер³. В ряде случаев казахские ханы и сами проявляли инициативу по сближению с Китаем: например, хан Среднего жуза Аблай, за которым российские власти не признавали данный титул, сумел добиться получения в 1760-х гг. от империи Цин звания вана, что фактически означало его признание китайской стороной в качестве правителя⁴. Таким образом, Российской империи необходимо было начать проведение планомерной политики в степи с целью недопущения отторжения Китаем киргиз-кайсаков от России. В первой четверти XIX столетия данная задача приобретала особую актуальность в свете появления дополнительной угрозы интересам Российской империи в виде упомянутой выше активизации Британской империи в центральноазиатском регионе.

Для понимания сути комплексных политико-административных мер, направленных на достижение этой цели и проведенных при активном участии Ф.Ф. фон Берга, необходимо кратко рассмотреть преобразования, послужившие фундаментом для реформ XIX столетия.

Политика по интеграции киргиз-кайсаков в политическое пространство империи уже в XVIII столетии исходила из необходимости преобразования социальной иерархии, сложившейся к тому моменту в степи. Киргиз-кайсацкое общество делилось на два ключевых социальных слоя – «ак суйек» («белую кость»),

¹ Там же. С. 21-22.

² Боронин О.Б. Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX вв.. Барнаул:Азбука, 2002. 217 с.

³ Казахи / отв.ред. С.Е. Ажигали, О.Б. Наумова, И.В. Октябрьская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. М.: Наука, 2021. С. 106.

⁴ Там же.

привилегированный слой) и «кара суйек» («черную кость»). Аристократическая «ак суйек» была полностью изолирована от остальной части кочевого общества, попадание туда происходило исключительно по праву рождения. Ключевую группу «ак суйек» представляло сословие торе (султанов), состоявшее из потомков старшей ветви Чингизидов – родственников Джучи. Именно из числа этих лиц избирались киргиз-кайсацкие ханы. Другую часть «ак суйек» составляли «кожа» – служители мусульманского культа, однако их значение было неизмеримо ниже торе. Это было связано с тем, что оставались достаточно сильными позиции язычества, не вытесненного до конца исламом.

Все остальные привилегированные социальные категории относились к «кара суйек». Отметим, что попадание в элиту «черной кости» (в которую входили и представители родоплеменной знати, не являвшиеся чингизидами) могло обуславливаться в определенной мере и личными качествами, в отличие от «ак суйек». К верхушке «кара суйек» относились бии, осуществлявшие судебные функции, батыры – военные вожди, тарханы – лица, наделенные определенными привилегиями за заслуги перед верховной властью, старшины (аксакалы) – лица, отличавшиеся значительным авторитетом у членов своего аула¹ как по причине наличия большого опыта, так и в силу происхождения и значительных материальных ресурсов.

Основную проблему для полноценной интеграции степи в политико-правовое пространство Российской империи представляло то обстоятельство, что право чингизидов «ак суйек» на верховную власть в степи было освящено длительной политической традицией. В борьбе с чингизидами российская администрация делала ставку на передачу определенных властных полномочий тем представителям «кара суйек», действия которых могли контролироваться российскими властями. Однако позиции «ак суйек» были изначально крайне сильны: некогда даже Тамерлан формально не стал претендовать на верховную власть в степи, приняв титул эмира, а не хана. Поэтому вытеснение представителей «ак суйек» из высшего эшелона структуры управления населением степи было длительным и прошло несколько этапов.

¹ Аул в данном контексте – совокупность юрт, объединенных по семейному и хозяйственному критериям.

В 1786–1787 гг. Младший жуз был сегментирован по территориям, исторически населеным основными родами Младшего Жуза – Алимұлы, Байұлы, Жетыру. Административные полномочия в каждом из родов были переданы утвержденным российскими властями старшинам.

Для поддержания дисциплины в кочевом сообществе в каждом из вышеназванных родоплеменных объединений были созданы судебные органы – расправы. Кроме того, был образован Пограничный суд смешанного состава: 6 киргиз-кайсаков, двух русских офицеров, двух жителей казенного ведомства, двух купцов, двух жителей казенного ведомства и председателя¹.

Однако судебная реформа показала на практике низкую эффективность: не доверяя новому суду, киргиз-кайсаки предпочитали традиционный суд биев, к тому же, бии, не получившие назначения в новые судебные органы, всеми силами способствовали саботажу новой инициативы в области судопроизводства. Те же бии, которые формально соглашались сотрудничать с российскими властями, приезжали в Оренбург лишь за жалованьем, но не желали исполнять свои служебные обязанности². По этим причинам в начале XIX столетия расправы были упразднены³.

В качестве одной из мер ослабления власти чингизидов стало учреждение в 1797 г. Ханского совета после смерти очередного хана Есима. Совет состоял из султанов, представлявших главные родоплеменные объединения Младшего жуза (Алимұлы, Байұлы, Жетыру). Основным смыслом учреждения данного органа заключался в том, что формально верховная власть оставалась в руках чингизидов, однако при этом появлялась возможность временно не избирать хана и таким образом постепенно снижать значение ханской власти в степи. Кроме того, эта мера способствовала стабилизации политической жизни кочевого социума, яркой чертой которой традиционно являлась борьба за титул хана. Однако на практике желаемые цели не были достигнуты, поскольку султаны

¹ Материалы по истории Казахской ССР: 1785–1828 гг. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. С. 487.

² Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 261, 269.

³ Васильев Д.В. Реализация реформ О.А. Игельстрома в Степи Оренбургского ведомства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 1 (31). С. 18.

самостоятельно избрали очередного хана – Каратая Нуралиева. В целом, функционирование совета оценивается в научной литературе как неэффективное¹.

Следующий этап собственно административных преобразований пришелся уже на генерал-губернаторство П.К. Эссена (1817–1830). В его основу было положено «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем»² – принятый упоминавшимся выше Азиатским комитетом документ, который регулировал взаимоотношения российской администрации и киргиз-кайсацкого социума в течение следующих 20 лет.

Основные положения реформы заключались в следующем. Система управления приграничьем делилась на три уровня: высший, линейный и степной. На высшей ступени находилось Оренбургское азиатское управление, которое включало в себя председателя, двух советников, двух ассессоров, четырех представителей киргиз-кайсаков и двух среднеазиатских купцов – по одному от Хивинского и Бухарского ханств, которые торговали на Оренбургской линии. В компетенции управления находились «дела исполнительные и судные». К первой категории дел относились вопросы, связанные с поддержанием порядка в степи, управлением киргиз-кайсаков, проживающих вдоль Оренбургской линии, а также делами финансового характера. В качестве судебной инстанции управление разрешало споры, возникавшие у степняков, среднеазиатских купцов; в его ведении находились также иные «дела исковые»³.

Второе звено системы управления оренбургским приграничьем получило наименование линейного. Вся Оренбургская линия делилась на 11 дистанций, во главе каждой из которых стоял штаб-офицер, которому «подчинены коменданты, исключая оренбургского»⁴. В компетенцию командующего

¹ Васильев Д.В. Указ. соч. С. 18.

² Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. С. 205-210.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же. С. 206.

дистанции входили, прежде всего, полицейско-надзорные функции («благоустройство стражи на линии»¹); кроме того, на него возлагались обязанности по исполнению «особых поручений начальства»².

Третьим – и основным – звеном новой административной системы являлось степное. Территория, подконтрольная Оренбургскому управлению, делилась на четыре части: три из них – Западная, Средняя и Восточная – располагалась за пределами линии, четвертая же часть включала в себя родоплеменные группы, кочующие в пределах линии.

На высшем уровне степного звена управления - в каждой из частей орды – располагалось два органа – два совета, один из которых возглавлялся ханом и включал в себя председателя (отличного от собственно хана) и шесть советников, другой – старшего султана и четырех советников, но без отдельного председателя. Сферы их полномочий не были разграничены: предполагалось, что у них «одни и те же предметы суда и управления, так что от хана зависит, внести дело в свой совет или предать его уважению совета султанского; а равно от султана зависит, представить дело к хану или прямо в высшее азиатское правление»³.

Подобное двоевластие, сулящее в будущем множество проблем, учреждается вполне сознательно. Теоретически можно было бы учредить в каждой из частей орды ханский совет в качестве единственной высшей инстанции, но в этом случае султанский совет оказался бы лишним звеном управления. А это противоречило общей логике реформы: ослабление власти хана было необходимым для обеспечения интеграции степи в имперское пространство. На момент реформы титулом хана обладал Шергазы; его предполагалось поставить во главе одной из вышеупомянутых частей орды (либо предоставить ему синекуру в виде почетного председательства в пограничном правлении). Так или иначе, новый пост не предоставлял хану реальных полномочий и обязанностей, хотя и должен был обладать для него привлекательностью с финансовой точки зрения⁴.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же.

Султаны, находившиеся во главе султанского совета части орды, именовались старшими и должны были в таком качестве назначаться российской администрацией. При этом подчеркивалось то, что кандидаты на пост старших султанов должны пользоваться «между киргизами всеобщим уважением по их благоразумному поведению и обширному хозяйству»¹. Племена, входившие в состав аулов, отныне должны были именоваться волостями или отделениями округа, которые возглавлялись султанами.

Кроме того, Комитет уделил особое внимание тому, чтобы звание султана-правителя высоко котирировалось в кочевой среде. Для поднятия престижа лиц, назначенных на должности султанов-правителей, им была положена выплата жалованья. Кроме того, они должны были награждаться золотой саблей, знаменем и грамотой, подтверждающей их статус². Таким образом, формально власть в степи на тот момент осталась в руках «ак суйек», однако был принят целый комплекс мер для того, чтобы она осуществлялась под контролем российского правительства.

Ф.Ф. фон Берг принимал активное участие в разработке и реализации данной реформы. Во-первых, уже в неоднократно цитировавшемся «Утвержденном мнении» Комитета азиатских дел прямо говорится о том, что основные положения принятого проекта «в существе их сходны с теми предположениями, кои представлены от полковника Берга»³. Во-вторых, именно он возглавил «Комитет, учрежденный для разделения Орды оренбургских киргизов», основной функцией которого было осуществление делимитации территории степи с расселенным на ней кочевым населением в рамках описанной выше реформы.

Прежде всего, представляется целесообразным охарактеризовать состав комитета. В него входили, наряду с Бергом, инженер-полковник Г.Ф. Генс, управляющий пограничной канцелярией военного губернатора Н.И. Оводов, а также султаны-правители К. Нуралиев и Т. Ералиев. Позднее в состав комитета войдет и Ж. Кудаймендиев – султан-правитель Восточной части орды.

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 165.

² Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. С. 209.

³ Там же. С. 206.

Г.Ф. Генс был одним из наиболее компетентных в вопросах центральноазиатской политики представителей российской администрации. Именно ему в 1824 г. был доверен пост директора Неплюевского военного училища – учебного заведения, применительно к масштабной культурно-просветительской миссии которого петербургский литератор П.П. Свиньин отмечал следующее: «Главная цель сего заведения есть воспитание детей иноверцев, населяющих Оренбургский пограничный край. Здесь дети киргизских султанов и башкирских чиновников, сверх Корана и арабского языка, обучаются языкам европейским, математике, физике, географии и истории. Отсюда, может быть, выйдут люди, которые на берегах Сыр-Дарьи или Эмбы, под войлочными палатками, будут читать Ломоносова и Расина»¹. П.К. Эссен при обосновании своего выбора кандидатуры Генса в рапорте Совету о военных училищах характеризовал его следующим образом: «В сем достойном штаб-офицере примерная нравственность соединяется с отличными сведениями в науках»². Впоследствии русский востоковед Н.В. Ханьков (1819–1878) назовет Г.Ф. Генса «величайшим знатоком казахских степей и быта казахов»³, а его огромное научное наследие, состоявшее из трудов по истории, экономике, этнографии, фольклористике и языкознанию казахского народа, будет известно далеко за пределами России (например, на работы Генса будет опираться в своих научных изысканиях А. Гумбольдт)⁴.

Н.И. Оводов оставил у современников противоречивое мнение. М.А. Корф, постоянно находившийся в высшем эшелоне системы государственного управления практически на протяжении всей своей жизни и потому хорошо знавший детали ее функционирования, в своих воспоминаниях отзывался об Оводове как о человеке «умном и не без образования»⁵, однако в то же время отмечал, что он, будучи секретарем по пограничной части канцелярии

¹ Свиньин П.П. Картина Оренбурга и его окрестностей (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» в 1824 году) // Отечественные записки. 1828. № 99. С. 26-27.

² Матвиевская Г.П. Становление Оренбургского Неплюевского военного училища (1825–1832 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 171.

³ Такла-Хайманот у Коптов // Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества, Т. XVIII. СПб. 1908. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Gens_G_F/pred.phtml (дата обращения: 03.04.2025).

⁴ Там же.

⁵ Корф М.А. Записки. М., Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 223.

оренбургского военного губернатора, «давал движение только тем делам, которые входили в его интересы и расчеты»¹. В то же время, его влияние при П.К. Эссене было крайне велико: как писал тот же М.А. Корф, без него военный губернатор не решал ни один вопрос. Оводов стал для Эссена настолько незаменимым человеком, что после своего отъезда из Оренбурга бывший военный губернатор продолжил работу с Оводовым на новом посту генерал-губернатора Санкт-Петербурга².

Представляется, что включение в состав Комитета Каратая Нуралиева было тонким дипломатическим ходом российской администрации. Дело в том, что деятельность Каратая была одним из мощнейших факторов дестабилизации политической обстановки в степи на протяжении всей первой четверти XIX столетия. Каратай пользовался авторитетом в степи и предпринимал неоднократные попытки добиться от российской администрации признания за ним ханского титула. В 1797 г. он формально согласился на решение российских властей утвердить ханом пожилого и немощного султана Айчувака исключительно «уважая старость его и надеясь, что он скоро умрет»³. Однако в 1805 г., когда Айчувак по причине преклонного возраста был отстранен от исполнения обязанностей хана, на его место вновь был назначен не Каратай, а сын Айчувака Джантюря (Жан-торе). Каратай начал не только плести интриги против Жан-торе, но и грабить российские торговые караваны, стремясь вынудить российскую администрацию передать ханский титул ему. Кроме того, в 1806 г. он добился избрания себя султанами ханом, что, однако, не было признано российскими властями. Однако в начале 1810-х гг. у Каратая вновь появляется шанс добиться желанного титула: Жан-торе был убит в 1809 г., а в 1810 г. умирает Айчувак. Но фигура мятежного хана оставалась все равно крайне неудобной для российской администрации, поэтому ханский титул вновь признается не за ним, а за другим претендентом - Ширгазы Айчуваковым.

¹ Там же. С. 224.

² Там же. С. 225.

³Быков А.Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность//Этнографическое обозрение. 2006. № 3. URL: <https://irias.group/index.php/ru/ru/component/sppagebuilder/?view=page&id=191> (дата обращения: 03.04.2025).

Политический кризис в степи, вызванный во многом амбициями Каратая, сильно осложняется во втором десятилетии XIX столетия. В 1816 г. на арену внутривосточной борьбы на юго-восточном фронте Российской империи выходит еще один влиятельный игрок – султан Арынгазы. Его выбрали ханом киргиз-кайсаки из родоплеменного объединения алимулы¹, представители которого были главной силой, противодействующей экспансии Хивинского ханства. Хивинцы же в свою очередь также поспособствовали избранию ханами своих ставленников – Ширгазы Каипова и Джингазы-Мененбая. Таким образом, в 20-е гг. XIX столетия в степи сложилось многовластие: одновременно титулом хана обладали Каратай и Арынгазы, получившие признание в степной среде, но не утвержденные российскими властями, «официальный» хан Ширгазы Айчуваков², а также прохивинские ханы.

С точки зрения обеспечения интересов национальной безопасности России на юго-восточном направлении наибольшее значение в тот момент имела позиция официально не признанных Петербургом ханов, лавирующих между различными региональными центрами силы и оказывающих влияние на изменение внешнеполитической обстановки. Хан Арынгазы под предлогом непризнания его титула Россией пошел на сближение с Бухарским ханством. В то же время, нежелание Арынгазы подчиниться Хиве становилось поводом для хивинского хана Мухаммад-Рахима посылать многочисленные военные экспедиции против сторонников Арынгазы. Ситуация обострялась еще и семейными связями Арынгазы: упомянутый выше ставленник Хивы – Шергазы Каипов – приходился ему дядей. Особое возмущение Мухаммад-Рахима вызывал отказ киргиз-кайсаков Арынгазы платить ему дань под предлогом того, что они являются подданными России (что неизбежно усиливало напряжение в российско-хивинских отношениях). Кроме того, это приводило и к активизации хивинской агрессии в отношении собственно киргиз-кайсаков, многие из которых в результате

¹ Быков А.Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность//Этнографическое обозрение. 2006. № 3. URL: <https://irias.group/index.php/ru/ru/component/sppagebuilder/?view=page&id=191> (дата обращения: 03.04.2025).

² Отметим, что, кроме него, ханский титул был признан Россией за ханом Букеем, но Букеевская Орда была на особом счету у российской администрации, поскольку располагалась внутри Оренбургской линии.

опустошительных набегов Хивы вынуждены были признавать подданство Мухаммад-Рахима¹, способствуя тем самым дальнейшей экспансии Хивинского ханства.

Нарастание внутри-и внешнеполитического кризиса в степи вынудило российскую администрацию искать способы нейтрализации официально не признанных ханов. Арынгазы был вызван в Петербург под предлогом необходимости утверждения его в ханском звании, был задержан и сослан в Калугу, где и скончался в 1833 г. Что же касается Каратая, то ему предоставили возможность участия в регулировании политической жизни в степи, но под контролем российских властей, что и выразилось в назначении его членом Комитета. Он возглавит Западную часть орды в 1824 г.²

У Т. Ералиева и Ж. Кудаймендиева – султанов-правителей Средней и Восточной частей орды – отношения с российской администрацией складывались более ровно. Последний член Комитета – Темир Ералиев – будет назначен султаном-правителем Средней части орды³. Важность их роли заключалась в том, что они передавали представителям российской администрации ценные сведения: например, сообщали информацию о родстве ответвлений киргиз-кайсацких родов, информировали о географических объектах, не нанесенных еще в тот момент на карты⁴.

Основные итоги заседаний комитета можно определить следующим образом⁵:

1. Были делимитированы территории Младшего жуза, в его составе выделены Западная и Средняя части;
2. Были распределены кочевья по территориям частей с учетом традиционного территориального расположения ответвлений киргиз-кайсацких родов;

¹ Шалекенов М.У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII-XIX вв Алматы: Ғылым, 1995. С. 51-52.

² Yespenbetova A.M., Ganibaeva Z.A., Aman A.B., Abdenov A.Zh. To the Issue of the Institution of Sultans in Kazakh Society in 1824–1869 // *Bylye Gogy*. 2024. № 19 (4). С. 1627.

³ Там же.

⁴ Избасарова Г.Б. «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года: подготовка реформы и ее реализация // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2016. № 4 (20). С. 112.

⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 291–292; 305–306.

3. Были расквартированы воинские команды при султанах-правителях частей орды;

4. Была произведена доставка определенного султанам количества хлеба. Также был решен вопрос о назначении к ним лиц, знающих татарский и русский языки.

Отметим, что для разрешения всех этих вопросов самому Бергу как председателю комитета необходимо было, как он сам отмечал в рапорте Эссену от 31 июля 1824 г., «сперва войти в предварительные изыскания об обычаях, связях, несогласиях и происхождении племен оренбургских киргизов¹»². Здесь необходимо подчеркнуть, что Берг относился крайне тщательно к анализу местных политических и социально-экономических условий жизни, исходя из принципа, что «народы кочевые не представляют удобства вводить между ними какие-либо учреждения против выгод их»³. В значительной степени Бергу удалось осуществить необходимые изыскания благодаря экспедиции в Киргиз-Кайсацкую степь в 1825-1826 гг., о которой пойдет речь ниже.

Курс на постепенное проникновение в степь общеимперских институтов управления, успешно реализовывавшийся при активном участии Берга, получил дальнейшее развитие. «Положение об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г., которое заменило рассмотренное выше «Утвержденное мнение Азиатского комитета», закрепляло как должность султанов-правителей, так и факт того, что начальники дистанций и аульные начальники назначались российскими властями⁴. Постепенно сокращалась дистанция между «ак суйек» и «кара суйек»: например, в 1840-е годы в отношении лиц, виновных в оскорблении биев и султанов, уже действовали одинаковые санкции⁵. Само же наименование «султан» все больше относилось к лицам, занимающим соответствующую должность,

¹ Имеются в виду «киргиз-кайсаков».

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 289.

³ Там же.

⁴ Казахи / отв.ред. С.Е. Ажигали, О.Б. Наумова, И.В. Октябрьская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. М.: Наука, 2021. С. 110.

⁵ Материалы по казахскому обычному праву. Алматы: Жалын, 1998. Сб.1. С. 174, 185.

а не представителям сословия торе из слоя «ак суйек». Важной вехой процесса постепенного лишения чингизидов власти в степи стало «Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета о порядке избрания старших султанов в казахской степи» 1855 г. Согласно данному документу, в случае, если лицо было офицером русской армии, или имело опыт службы в волостных или окружных правлениях, либо было каким-либо иным образом отмечено российской администрацией, то оно имело право выдвигать свою кандидатуру для избрания на должность султана¹. Данное положение было повторно закреплено и в «Заключении Совета общего областного управления сибирскими киргизами о новых правилах избрания волостных управителей» 1860 г.² Необходимо отметить, что к середине XIX столетия политика вытеснения чингизидов из высшего эшелона власти степного социума, проводившаяся российской администрацией, как было показано выше, с переменным успехом со второй половины XVIII столетия, дала свои плоды: к моменту принятия упомянутого выше «Заключения» среди волостных султанов представителей «ак суйек» было 62, тогда как чингизидов – всего 11³.

Таким образом, административно-территориальная реформа 1824 г., в реализации которой, как было показано выше, Ф.Ф. фон Берг принимал активное участие, была логичным звеном в процессе перехода традиционных институтов власти в кочевом социуме под контроль российской администрации.

В то же время, административные методы управления степью дополнялись военными. Управленческие практики, использованные для обеспечения контроля России над внутривнутриполитическими процессами в степи в XVIII столетии, к началу XIX в. продемонстрировали свою низкую эффективность: они не приводили к снижению частоты нападений кочевников на русские торговые караваны и прекращению захвата русских пленников в рабство.

¹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1960. С. 186-187.

² Там же. С. 187-189.

³ Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Казахский суд биев в XIX веке: адаптация к российской имперской государственности // История народов России в исследованиях и документах. М., 2010. Вып. 4. С. 162.

Напротив, воинственные настроения в степи лишь возрастали, чему способствовали и внутривосточные процессы в Средней Азии. В результате проведенных в начале столетия хивинскими ханами Ильтузаром и его братом Мухаммадом Рахимом I налоговой и денежной реформ в ханстве упорядочивается сбор податей, налаживается выпуск серебряных и золотых монет¹. Это приводит к укреплению экономического положения Хивы и, как следствие, расширению возможностей для осуществления экспансии в отношении как туркменских племен, так и киргиз-кайсаков, усиливших под давлением Хивы частоту нападений на российские караваны. В условиях стабильного экономического положения хан был заинтересован не столько в увеличении объемов торговли с Россией как дополнительного источника пополнения казны (что было неразрывно связано с обеспечением безопасности центральноазиатских торговых путей), сколько в вытеснении ее из среднеазиатского региона как конкурента в борьбе за влияние на кочевые племена Приаралья фактически руками самих же киргиз-кайсаков. По этому поводу Г.С. Волконский отмечал, что киргизы атаковали купеческие караваны практически только тогда, когда наверняка знали о наличии в них российских товаров, пропуская при этом свободно бухарских и хивинских торговцев, что подтверждало подозрение о причастности правителей среднеазиатских ханств к ограблениям русских купцов². Особенно ярко это проявлялось в существовании практики фактически безнаказанных нападений на русские караваны и захвата русских пленников в рабство (в среднем их число составляло 200 чел. в год)³.

Были предприняты попытки защитить торговые интересы в регионе дипломатическим путем. В 1819 г. в Хиву была отправлена миссия под руководством штабс-капитана Н.Н. Муравьева. Заподозренный в шпионаже, Муравьев более месяца находился под арестом, но в итоге убедил хана в том, что целью его миссии является установление дружественных российско-хивинских отношений.

¹ Кочнев А.В. Политика России в отношении Хивинского ханства в начале XVIII – второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кочнев Антон Владимирович. Екатеринбург, 2018. С. 101.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 296 «Дело об устройстве Оренбургской линии и об экспедиции в Хиву. 1804 г.» Л. 75–80.

³ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801-1914. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 268.

Однако никаких твердых гарантий безопасности в отношении русских купцов Н.Н. Муравьев не получил¹. В то же время, работа «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг.»², написанная Муравьевым по результатам его дипломатической миссии в ханстве, придавала проблемам российской политики на среднеазиатском направлении широкий общественный резонанс.

Следующая попытка была предпринята в 1820 г., когда в Бухару была направлена дипломатическая миссия под руководством А.Ф. Негри с целью как ведения переговоров об укреплении торговых отношений с эмиратом, так и сбора сведений о внешних связях Бухары и ее социально-экономическом потенциале. Двое из участников экспедиции – доктор и натуралист Э.А. Эверсман, тайно собиравший различные сведения под видом купца, а также капитан Генерального штаба Е.К. Мейендорф, оставили особенно подробные описания, касающиеся природы, обычаев, традиций, административного устройства, торговых путей, рынков Бухарского эмирата³. Однако, несмотря на существенное обогащение научных представлений о среднеазиатских государствах, политические итоги миссии были далеки от ожидаемых: было освобождено только 19 пленных. Устное обещание хана запретить торговлю русскими пленными так и не удалось закрепить в письменной форме⁴, что превращало этот итог переговоров в фикцию.

Таким образом, дипломатические усилия по обеспечению безопасности транзитных торговых путей оказались малоэффективными, что привело к необходимости наращивания военной активности в регионе. По оценкам крупного дореволюционного военного историка М.А. Терентьева, в начале XIX столетия состоялось 8 крупных военных операций, предшествовавших экспедиции Берга, о которой пойдет речь ниже. Все они оказались малоэффективными⁵.

¹ Кабульдинов З.Е., Удербоева С.К., Шотанова Г.А. Дипломатическая миссия А.Ф. Негри в Бухару 1820 г.: цели и результаты // Былые годы. 2024. № 19. С. 86.

² Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Часть 1–2 / Н.Н. Муравьев. – М.: Нобель Пресс. 2025. 339 с.

³ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга и Бухару / Предисл. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975. 180 с. ; Eversman E. Reise von Orenburg nach Buchara. Berlin: E.H.G.Christiani, 1823. 185 s.

⁴ Кабульдинов З.Е., Удербоева С.К., Шотанова Г.А. Указ. соч. С. 90-91.

⁵ Терентьев М.А. Указ.соч. С. 97-99.

Упоминавшаяся выше английская экспедиция У. Муркрофта, оказавшегося в феврале 1825 г. у стен Бухары¹, не оставляла сомнений в необходимости принятия срочных военных мер по закреплению позиций России в регионе.

Особое стратегическое значение с точки зрения торговой логистики имело плато Устюрт – пространство между Каспийским и Аральским морями, через которое проходил кратчайший маршрут между Индией, Бухарским оазисом, югом России и восточной частью Европы². Поэтому именно этот регион оказался в центре внимания Азиатского комитета при подготовке следующей военной экспедиции, которую возглавит Ф.Ф. фон Берг.

Нестабильность внутривосточной обстановки в Хиве, связанная со смертью хана Мохаммеда Рахима в августе 1825 г., дала возможность надеяться на отсутствие сильного противодействия хивинцев новой экспедиции в степь. В резолюции Азиатского комитета было сказано, что миссия «главной целью должна иметь военные действия»³.

Экспедиции следовало идти от устья Урала между Каспийским и Аральским морями, принося тем самым «еще ту пользу, что сие пространство земли будет определено в географическом отношении»⁴. Действительно, несмотря на стратегическую важность этого района, как впоследствии отмечал известный исследователь Оренбургского края А.И. Левшин, практически все существовавшие на тот момент карты этой местности, за исключением тех, которые были составлены Е.К. Мейендорфом во время вышеупомянутой поездки в Бухару, являлись скорее «мечтательными предположениями, нежели собраниями топографических сведений»⁵. Поэтому сбор географических сведений об этом районе обладал особой актуальностью.

В ходе изучения восточного побережья Каспийского моря Бергу поручалось «отыскать...несколько пунктов таких, кои бы удобны были к заложению

¹ Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. New York: A Cornelia and Michael Bessie book, 2006. P. 47.

² Чичагов В.П. Первые результаты изучения природы Устюрта экспедицией Ф.Ф. Берга и Э.А. Эверсманном в 1826 г. // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4. С. 16.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Л. 10.

⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Лл .9об-10.

⁵ Левшин А.И. Указ. соч. С. 15.

укреплений, могущих со временем послужить с пользой для военных и торговых видов»¹, а также представить мнение «о возможности или невозможности соединить Каспийское море с Аральским»², что могло позволить максимально эффективно использовать логистический потенциал региона.

В состав участников экспедиции вошли, прежде всего, офицеры, хорошо зарекомендовавшие себя на поприще съёмочно-геодезических работ: подпоручик А.О. Дюгамель, прапорщик В.К. Ливен, Б.Ф. Лемм, капитан Загоскин, отметившийся при нивелировке степей в низовьях Волги и Дона, П.Ф. Анжу, производивший в 1820-1823 гг. топографическую съёмку побережья Северного Ледовитого океана³. Квартирмейстером экспедиции был участник миссии А.Ф. Негри В.Д. Вольховский⁴, декабрист, однокашник А.С. Пушкина по Царскосельскому лицей, друг А.С. Грибоедова и А.А. Бестужева. Врачом экспедиции был упоминавшийся выше в контексте похода в Бухару Э.А. Эверсман, хорошо владевший восточными языками. Точкой отправления экспедиции в степь стала Сарайчиковская крепость недалеко от г. Уральска и побережья Каспийского моря⁵.

Началом экспедиции стало 15 декабря 1825 г⁶. Зимний период для отправления в степь был выбран специально: как отмечал в воспоминаниях А.О. Дюгамель, в условиях нехватки воды в степи «растаявший снег может служить к утолению жажды людям и выючным животным»⁷. Всего в составе экспедиции насчитывалось 2310 человек, 1744 лошади и 6 орудий при обозе из 872 повозок⁸.

Исходя из того, что можно «настигнуть разбойников только быстрыми маршами и только тогда, когда они не ожидают на себя нападения»⁹,

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Лл. 1об-2.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Л. 2 ; Сенин А.В. «Генерал Фигаро» // Родина. 2024. № 7. С. 124.

³ Яншин А.Л., Гольденберг Л.А. Первая русская научная экспедиция на Устюрт (Исторический очерк) // Экспедиция 1825-1826 гг. Ее история и научные результаты. М.: Издательство Академии наук СССР. 1963. С. 11.

⁴ Там же. С. 419.

⁵ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 112.

⁶ Чичагов В.П. Первые результаты изучения природы Устюрта экспедицией Ф.Ф. Берга и Э.А. Эверсманном в 1826 г. // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4. С. 18.

⁷ Дюгамель А.О. Указ. соч. С. 8.

⁸ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 101.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Л.2об.

Берг разделил свои силы на три отряда, направив их на разные участки реки Эмбы. Фактор неожиданности сыграл положительную роль: всего было захвачено 266 пленных¹.

Поход проходил в тяжелейших условиях. В рапорте Ф.Ф. Берг описывает тяготы экспедиции следующим образом: «Находясь на широте Ниццы и Бордо, мы полагали иметь зиму сообразного климата, но наше удивление едва сравнимо с нашими страданиями, когда мы встречали постепенный холод 23 и 25 градусов Реомюра, сопровождаемый жестокими вьюгами и буранами»².

Маршрут экспедиции пролегал по практически неисследованным территориям. Постепенно стало понятно, что при планировании похода не был учтен ряд моментов, связанных с климатом степи. Участники экспедиции испытывали острую нехватку теплой одежды, а лошади, тащившие телеги с походным инвентарем³, не выдерживали местных морозов: в некоторые ночи погибало до 200 животных⁴.

Тем не менее, к 12 января наиболее выносливые участники похода достигли возвышенности Устюрт – перешейка между Аральским и Каспийским морями, который и являлся главным объектом исследования экспедиции.

Движение в сторону Аральского моря далось экспедиции особенно трудно. Как отмечал Берг, «мы пережили одну из самых ужасных зим в продолжение 30-ти дней, в которые мы заняты были нивелированием пространства между обоими морями»⁵.

По достижении 11 февраля 1826 г. побережья Аральского моря в 200 верстах севернее владений Хивы, отряд Берга направился назад, возвратившись в Сарайчиковскую крепость 5 марта 1826 г⁶. Его потери составили 20 человек умершими, 42 больными. Кроме того, погибло 1842 лошади. Суммарные расходы на экспедицию составили 196 570 рублей⁷.

¹ Экспедиция генерального штаба полковника Берга на Усть-Урт 1825-1826 гг. (Эпизод из истории нашего ознакомления со Средней Азией) // Военный сборник, 1879. № 12. С. 199.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Л. 92об ; Сенин А.В. «Генерал Фигаро» // Родина. 2024. № 7. С. 124.

³ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 100.

⁴ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 882. Л. 93об.

⁵ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 882. Л. 94.

⁶ РГВИА. Ф.846. Оп. 16. Д. 882. Л. 91.

⁷ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 100.

Военные успехи экспедиции были неоднозначны: окончательного замирения края не произошло, хивинский хан признает себя «покорным слугою императора всероссийского» только по Гендемианскому договору 1873 г.¹ Тем не менее, результаты экспедиции имели важное практическое значение, о чем свидетельствует факт их изучения при подготовке следующих военных акций в степи – прежде всего, похода В.А. Перовского². При этом необходимо отметить, что результаты экспедиции Берга не всегда должным образом анализировались. М.И. Иванин, один из участников похода Перовского, принимавший активное участие в его подготовке, отмечал, что, с одной стороны, благодаря походу Берга был хорошо известен маршрут движения в Хиву на участке до Устюрта³. С другой стороны, соображения Берга относительно пунктов для обустройства складов запасов для будущих походов в Хиву на деле оказались не слишком уместными при подготовке похода 1839–1840 гг. Об этом Иванин пишет следующее: «Полковник Берг предложил место склада запасов на урочище Донгуз-Тау. В то время мы еще не знали хорошо степи и свойства степных трав. Урочище это состоит из болотистого солонца, покрытого чиём и вероятно камышом, кугою и другими травами солонцеватых низменностей. Зимой они доставляют укрытие для скота и скудный корм, но летом они для скота вредны; при том в сухое лето и показанные травы растут там скудно. Возвращаясь в 1826 г. с Усть-Урта зимою, полковник Берг, вероятно, видел на этом урочище множество скота и заключил, что оно должно быть удобно для основания здесь склада запасов. План этот, составленный 14 лет тому назад, не был подвергнут новому обследованию и обсуждению, и урочище Донгуз-Тау не было предварительно осмотрено; это и было причиною множества последовавших от того ошибок, расстроивших успех похода»⁴. С Иваниным солидарен и М.А. Терентьев, отмечавший, что ошибка, связанная с Донгуз-Тау, привела к необходимости выбора

¹ Гендемианский мирный договор // Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 348 ; Сенин А.В. «Генерал Фигаро» // Родина. 2024. № 7. С. 124.

² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801-1914: в 4 т. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 271.

³ Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза», 1874. С. 30-31.

⁴ Иванин М.И. Указ. соч. С. 34-35.

нового места для обустройства опорного пункта: «за неимением поблизости лучшего, выбрали урочище Чушка-Куль при реке Ак-Булак с солонцеватой водою, а это имело роковые последствия»¹. С другой стороны, как отмечает О.Р. Айрапетов, сам факт достижения Бергом определенных успехов сыграл положительную роль при подготовке похода Перовского, поскольку свидетельствовал о практической возможности осуществления крупной военной акции в суровых условиях степной зимы².

Научные достижения экспедиции Ф.Ф. Берга представляются крайне существенными для того времени. Прежде всего, экспедиция установила факт значительного различия в уровнях Каспийского и Аральского морей: по расчетам участников экспедиции, разница уровней составляла 35,86 м³. Позднейшие исследования показали, что в тот момент этот показатель не мог составлять менее 65–70 м.⁴, т.е. расчеты Берга оказались неточными, что можно объяснить несовершенством тогдашних методов нивелировки. Тем не менее, даже такие данные, полученные экспедицией, свидетельствовали о резком несовпадении уровней двух морей. При этом перешеек, разделявший два водоема, оказался втрое уже, чем предполагалось до экспедиции. Поэтому как отмечал Берг в рапорте, в ходе экспедиции были получены данные, доказывающие «не только гидравлическую возможность соединения системы Амударьи⁵ с Каспийским морем, но и удобность исполнить сие важное предприятие, коль скоро высшее правительство найдет нужным принять какую-либо великую государственную меру в сей части Азии в пользу торговли и для славы Империи»⁶ (Аральское и Каспийское моря так и не были соединены, несмотря на наличие подобных проектов). Кроме того, были сделаны астрономические определения координат важнейших пунктов на западном берегу Аральского моря. Впоследствии

¹ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 100.

² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801-1914: в 4 т. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 271.

³ Чичагов В.П. Первые результаты изучения природы Устюрта экспедицией Ф.Ф. Берга и Э.А. Эверсманном в 1826 году // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4 (42). С. 19.

⁴ Яншин А.Л., Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 36.

⁵ к которой относится Аральское море.

⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Л. 96об.

и эти данные критиковалась специалистами¹, однако в тот момент результаты экспедиции позволили с достаточной для практического использования точностью отображать на картах ключевые пункты, расположенные в данном регионе.

Всесторонним изучением и описанием природы пространства между Каспийским и Аральским морями занимался Э.А. Эверсман. К сожалению, журнал, который он вел, так и не был опубликован, а впоследствии был утрачен. Однако сохранился сводный очерк наблюдений Эверсмана, переведенный на русский язык². Комплексное изучение природы Приаралья, осуществленное Эверсманом, его соображения относительно флоры и фауны, морфологии и строения песчаных массивов, гидрологии местных водоемов, очень точны для своего времени и являлись крупным вкладом в науку³.

Таким образом, экспедиция значительно обогатила представления той эпохи о географии Приуралья. Впоследствии признанием заслуг Берга в этой сфере станет его избрание почетным членом Русского географического общества, одним из основателей которого он стал в 1845 г. (был выбран членом первого состава Совета Общества – его главного управляющего органа)⁴.

В силу того, что экспедиция пришлась на конец 1825 г. – начало 1826 г., представляется необходимым проанализировать позицию Берга как государственного деятеля по отношению к движению декабристов. На момент восстания на Сенатской площади он находился в Сарайчиковой крепости, готовясь к началу экспедиции⁵. Как отмечает Берг в рапорте на имя оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, он непосредственно во время экспедиции совершил все необходимые действия по организации процедуры присяги на верность Николаю I⁶. В то же время один из участников экспедиции А.О. Дюгамель в своих воспоминаниях пишет о том, что в течение всего похода его участники не были в

¹ Ханьков И.В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с ее окрестностями // Зап. РГО. Кн. 5. СПб. 1832. С. 330-332.

² Яншин А.Л., Гольденберг Л.А. Указ. соч. С. 24.

³ Чичагов В.П. Указ. соч. С. 23.

⁴ История полувековой деятельности императорского русского географического общества, 1845–1895. Ч. 1 / сост. П.П. Семенов. СПб.: б.и. (Типография В. Безобразова и К), 1896. С. 6.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 882. Л. 91.

⁶ Там же.

курсе произошедших событий, «около трех месяцев пребывая в полной уверенности, что царствует Константин»¹. Данное противоречие наводит на мысль о том, что Берг, все же имея, как это следует из его рапорта, информацию об изменении политической ситуации, мог сознательно проявить определенную нерасторопность при выполнении распоряжения о переписке.

На возможное сочувствие Берга к идеям декабристов может указывать рапорт упоминавшегося выше Е.К. Мейендорфа на имя начальника Главного штаба во время следствия по делу декабристов, затрагивающий возможную политическую деятельность Берга во время Заграничных походов 1813–1814 гг. По словам барона, «во время перемирия 1813 г. несколько офицеров вздумали дать друг другу обещание в непоколебимой дружбе, во взаимном сообщении сведений о том, что на счет их в публике говорено будет, защищать друг друга в общем мнении, и чтоб один другому говорил правду для взаимной пользы»². Обсуждения касались «политического состояния...отечества, юстиции; нашего просвещения и общественных злоупотреблений»³. Члены общества намеревались «со временем иметь влияние на государственное управление» и для того прежде всего «на государственных чиновников» (более конкретной политической программы не приводится)⁴. При этом расширение общества ослабило дружеские связи, лежавшие в его основе, а рассеяние составлявших его офицеров по разным местам вследствие заключения мира в 1814 г. способствовало прекращению деятельности организации. Среди ее членов Мейендорф упоминает и Берга⁵. С одной стороны, можно предположить, что в 1810-е гг. Бергу действительно могли быть близки идеи реформирования политического устройства, учитывая, что одним его наиболее близких друзей того периода был Т. фон Бок, составивший собственный проект

¹ Дюгамель А.О. Автобиография. М.: Унив. Тип. (М. Катков), 1885. С. 10.

² Чернов С.Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед московским съездом 1821 г. (примечания к «Запискам» Ив. Д. Якушкина) // У истоков русского освободительного движения: Избранные статьи по истории декабризма. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960. С. 24-25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

конституции¹, как отмечалось выше. Однако, за исключением рапорта Мейендорфа, иных источников, прямо свидетельствующих о его причастности к существованию общества, не обнаружено. Так или иначе, факт участия в деятельности тайных обществ, который, по всей видимости, мог иметь место, не отразился на дальнейшей службе Ф.Ф. фон Берга.

§1.3. Ф.Ф. фон Берг – дипломат на поле боя

Как отмечал С.В. Любичанковский, «должность руководителя Оренбургского края в структуре власти Российской империи в 1781–1881 гг. играла роль своего рода трамплина для продолжения карьеры в системе государственного управления»². Отметим, что аналогичным образом влиял на дальнейшее продвижение по службе факт занятия ответственных постов (или выполнения определенных поручений) и на более низком уровне в регионе. Следующим этапом карьеры после участия в выполнении сложных миссий в крае (прежде всего, военного характера) обычно было назначение в Главный штаб (часто в Военно-топографическое депо), либо поручение ответственных заданий по линии военной разведки. Далее же обычно следовало назначение на важный административный пост. В частности, таким образом сложился карьерный путь лиц, содействовавших Бергу в проведении его экспедиции в степь. А.О. Дюгамель впоследствии состоял секретарем при военном отделении российской миссии в Османской империи, был чрезвычайным посланником в Персии, занимал пост генерал-губернатора Западной Сибири³. Биография другого участника экспедиции – В.К. Ливена – и вовсе будет в значительной степени схожа с жизненным путем Ф.Ф. Берга: остзейское происхождение (как у Берга и Дюгамеля), окончание курса в Дерптском

¹ Записка Т.Е. Бока // Декабристы и их время: материалы и сообщения / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); под ред. М.П. Алексева, Б.С. Мейлаха. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 189-203.

² Любичанковский С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков. Оренбург, 2004. С. 42.

³ Шилов Д.Н. Дюгамель Александр Осипович // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 9. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 475-476.

университете, после участия в походе Берга к Аральскому морю – служба в действующей армии в ходе Русско-турецкой войны 1828-1829 гг., участие в подавлении мятежа в Царстве Польском, выполнение «особого поручения Его Величества» в Константинополе, а в конце карьеры – назначение на пост генерал-губернатора Эстляндии, Лифляндии и Курляндии¹. Даже В.Д. Вольховский, продвижение по службе которого в значительной степени осложнилось фактом его участия в декабристском движении, в целом имел схожую карьерную траекторию: участие в Русско-персидской войне, должность генерального консула России в Египте, участие в подавлении восстания в Царстве Польском, фактическое исполнение обязанностей в т.ч. административного характера на высоком посту (находясь на должности обер-квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса, осуществлял управление Закавказским краем во время отсутствия своего начальника – командующего Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розена)².

Таким образом, назначение Ф.Ф. фон Берга в военное отделение русского посольства в Константинополе выглядело достаточно типичным вариантом продолжения карьеры по завершении службы в Оренбургском крае – своеобразной «кузницы кадров» для ключевых элементов системы государственного управления Российской империи.

Берг в чине действительного статского советника был переведен в Министерство иностранных дел, одновременно получив придворный чин камергера³, что было сделано для маскировки цели его настоящей миссии в Константинополе.

Вступление на престол императора Николая Павловича совпало с новым витком Восточного кризиса. По этому поводу Николай I в разговоре с австрийским послом отмечал следующее: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из них – восточное дело»⁴.

¹ Ливен Вильгельм Карлович // Русский биографический словарь / под ред. Н.Д. Чечулина и М.Г. Курдюмова. Т. 10. СПб.: типография Гл. упр. уделов, 1914. С. 422-423.

² Декабристы. Биографический справочник. Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 44.

³ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 21об.

⁴ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801-1914: в 4 т. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 9.

Обострение политической ситуации на Балканах заставило Россию предъявить Турции ультимативные требования: вывести вооруженные силы из Молдавии и Валахии, выполнить условия Бухарестского мирного договора в отношении предоставления автономии Сербии, а также отпустить представителей Сербии, участвовавших в переговорах с турками по вопросу автономии, но задержанных турецкой стороной в 1821 г. 22 апреля (4 мая) турецкая сторона согласилась выполнить требования России, однако не было никаких гарантий того, что турки действительно до конца будут верны этим обязательствам. В данном контексте в разговоре с А.У. Веллингтоном, одним из лидеров партии тори, Николай I в 1826 г. заявил следующее: «Император Александр незадолго до кончины принял твердое намерение получить оружием те права, которых он тщетно требовал дипломатическим путем. Россия еще не в войне с Портою, но приятные отношения между обоими государствами прекратились, и, повторяю, не я сделаю шаг назад, когда дело коснется чести моей Родины»¹. Была начата подготовка армии к потенциальному крупномасштабному военному конфликту: должно было быть усилено сосредоточение войск в Бессарабии и осуществлена инженерная и продовольственная подготовка данной территории к будущей войне².

Одним из важнейших элементов подготовки будущей кампании был сбор информации как о будущем театре военных действий, так и о военном потенциале Османской империи в целом. Для исполнения этой важной миссии при русском посольстве в Константинополе было учреждено так называемое «военное подразделение». В его состав входили военные, замаскированные под гражданских сотрудников посольства. Начальником военного подразделения был назначен полковник Ф.Ф. фон Берг. У него имелся опыт дипломатической службы при русских посольствах в Европе; как упоминалось выше, в 1819 году, находясь в отпуске, он составил военно-статистическое описание Турции. Кроме того, Ф.Ф. фон Берг зарекомендовал себя великолепным топографом,

¹ Епанчин Н.А. Очерк похода в европейской Турции. Ч. 1. СПб., 1905. С. 42.

² Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801-1914: в 4 т. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 11.

начиная с «черчения» при генерале П.К. Эссене и на тот момент заканчивая успешной в научном отношении географической экспедицией в степи. Поэтому его кандидатура на эту должность выглядела удачной.

Цель миссии Берга заключалась в сборе сведений о турецких крепостях в Подунавье, а также получении информации о логистических возможностях дорог на западном побережье Черного моря и на участке между Андрианополем и Константинополем. Кроме того, необходимо было изучить потенциальный театр военных действий между реками Марицей, Узунджи и Тунджей¹. В случае, если самостоятельный сбор сведений оказывался чересчур затруднительным, предусматривалась возможность покупки готовой карты².

Как отмечали прижизненные биографы Берга, во время выполнения этого ответственного задания он «оказал чудеса ловкости и отваги: он бродил по краю, переодеваясь в разные одежды, терпел всякие лишения, проводил иногда целые дни и ночи на открытом воздухе, то под палящими лучами солнца, то на ветру, то на дожде»³. Итоги миссии были отражены Бергом в топографической записке, содержащей подробное описание крепостей Исакчи, Тульча и Варна, а также путей от населенного пункта Буюк-дере до Исакчи⁴.

В основе действий русского военного командования в предстоящем русско-турецком конфликте лежал план, разработанный И.И. Дибичем и рассчитанный на завершение войны в короткие сроки (за одну кампанию), но при этом во многом основанный на эйфории от недавней победы в русско-персидской войне 1826–1828 гг. и недооценке военного потенциала Османской империи⁵.

Боевые действия должны были вестись силами трех пехотных и одного артиллерийского корпуса. Один корпус выделялся для удержания княжеств, другой направлялся к крепости Браилов⁶, опорному пункту обороны турок в низовьях Дуная. Таким образом, иные военные операции должны были осуществляться

¹ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 128.

² Берг Н.В. История Польского восстания 1863 года // Русская старина. 1879. № 5. С. 82.

³ Там же.

⁴ Епанчин Н.А. Очерк похода в европейской Турции. Ч. 1. СПб., 1905. С. 128.

⁵ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 88.

⁶ Ныне г. Брэил в Румынии.

силами лишь одного пехотного корпуса¹. Поставки провианта и боеприпасов русской армии могли осуществляться только из Бессарабии или Одессы морским путем. Для обеспечения гарантированной связи с линией снабжения путь русской армии должен был пролегать вдоль черноморского побережья через Варну и Шумлу² через Балканы на Адрианополь³, откуда открывался путь на Стамбул. Беспрепятственная поставка продовольствия из Дунайских княжеств была невозможна без взятия ключевых укрепленных пунктов турок на Дунае – Браилова и расположенного по соседству Мачина⁴.

Главкомандующим действующей армией был назначен участник Наполеоновских войн генерал-фельдмаршал граф П.Х. Витгенштейн. Штаб армии возглавил генерал-адъютант П.Д. Киселев, а должность генерал-квартирмейстера довольно быстро после начала кампании занял Ф.Ф. фон Берг⁵, о чем сохранились интересные подробности. Берг лично представил императору военную карту, составленную им по итогам довоенной разведывательной миссии в Турции. Увидев Берга в штатском, Николай I выразил крайнее удивление: «Что это? Ты не служишь?»⁶. И Берг сразу же был произведен в генерал-майоры и назначен на должность генерал-квартирмейстера⁷.

29 апреля 1828 года к Браилову подошел авангард русской армии. Весь май Берг руководил действиями осадного корпуса, утро и вечер проводя в седле, а ночь – за составлением рапортов⁸.

7 июня Браилов капитулировал. Гарнизону было дано право отступить в Силистрию⁹. Падение Браилова повлекло за собой сдачу Мачина, Гирсова¹⁰, Кюстендже¹¹ и Тульчи¹². Особую роль играло падение Кюстенджи: контроль над

¹ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 88.

² Ныне Шумен в Болгарии.

³ Ныне г. Эдирне в Турции.

⁴ Ныне г. Мэчин в Румынии.

⁵ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 21об.

⁶ Берг Н.В. История Польского восстания 1863 года // Русская старина. 1879. № 5. С. 82.

⁷ Там же.

⁸ Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т. 2. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1894. С. 30.

⁹ Ныне г. Силистра в Болгарии.

¹⁰ Ныне г. Хыршова в Румынии.

¹¹ Ныне г. Констанца в Румынии.

¹² Ныне г. Тулча в Румынии.

этим портовым городом позволял наладить снабжение по кратчайшему морскому пути. Далее движение должно было быть продолжено на Варну – стратегически важный пункт, овладение которым открывало путь на Балканы. Однако путь на Варну преграждала мощная крепость Шумла.

С начала июля генерал-майор Ф.Ф. фон Берг находился под Шумлой. Здесь была сосредоточена основная часть турецкой армии (40 тыс. человек) под командованием великого визиря Хусейн-паши. Русские войска численностью 35 тыс. человек блокировали крепость. Однако для штурма крепости с численно превосходящим гарнизоном этого было недостаточно. Нехватку личного состава необходимо было компенсировать умелым распоряжением имеющимися силами. Об этом генерал-квартирмейстер Ф.Ф. фон Берг так рассказывает в письме уже упоминавшемуся барону Е.К. Мейендорфу: «Днем я в главном штабе работаю над составлением диспозиции в канцелярии, ночью приходится направлять и вести колонны, на рассвете разбивать редуты на подступах к крепости. Более чем занятый, можно сказать, заваленный работой, я, тем не менее, доволен. Я люблю широкую деятельность»¹.

В то же время, Берг оказался в центре штабных интриг², о чем ходили слухи в том числе и в Петербурге. Как отмечал журналист Ф.В. Булгарин в своих агентурных донесениях в III-е отделение: «Все военные и статские чиновники ожесточены против генерала Берха, которому приписывают сильное влияние на генерала Дибича. ...Говорят, что в своих рапортах он имеет привычку ставить такие вещи, которые вовсе не бывали и говорит о своих подвигах с такою неслыханною смелостью, что многие им верят, хотя они вовсе не случались. ...Говорят, что и ныне он ослепил графа Дибича ложными донесениями о состоянии турецких сил и способов к войне и ныне смущает своими проектами и планами»³.

Вину за отсутствие энергичных действий по штурму Шумлы общественное внимание возлагало как на Берга, так и на руководимый им генеральный штаб.

¹ Глиноецкий Н.П. Указ. соч. С. 33.

² Там же. С. 32.

³ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 330.

Защищаясь от подобных обвинений, Ф.Ф. фон Берг характеризовал своих подчиненных с лучшей стороны, отмечая, что за отдельные ошибки им было арестовано только двое офицеров¹.

Необходимость более энергичных действий приводит к смене главнокомандующего – им становится И.И. Дибич², предложивший план новой кампании. В его основе лежал переход через Балканы при параллельных действиях флота по блокаде Босфора и Дарданелл. Бергу было повелено состоять при главнокомандующем графе Дибиче³.

Наряду с Шумлой, налаживанию стабильного снабжения русской армии мешало другое мощное укрепление на фланге турецкой армии – Силистрия. Русская армия, осаждавшая крепость, насчитывала суммарно от 37 до 40 тысяч человек и 408 орудий. Силы турецкого гарнизона составляли не более 10-12 тысяч человек⁴. Таким образом, в этот раз численный перевес был на стороне русских войск, в отличие от осады Шумлы в 1828 г. Сдача Силистрии русским войскам была вопросом времени.

7 июня защитники крепости уведомили, что хотят вступить в переговоры о сдаче. На них российскую сторону представляли генералы М.Д. Горчаков и Ф.Ф. фон Берг. В ходе второго раунда переговоров турки сдались на следующих условиях: военнослужащие отправлялись в Россию в качестве военнопленных, гражданские лица могли покинуть крепость вместе со своим имуществом⁵.

На заключительном этапе кампании Берг поддержал решение Дибича перейти через Балканы и находился при главнокомандующем. 31 июля был взят г. Сливно⁶, 8 августа – Адрианополь⁷.

В Адрианополе Ф.Ф. Берг занимался топографическими работами. Прежде всего, им была проведена съемка Румелии и северо-западной части

¹ Глиноецкий Н.П. Указ. соч. С. 34.

² Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 110.

³ Лукьянович Н.А. Указ. соч. С. 39.

⁴ Епанчин Н.А. Указ. соч. С. 165.

⁵ Лукьянович Н.А. Указ. соч. С. 223.

⁶ Ныне г. Сливен (Болгария).

⁷ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

Балканских гор¹. За вклад в осаду Силистрии и переход через Балканы Ф.Ф. Берг удостоился ордена Св. Георгия III степени².

Геополитическое значение русско-турецкой войны было велико: по Адрианопольскому миру Россия получала стратегически важное устье Дуная, большую часть восточного побережья Черного моря. Были обеспечены внешнеэкономические интересы России в Малой Азии: турецкая сторона гарантировала право российских подданных вести свободную торговлю на всей территории Османской империи, русские торговые суда получили возможность свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Значительно возросло российское влияние на Балканах: силой оружия Россия добилась от Османской империи гарантий в отношении соблюдения автономии Сербии, Греции (в рамках Лондонской конвенции 1827 г.) и расширения самостоятельности Молдавии и Валахии в виде установления пожизненного срока правления господарей этих территорий³.

Вклад Ф.Ф. фон Берга в эту военную и дипломатическую победу России был значительным. Прежде всего, благодаря ему была собрана информация о будущем театре военных действий непосредственно перед началом кампании. Кроме того, он значительно способствовал успехам русских войск в качестве генерал-квартирмейстера действующей армии: содействовал переходу русской армии через Дунай, принимал участие в осаде Силистрии, вместе с Горчаковым вел переговоры о сдаче этого города и участвовал во взятии Адрианополя. Также во время войны Берг не прерывал и топографические работы: произведенная им съемка северо-восточной части Болгарии послужила основой для составления военной карты данной местности.

Военные и дипломатические таланты Берга вновь оказались востребованными во время Польского восстания 1830–1831 гг.

¹ Там же.

² ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

³ Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией. 2 сентября 1829 г. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 101-115.

В начале своего царствования Николай I говорил о своей политике в Польше следующее: «Я чувствую, что я государь Польши, и предвижу, что рано или поздно я привлеку к себе поляков благодарениями»¹. Действительно, как политические, так и социально-экономические преференции, предоставленные Царству Польскому в период правления как Александра I, так и Николая I, были существенны. Конституция 1815 г., дарованная Александром, имела чрезвычайно либеральный по меркам того времени характер. В ней провозглашались неприкосновенность личности, свобода печати и вероисповеданий, независимость суда, польский язык был признан официальным. Кроме того, создавалось польское войско с польским языком командования и национальными мундирами².

В экономической сфере главной преференцией был протекционистский таможенный тариф, вошедший в силу с 1823 г., защищавший польскую промышленность от наплыва дешевых прусских и австрийских промышленных товаров и открывавший для польской продукции обширный русский рынок³. О том, насколько этот тариф был выгоден польским купцам и промышленникам, свидетельствуют статистические данные уже николаевского царствования: в 1828–1830 гг., т.е. непосредственно перед восстанием, за провоз сукна в Россию польские коммерсанты заплатили пошлину в размере 1 млн 400 тыс. руб., тогда как в случае уплаты пошлин на обычных (нельготных) условиях эта сумма равнялась бы 74 млн 541 тыс. руб. (т.е. выгода составила 73 млн 141 тыс. руб.)⁴.

О существенном социально-экономическом прогрессе свидетельствует и демографическая статистика: за 15 лет население Царства Польского увеличилось на 30 % (на 1 млн чел), городское население к 1827 г. составило 21,5 % (в 1816 г. – 19,4 %) ⁵. Отметим, что рост населения обуславливался не только естественным приростом, но и значительным притоком мигрантов, прежде всего, польского происхождения, что не могло бы иметь места, если бы условия проживания в Царстве Польском оценивались поляками как неблагоприятные.

¹ Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. 1779-1831 г. Историко-биографический очерк // Русская старина. 1878. Т. 21, № 1. С. 18.

² Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815-1881) // Библиотека окраин России. № 5. СПб.: Издание профессора Сергеевского, 1907. С. 41-63.

³ Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М.: Наука, 1979. С. 97.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 273-274.

Несмотря на все перечисленные свидетельства бурного политического и социально-экономического развития Польши, подтвердились худшие опасения, ходившие в петербургском высшем обществе в тот период. Князь Леон Сапега в своих воспоминаниях писал об этом следующим образом: «Много раз мне говорили: «Чем больше государь для вас делает, тем скорее вы устроите восстание». Их предположения, действительно, осуществились»¹.

Ф.Ф. фон Берг прибыл в Польшу в апреле 1831 г. К этому моменту бои в ходе восстания шли с переменным успехом. После удачной для поляков битвы при Сточке недалеко от Люблина в феврале 1831 г. состоялась битва под Гроховым, имевшая важное стратегическое значение: в тактическом плане русская армия одержала победу, однако поляки отступили под защиту стен Варшавы, штурмовать которую в условиях отсутствия необходимых резервов и осадной артиллерии русские войска не стали. Польская армия не была окончательно разгромлена, что привело к затягиванию военных действий. Победа польских войск под Дембе-Вельке в марте 1831 г. привела к попытке распространения революции на Волынь, Гродно, Вильно.

Ключевая роль в продвижении в направлении Волыни отводилась дивизионному генералу Ю. Дверницкому. Он сумел занять Люблин и дойти до реки Стыри, однако был разбит в сражении при Боремле² и отброшен к границе с Австрией.

Отряд Дверницкого переходит в австрийскую Галицию, и первой миссией Берга в ходе восстания становятся переговоры с австрийскими властями о разоружении польского корпуса и выдаче самого Дверницкого.

В данном контексте необходимо отметить, что польский вопрос в русско-австрийских отношениях имел неоднозначный характер. С одной стороны, австрийская пропаганда активно заигрывала с галицийскими поляками: в их среде активно продвигалась идея о том, что «австрийский император желает видеть Польшу независимую ни от кого, и в то же время даже готов будет присоединить к ней Галицию»³. Однако Д.П. Татищев, русский посол в Вене в 1822–1841 гг.,

¹ Сапега Л.Л. Мемуары князя Л. Сапеги 1803-1863. Петроград: Прометей, 1915. С. 109.

² Ныне село Боремель Ровненской области.

³ Фалькович С.М. Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830-1831 гг. в Королевстве Польском // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / Коллектив авторов. М.: Индрик, 2009. С. 301.

отмечал по этому поводу следующее: «Несмотря на то, что венские власти старались обратить на свою сторону крупных землевладельцев Галиции, им это удалось лишь частично, и до настоящего времени жители этого региона все еще в гораздо большей степени поляки, чем австрийцы»¹. В то же время, часть галицийской аристократии сохраняла, по крайней мере демонстративно, лояльность Габсбургам: например, в 1829 г. был зафиксирован случай, когда в имении графа Потоцкого провозгласили тост за благоденствие Королевства Польского под управлением австрийского императора². Проавстрийские настроения нередко имели и антироссийский характер: часть галицийских поляков в 1829 г. была готова вступить в легион для участия в русско-турецкой войне на стороне Османской империи³. В то же время, поляки Галиции не без симпатии отнеслись к коронации Николая I в Варшаве: как доносили агенты великого князя Константина Павловича, «галицийские помещики из поляков <...> прославляют государя-императора Николая Павловича»⁴. Однако представляется, что в данном случае в австрийских поляках говорили не столько собственно симпатии к русскому престолу, сколько антипатии к австрийцам, в пик которого демонстрировалась лояльность к русской администрации Царства Польского: поляки, обсуждая коронацию, демонстративно высказывались о Николае I «с восхищением, а с немцами с высокомерием, называя императора Николая Павловича своим царем, и в шутках спрашивают немцев: долго ли еще думают гостить в польском крае?»⁵

Таким образом, польские настроения стали к моменту восстания объектом жесткой конкуренции между Россией и Австрией, в определенной степени осложняя отношения двух держав. В то же время, усиление сепаратистских настроений в любой из частей разделенной Польши с большой вероятностью могло распространиться на другие части, что принуждало Россию, Австрию и Пруссию к сотрудничеству в отношении польского вопроса. Например, сотрудники

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Т. 17. М.: Международные отношения, 2005. С. 296.

² Фалькович С.М. Указ. соч. С. 301.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ Там же. С. 303.

канцелярии Новосильцева с 1822 г. вели активную переписку с представителями берлинской полиции об участниках польско-немецких молодежных революционных организаций¹.

Таким образом, в ситуации с Дверницким австрийская администрация оказалась в сложном положении: с одной стороны, ей нельзя было потерять лояльность галицийской шляхты, сочувствующей восстанию, с другой стороны, опасность распространения восстания на Галицию вынуждала искать пути сотрудничества с Россией. Отметим, что сам переход границы не составил для людей Дверницкого особой сложности, поскольку у многих шляхтичей были родственники по ту сторону границы.

С одной стороны, австрийский император распорядился «войска польские, кои решатся перейти границу, обезоружить и выдать со всем оружием и лошадьми»² русским. Однако в реальности ситуация разворачивалась несколько иначе. Солдаты были отделены от офицеров, для которых создали специальный лагерь в Линце; самого Дверницкого отправили в Штайер. Подробные сведения о положении дел с подчиненными Дверницкого содержались в «Заметках и сведениях о настроениях жителей Галиции», написанных австрийским подполковником графом Карачаем и переданных им через генерала Ридигера Татищеву. Согласно этому документу, галицийские поляки недовольны фактом разоружения корпуса Дверницкого и оказывают активное содействие мятежникам. При этом гражданский губернатор Галиции А.Л. Лобковиц, считающий полезным для Австрии создание в будущем буферного польского государства между Россией и немецкими землями, не принимает никаких мер противодействия галичанам, помогающим повстанцам, боясь спровоцировать распространение восстания на Галицию. Автор документа обращает внимание также на то, что подавляющая часть служащих в местной администрации имеет польское происхождение, что обуславливает их максимальную лояльность по отношению к мятежникам. По мнению Карачая, российское правительство должно было обратить внимание Вены на происходящее

¹ Там же. С. 303-304.

² Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Т. 17. М.: Международные отношения, 2005. С. 315.

в Галиции при попустительстве Лобковица, а также объявить амнистию повстанцам, чтобы произвести позитивное впечатление на Европу¹.

В итоге, австрийские власти ограничились тем, что вернули России все военное имущество, но самих солдат и офицеров корпуса не стали выдавать до окончания конфликта. Берг же за участие в переговорах был удостоен ордена Св. Анны 1-й степени с императорской короной².

В апреле 1831 г. И.И. Дибич, главнокомандующий русской армией, направленной на подавление восстания, был готов начать новое наступление, однако стал дожидаться подхода гвардии для усиления своих сил. Для перехода в наступление силам Дибича было нужно переправиться через Буг и соединиться с гвардией, отступавшей под натиском польских сил.

Первоначальную рекогносцировку берегов Буга провел квартирмейстер армии К.Ф. Толь. Наиболее удобным местом для переправы было признано местечко Грана, не занятое еще противником³.

В Грану для рекогносцировки местности был направлен опытный топограф и разведчик Ф.Ф. фон Берг, прибывший в штаб Дибича 4 мая 1831 г⁴. Его донесение содержало следующие сведения: «...неприятель имеет по крайней мере 12 тыс. человек, с нашей же стороны (мы имеем) только 4377 человек с 14 орудиями и...1000 сабель»⁵. Тем не менее, после переправы на левый берег Буга 9 мая 1831 г. русский авангард, в котором находился Берг, ударил по польским силам под командованием генерала Лубенского.

С одной стороны поляки оказались прижатыми к Бугу, с других – окруженными русскими силами. Для переговоров о сдаче к противнику был направлен Берг. Однако отказавшийся капитулировать Лубенский воспользовался наступавшей темнотой и с остатками своих сил смог отойти к Чижеву⁶.

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Т. 17. М.: Международные отношения, 2005. С. 330-332.

² Гейсман П.А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального Штаба // Столетие военного министерства: в 13 т. Т. 4. Ч. 2. Кн. 2. Отд. 1. СПб., 1910. С. 114.

³ Пузыревский А.К. История польско-русской войны 1831 года. В 2 т. Т. 1. СПб: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1886. С. 244.

⁴ Гейсман П.А. Указ. соч. С. 114.

⁵ Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. Т. 2. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1863. С. 298.

⁶ Смит Ф.И. Указ. соч. С. 302.

В ходе преследования противника И.И. Дибич с 15 тысяч человек подошел к г. Остроленке на реке Нарев, где располагались главные силы противника. В результате сражения, состоявшегося 14 мая 1831 г., город был взят русскими войсками, а поляки отступили за Нарев¹.

Вступив в город, Берг смог вовремя поддержать Астраханский и Суворовский полки, первыми переправившиеся на занятый поляками берег Нура. Мосты в тылу этих полков были разобраны. И тогда Берг приказывает своим солдатам сложить шинели и ранцы, связать канатами разорванный мост, а затем, переправившись таким образом к астраханцам, ударить по наступающим на них полякам с фланга. Оставшиеся польские силы отошли к Варшаве². Дибич отказался от преследования противника, сочтя необходимым сначала обеспечить снабжение русской армии³.

Потери русских войск составили 172 офицера и 4700 нижних чинов, поляков – 255 офицеров и 9000 нижних чинов, 2300 человек было взято в плен. После поражения под Остроленкой польская армия была сильно деморализована. Командующий польской армией Скрижинецкий высказался по этому поводу кратко: «*finis Polonae*»⁴.

Решающий удар по восстанию должно было нанести взятие Варшавы. Для финального рывка на столицу русские резервы постепенно подтягивались к Пултуску и Голымину. Однако 29 мая И.И. Дибич внезапно скончался, и временным командующим стал генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь⁵.

Движение на Варшаву продолжилось при новом главнокомандующем – графе И.Ф. Паскевиче-Эриванском, прибывшем в расположение русских частей в июне. В стычках с неприятелем Берг особенно ярко проявил себя 5 августа: в бою при селах Броннише и Мациржице уланские полки под командованием Берга атаковали неприятельскую пехоту с фронта, взяв всю ее в плен и захватив два орудия⁶.

Непосредственно при взятии Варшавы 25 августа 1831 г. особенно востребованными оказались дипломатические таланты Берга. После взятия

¹ Смит Ф.И. Указ. соч. С. 316.

² Гейсман П.А. Указ. соч. С. 116.

³ Пузыревский А.К. Указ. соч. С. 248.

⁴ Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. Т. 2. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1863. С. 339.

⁵ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 73.

⁶ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

укрепленного предместья Варшавы Воли, рекогносцировку которого провел Ф.Ф. фон Берг, падение самого города становилось вопросом времени. На переговорах о капитуляции Варшавы, проходивших на территории Воли, русскими парламентарями были И.Ф. Паскевич, великий князь Михаил Павлович, генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь и Ф.Ф. фон Берг. Польскую сторону представлял генерал И. Прондзинский. Полякам была предложена капитуляция на достаточно мягких условиях: добровольная сдача Варшавы и Пражского предместья позволяли польской армии отступить в Плоцк¹. На консультации с сеймом польским переговорщикам Паскевич дал два часа.

Однако пауза не приводила к ожидаемой капитуляции: поляки надеялись, что корпус генерала Д. Раморино своими действиями к югу от Варшавы отвлечет часть русских сил от города и облегчит положение осажденных. Против Раморино были направлены силы генералов Ф.В. Ридигера и А.Г. Розена. В то же время, необходимо было продолжить переговоры с поляками, одновременно затягивая их, чтобы дать время Ридигеру и Розену для разгрома Раморино. Эта миссия была возложена на Ф.Ф. фон Берга².

Прибывший на переговоры президент польского правительства Я. Круковецкий долго не соглашался на капитуляцию. Однако одновременно с переговорами русские войска брали варшавские укрепления одно за другим, что все больше усиливало переговорные позиции Берга. Под влиянием Берга президент все же начал писать Паскевичу послание о сдаче города. В то же время, прийти к консенсусу относительно условий капитуляции не удавалось: прежде всего, Берга не устраивало требование Круковецкого о всеобщей амнистии и обмена пленными³. Бергу пришлось съездить для дополнительной консультации по вопросу условий сдачи города к Паскевичу и затем вновь вернуться в Варшаву. Обратившись в город он вернется только около 11 часов вечера. К тому моменту Круковецкий подал в отставку. Однако Ф.Ф. фон Берг настаивал на том, что должен

¹ Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. Т. 3. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1864. С. 562.

² Керсновский А.А. Указ. соч. С. 75.

³ Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. Т. 3. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1864. С. 540.

лично услышать из уст Круковецкого об этом, поскольку он имел полномочия на ведение переговоров только с президентом. Круковецкий прибыл лишь в 3 часа утра и заявил о том, что является уже лишь частным лицом. Главнокомандующий польскими войсками Г. Дембинский грозил Бергу сожжением Варшавы. В ответ на дерзкую попытку подобного шантажа Берг заявил, что даже готов помочь в этом полякам¹. В итоге Берг, сославшись на отсутствие на переговорах лица, занимающего пост президента, заявил о своем возвращении в распоряжение русских войск для принятия участия в очередном штурме города, который должен был в скором времени начаться². Твердая позиция Берга произвела нужный эффект: 26 августа поляки согласились на все условия капитуляции, выдвинутые русской стороной.

Тем не менее, после отхода поляков от Варшавы польское руководство почувствовало себя в безопасности и поспешило нарушить достигнутые договоренности³. Боевые действия были возобновлены, и вместо Плоцка польские войска отошли к Модлину, где были усилены корпусом генерала Лубенского. В случае воссоединения с Раморино численность польских войск составила бы около 45 тысяч человек, что было сопоставимо с русскими силами. Паскевич решил для начала дипломатическими средствами убедить поляков исполнить условия капитуляции, для чего послал Ф.Ф. Берга к новому польскому главнокомандующему М. Рыбинскому⁴. В случае согласия поляков на ведение переговоров Берг должен был потребовать от них сдачи крепостей Модлина и Замостья. Добровольно сдавшимся гарантировалось свободное возвращение домой⁵. Мягкость условий диктовалась необходимостью склонить поляков к переговорам, чтобы, затягивая время, дать русским войскам передышку в тот момент, когда корпус Раморино все еще продолжал сохранять опасность для русских войск.

¹ Там же. С. 572.

² Там же.

³ Там же. С. 579.

⁴ Фелкнер Ф.И. Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера о польской войне // Русский вестник. 1867. Т. 67, № 2. С. 471.

⁵ Смит Ф.И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. Т. 3. СПб., 1864. С. 596.

Раморино был разбит силами Розена и Крейца 5 сентября 1831 г. В данном контексте Берг сумел повернуть хитрый дипломатический трюк. За передачу Модлина и Замостья Паскевич, по словам Берга, мог заключить с поляками перемирие на месяц и позволить полякам отвести войска в Калишское, Краковское, Сандомирское и Люблинское воеводства. На первый взгляд, подобное условие было максимально выгодно полякам¹. Однако при утверждении финального текста Берг разными способами затягивал переговоры: ссылаясь на мнение Паскевича, он постоянно вносил новые правки в проект, подлежащие утверждению фельдмаршалом, который медлил с окончательной резолюцией. В итоге, на протяжении двух недель Бергу удалось удерживать польские войска в Модлине. Как отмечал очевидец событий Ф.И. Смит, Берг «держал их между надеждою на близкое исполнение их желаний, возрастающим сомнением и страхом обмана»².

Пока польская армия бездействовала, русское командование налаживало линии снабжения. В то же время, узнав о разгроме Раморино, польский главнокомандующий Рыбинский направился к югу, однако к тому моменту сил для сражения с русской армией у него уже было недостаточно.

22 сентября 1831 года польская армия, насчитывавшая 21 тысячу человек с 95 орудиями, перешла прусскую границу, где и была разоружена³.

Таким образом, при подавлении Польского восстания как, на первый взгляд, сугубо военной кампании Берг проявил себя как искусный дипломат. В ситуации с Дверницким благодаря его усилиям удалось добиться частичного выполнения требований России к Австрии – государству, составлявшему конкуренцию Российской империи в борьбе за влияние в Польше, но в то же время являвшемуся ее ситуативным союзником по стабилизации обстановки в регионе. При взятии Варшавы именно Берг смог склонить противника к окончательной капитуляции, а на финальном участке кампании благодаря его тонкой дипломатической игре удалось сковать последние боеспособные силы польской армии в Модлине и тем самым завершить разгром восставших.

¹ Смит Ф.И. Указ. соч. С. 600.

² Там же. С. 601.

³ Фелкнер Ф.И. Указ. соч. С. 475.

ГЛАВА 2. Ф.Ф. ФОН БЕРГ КАК ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

§2.1. Ф.Ф. фон Берг как реформатор стратегической разведки¹

После окончательного подавления Польского восстания генерал-адъютант Ф.Ф. фон Берг остался в Варшаве при Паскевиче в должности генерал-квартирмейстера действующей армии.

В октябре 1843 года он был назначен генерал-квартирмейстером Главного Штаба Его Императорского Величества (будет занимать эту должность до февраля 1855 г.). Наряду с описанными выше заслугами самого Берга, во многом этому назначению поспособствовали определенные упущения по службе со стороны Ф.Ф. Шуберта, занимавшего эту должность до Берга: в частности, в октябре 1843 года императору не было вовремя подано ежемесячное расписание сухопутных войск и не сделано представление к наградам офицеров Генерального штаба, что и стало непосредственным поводом для отставки².

Главным направлением деятельности Берга на посту генерал-квартирмейстера стали попытки реформирования военной разведки.

Согласно ведущему военному теоретику той поры К. Клаузевицу, к разведывательной информации относились «любые сведения о враге и его стране, лежащие в основе всех собственных планов и действий»³. Таким образом, необходимая информация включала в себя данные как непосредственно о вооруженных силах потенциального противника, так и о его экономическом потенциале, событиях политического характера, способных повлиять на его планы вести боевые действия, настроениях населения и т.д. Тем не менее, качество этой всеобъемлющей информации в военном планировании было достаточно низким.

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Сенин А.В. Ф.Ф. фон Берг и русская военная разведка во второй четверти XIX в. // Российская история. 2025. № 3. С. 120–127.

² Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. Т. 2. СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1894. С. 143.

³ Carl von Clausewitz. Vom Kriege. Hinterlassenes Werk des Generals Carl von Clausewitz. Theil I.: Ferdinand Dümmler, 1832. S. 89.

Отношение к ценности добытой информации можно проиллюстрировать следующими словами того же Клаузевица: ««огромная часть информации, получаемая на войне, противоречива, еще большая часть ложна и оставшаяся, еще более значительная, и вовсе сомнительна»¹.

Причина подобной ситуации во многом заключалась в методах сбора и обработки разведывательных сведений. Как в России, так и в других странах в тот период существовали следующие источники разведывательных данных о военном потенциале противника: официальные периодические издания, причем не обязательно сугубо военного характера; донесения сотрудников дипломатических представительств; отчеты военных корреспондентов, легально находящихся на территории иностранного государства; донесения агентов, собирающих необходимые сведения тайно. Представляется необходимым охарактеризовать каждый из приведенных выше источников данных отдельно.

Прежде всего, особую значимость в качестве источника информации военного характера имела пресса. В ту эпоху периодические издания нередко служили каналом не только регулярной (что было безусловным достоинством прессы по отношению к другим вышеназванным источникам), но и достоверной информации о новых образцах вооружения, передислокации войск и т.д. О ценности периодической печати противника для выполнения задач собственного военного планирования в первой и начале второй половины XIX столетия ярко свидетельствует отрывок из воспоминаний Э. Александера (1835–1910), генерала армии конфедератов во время Гражданской войны в США: «Основной задачей агентов было снабжение нас газетами северян, хотя некоторое время они занимались тщательным учетом новых войск, прибывающих в Вашингтон. Однако полученная ими информация была признана менее надежной, чем сообщения, содержащиеся в ежедневных газетах. Из них мы узнавали не только обо всех прибывающих войсках, но и о том, как они распределяются по бригадам и дивизиям. Занося эти данные в таблицы, мы всегда довольно точно знали, насколько велик потенциал армии противника»².

¹ C. von Clausewitz. Ibid.

² Alexander E. Military Memoirs of a Confederate. A Critical Narrative. New York: Charles Scribner's Sons, 1907. P. 55.

При этом в качестве основного источника сведений для стратегической разведки служили донесения дипломатов, направлявшиеся в Департамент Генерального штаба. Основным недостатком этого канала информации служила недостаточная компетентность сотрудников дипломатических представительств в военных вопросах. По этой причине все более востребованными становились сведения, полученные от военных корреспондентов, действовавших легально. Доставляемые ими данные характеризуются в документах канцелярии Военного министерства как более полные и основательные, чем те, которые получены от «чиновников дипломатических, для которых собирание военно-статистических сведений, естественно, составляло только занятие побочное и почти несвойственное»¹. Важно отметить, что официальный статус военного агента в ту эпоху предоставлял значительно больше возможностей для сбора сведений, чем нелегальная деятельность. Обращение же к услугам нелегальных агентов носило характер крайней меры. Как отмечает Д. Баер применительно к французской разведке того периода, услуги шпионов «имели место как ответ на вызовы непредвиденной ситуации, но не в качестве системного инструмента по отслеживанию состояния и намерений противника в мирное время»². Практика их широкого использования обычно имела место преимущественно для целей тактической разведки во время военных действий. Кроме того, в качестве одного из источников информации, особенно актуального в отношении сбора информации о военных приготовлениях приграничных с Россией государств, можно назвать отчеты сотрудников III Отделения.

Таким образом, круг источников разведывательных сведений отличался достаточным разнообразием. Однако отношение к их ценности в военных кругах было скептическим. Уже упоминавшийся К. Клаузевиц, говоря о разведывательных сведениях как потенциальной отправной точке для составления стратегических планов кампаний, утверждает следующее: «Достаточно лишь

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп 6. Д. 178 «О собрании статистических и военных сведений об иностранных государствах». Л. 37об-38.

² Baer D. Planting the espionage tree: the French military and the professionalization of intelligence at the end of the nineteenth century // *Intelligence and national security*. № 5. P. 4.

вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и изменчивость, чтобы почувствовать, как ненадежны базирующиеся на ней военные планы, как легко все может развалиться и похоронить нас под своими обломками»¹.

Таким образом, значение разведки в вопросах военного планирования к началу второй четверти XIX столетия было невысоким. Применительно к России данная ситуация в историографии объясняется следующим образом: этакое факторы, как эйфория от победы в Отечественной войне и отсутствие серьезных внешнеполитических соперников, угрожавших национальной безопасности, не способствовали реформированию органов внешней и военной разведки².

Тем не менее, тщательное изучение архивных документов говорит о том, что попытки совершенствования механизмов сбора и анализа разведывательных данных имели место в рассматриваемый период. К 1820-м годам потребность в систематизации получаемых обозначенными выше способами данных становится очевидной: «Доставлено было начальнику Главного штаба Его Императорского Величества значительное количество разных военно-статистических сведений; но из числа их оказались удовлетворительными только две записки; а именно: о военных силах Швеции и Церковной области»³.

По этой причине возникает необходимость составления проекта инструкции по сбору необходимых сведений, адресованной дипломатическим сотрудникам, на которых была возложена обязанность по сбору военно-статистических сведений. Подобное поручение дается Бергу еще в 1822 г., т.е. задолго до его назначения на должность генерал-квартирмейстера Главного штаба: «Полковник Берг представил 15 октября 1822 года составленный им проект инструкции – труд замечательный по своей полноте и систематической стройности»⁴. Действительно, этот документ составлен крайне подробно и скрупулезно. Он разделен на две большие части: одна

¹ Clausewitz, C.von. Vom Kriege. Hinterlassenes Werk des Generals Carl von Clausewitz. T. I. Berlin, 1832. S. 89.

² Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. в 2 т. Т. 1. М.: Русская разведка, 1998. С. 37.

³ Записка, составленная из секретного дела 2-го Отделения Департамента Генерального Штаба № 16 «О собрании статистических и военных сведений о разных иностранных государствах» (1823–1832 гг.). РГВИА, Ф. 29, Оп. 6, Д. 178 «Доклад по Департаменту Генерального штаба и переписка о порядке сбора статистических и военных сведений об иностранных государствах и организации сети военных корреспондентов при дипломатических представительствах за границей». Л. 33об.

⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 178. Л. 33об.

посвящена сухопутным войскам, другая – военно-морским силам. Первая разделена на 4 подраздела, посвященных следующим вопросам: органам военной администрации (министерствам), организации военных подразделений, дислокации вооруженных сил, военному планированию. Вторая часть освещает такие аспекты функционирования военно-морского флота, как: деятельность военно-морского министерства, организация отдельных флотских подразделений, строительство кораблей, морская пехота, планирование в военно-морской сфере.

В 1823 г. П.М. Волконского на посту начальника Главного штаба сменил И.И. Дибич. На первый взгляд, благосклонное отношение Волконского к Бергу могло бы помешать карьерному продвижению Берга при новом начальнике – протеже главного политического противника Волконского А.А. Аракчеева. При этом документы не содержат сведений, которые бы прямо и однозначно подтверждали данную точку зрения. Напротив, «барон Дибич совершенно одобрил проект полковника Берга»¹. С другой стороны, «дело оставалось несколько лет без дальнейшего хода. Только 28 августа 1825 года означенный проект инструкции препровожден к графу Нессельроде. За тем опять два года не было никакой по сему предмету переписки»². Отметим, что едва ли подобная волокита объяснялась нежеланием Дибича способствовать успеху усилий Берга: начальник Главного штаба обращался к К. Нессельроде как минимум дважды с просьбой доведения до сведения сотрудников дипломатического ведомства инструкции, составленной Бергом³. При этом в воспоминаниях адъютанта Берга А.Э. Циммермана содержится упоминание о том, что Нессельроде относился к Бергу достаточно неприязненно: «Граф Нессельроде и другие стоявшие близко к государю люди старались оттирать Берга, опасаясь, что он приобретет большое влияние на дела»⁴. Поэтому нельзя исключать того, что бюрократические проволочки, связанные с инструкцией Берга, могли быть вызваны и характером его личных взаимоотношений с высшими сановниками империи.

¹ Там же. Л. 34.

² Там же.

³ Там же. Л. 36-37.

⁴ ОР РГБ. Ф. 325. Карт.1. Ед. хр.2. Л. 86.

При этом необходимость подобного документа четко осознавалась на всех уровнях государственного аппарата. В частности, в 1825 году подобная инструкция была составлена генерал-майором А.А. Адеркасом; в целом ее содержание покрывает пункты, упомянутые Бергом, принципиальным отличием можно считать то, что документ Адеркаса содержит положение о сборе военно-исторических сведений (прежде всего, о проходивших на территории того или иного государства вооруженных конфликтах). Кроме того, Николай I лично утвердил в 1839 г. т.н. «Синоптическую таблицу», которая должна была лечь в основу процесса сбора сведений о военном потенциале иностранных государств. Таким образом, потребность в упорядочивании разведывательных сведений четко осознавалась в высших эшелонах власти. Однако существенных практических шагов по внедрению этих документов в реальный процесс сбора информации не происходило.

Наиболее объективная причина этого отражена в записке генерала Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части Ф.Ф. Довре, переданной им в сентябре 1827 г. К. Нессельроде. В ней, в частности, говорится следующее: «Составленная полковником Бергом инструкция, при всех неотъемлемых достоинствах своих, не может однакож служить руководством для предполагаемого собирания военно-статистических сведений. От чиновника дипломатической службы нельзя требовать удовлетворительного разрешения всех вопросов, задаваемых столь обширную и сложную программу»¹.

Однако представляется, что основные причины сложности внедрения данного документа в практику разведывательной деятельности той эпохи заключались не только в ее слишком пространным объеме. Прежде всего, применение данных инструкций было невозможно без перестройки всего механизма сбора и анализа информации в целом. В данном контексте можно вернуться к записке Ф.Ф. Довре. Отметим, что едва ли его можно подозревать в намеренном торможении проекта Ф.Ф. Берга: в частности, в 1828 г. он подписал резолюцию об вышеупомянутом отпуске Берга в 1817–1820 гг., характеризующую

¹ Там же. Л. 34.

последнего во вполне положительном ключе. Фраза об излишне сложном для обычного дипломатического чиновника содержании инструкции нужна ему для обоснования другого тезиса, а именно мысли о необходимости создания специализированного органа военной разведки: «Окончательная же обработка или приведение в систему получаемых данных о всех государствах вообще должна быть возложена на особый комитет или военно-статистическое отделение, которое собственно для этой цели должно быть учреждено из людей специально-ведущих в делах»¹. Ключевое предложение Довре состояло в следующем: «Все данные, собираемые в разных государствах, доставляются прямо в Главный штаб Его Императорского Величества и сосредотачиваются в особом отделении или комитете, составленном из одного офицера генерального штаба, одного офицера морской службы и чиновника, ведущего в административной и финансовой части. Обязанность этого комитета состоит в систематическом распределении получаемых сведений (причем может быть принята в руководство программа, составленная полковником Бергом). Недостающие сведения пополняются из разных других источников или посредством запросов к тем же лицам, которые занимаются собиранием сведений на месте»². Непосредственно же для сбора сведений на местах предполагалось привлечь «особых офицеров Генерального штаба или по крайней мере таких, которые имели бы нужные для этой цели специальные познания; в государствах же приморских нужны офицеры морской службы»³.

В материалах цитированного выше материалов секретного дела 2-го Отделения Департамента Генерального штаба № 16 «О собрании статистических и военных сведений о разных иностранных государствах» (1823–1832 гг.) отражены все сложности, связанные с доведением инструкции Берга до практического применения. Как отмечается в деле, «граф Нессельроде, уже после повторительной просьбы графа Дибича, отмечал наконец 3 января 1828 года, что во все посольства препровождена инструкция, составленная

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 178. Л. 34об.

² Там же. Л. 35.

³ Там же.

полковником Бергом <...>, и что вновь предписано будет наблюдать за точным ее исполнением; сведения же, доставляемые от посольств в Министерство иностранных дел, будут по мере получения препровождаемы в Главный штаб Его Императорского Величества. <...> Граф Дибич, довольствуясь изъявленной вице-канцлером готовностью содействовать этому делу, не настаивал на своем плане, и ограничился лишь изъявлением желания, чтобы сведения, собираемые посольствами по военной части, были доставляемы прямо в Главный штаб Е. И. В., а не через посредство Министерства Иностранных Дел.<..> Итак предположение, столь основательно изъясненное в записке генерала Довре в сентябре 1827 года, осталось без исполнения»¹. Еще одним шагом по изменению ситуации был отчет сподвижника Берга, участника его экспедиции в Киргиз-Кайсацкую степь А.О. Дюгамеля, о состоянии австрийской армии. Предполагалось «по тому же образцу составлять постепенно описания вооруженных сил других держав европейских; но вероятно, по случаю скорого за тем выступления гвардии в поход, предположения эти остались также без исполнения»².

В итоге, «переписка <...> осталась почти без результатов, ибо те отрывочные сведения, которые доставлялись по временам посольствами, далеко не удовлетворяли ни предположенной первоначально цели, ни существенным потребностям правительства»³.

Таким образом, к моменту назначения на должность генерал-квартирмейстера Главного штаба Берг был глубоко погружен в проблемы развития отечественной военной разведки.

На новом посту Берг не оставит попытки развития своих давнишних идей: «При самом вступлении моем в должность генерал-квартирмейстера Главного штаба Его Императорского Величества я имел честь входить 11 декабря 1843 года с докладом к военному министру о способе пополнения секретного архива Департамента Генерального штаба новейшими сведениями об иностранных государствах по части военной и тогда отыскивал составленную мною в 1822 году

¹ Там же. Л. 36-37.

² Там же.

³ Там же. Л. 37-38.

инструкцию, но нигде отыскать ее не мог. Наконец при составлении в 1850 году 25-летнего отчета инструкция эта найдена случайно в старых делах»¹. В итоге, вопрос о совершенствовании механизмов сбора и анализа разведывательной информации вновь становится одним из основных в служебной переписке Берга (на этот раз – с военным министром А.И. Чернышевым).

Первой темой, которой уделяется значительное внимание в данной переписке, можно считать вопрос о том, что должно стать основным источником информации – пресса или донесения военных агентов. Как отмечалось выше, в те годы, и не только в России, господствовала точка зрения, что периодические издания сами по себе являются надежным источником сведений военного характера. Аналогичного взгляда на надежность прессы как источника информации придерживался и А.И. Чернышев. Например, комментируя инструкцию Берга уже в 1852 году, военный министр высказывает следующую точку зрения: «Я нахожу, что со времени составления сей инструкции, значительно увеличились общедоступные источники, из коих могут быть почерпаемы современные военно-статистические сведения. Независимо от сочинений, в коих изложено основное устройство военных сил иностранных государств, официальные журналы почти повсеместно издаваемые и множество периодических изданий, содержат подробные о последовательных в сем устройстве изменениях известия, за коими остается только следить с неусыпным вниманием»². В другом письме Чернышева встречаем аналогичный тезис: «Теперь все обнародывается и стоит только следить неусыпно за последовавшими переменами. Корреспонденты могут служить только вспомогательным средством тех сведений, которые нужными окажутся»³.

Тем не менее, в одном из докладов Берг последовательно отстаивает противоположную позицию: «Свода военных постановлений части 1-ой книги 1-ой в статье 740-ой Генеральному штабу постановлено в обязанность собирать верные и подробные сведения о военных силах и способах иностранных

¹ Там же. Л. 45.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л.12.

³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 178. Л. 41.

государств. Для достижения этой цели состоят при некоторых посольствах наших в чужих краях корреспонденты военного министерства, но донесения их с некоторого времени вовсе не поступают в Департамент Генерального штаба, а потому Департаменту остается ограничиваться только теми сведениями по части военной, какие помещаются в разных периодических сочинениях и журналах. Рассмотрение сих сочинений показало, что вышеупомянутые сведения весьма отрывочны, противоречивы, часто не верны и вообще не полны, так что по ним нет никакой возможности следить за состоянием части военной в иностранных государствах, за переменами, происходящими в оной, и составить что-либо стройное, могущее заменить сведения, которые в состоянии доставлять корреспонденты»¹.

Характеризуя ценность прессы как источника разведывательной информации в отдельных странах, Берг сообщает Чернышеву следующее: «Только в Англии и Пруссии выходят издания, дающие возможность с некоторою достоверностию, хотя и приблизительно, судить о военных, сухопутных и морских силах. Второстепенные германские державы ничего подобного не издают или уже издания эти бывают так редки, что по ним нельзя составить никакого отчета о военных силах. <...> Во Франции издания о военных силах не полны. <...> В Португалии, Испании, Италии, Турции и Персии ровно ничего о военных силах не публикуется»². Отметим, что на недостаточность и противоречивость сведений, указанных в прессе, указывали и те, кто непосредственно собирал информацию военного характера. Например, генерал Н.В. Медем на основе опыта своей работы в Париже в 1848–1849 гг., констатирует тот факт, что информация об изменении дислокации войск часто отражалась во французской прессе, однако журналисты регулярно допускали неточности, а потому необходимо было постоянно корректировать и проверять эту информацию лично через знакомых французских военных, а иногда и посредством собственных поездок по стране.

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л. 10об.

² Там же. Л. 85-85об.

Несмотря на расхождения с Чернышевым по вопросам иерархии источников разведывательных данных, Берг продолжал придерживаться своей точки зрения по данному вопросу в ходе выполнения своих рутинных служебных обязанностей в качестве главы Департамента Генерального штаба. Он не только тщательно подбирал кандидатуры немногочисленных военных агентов, но и лично скрупулезно проверял их отчеты. Например, деятельность военного агента в Берлине он оценивал следующим образом: «Донесения генерал-майора графа Бенкендорфа заключают весьма много любопытных и полезных сведений, но нет в них ничего целого и полного относительно военно-сухопутных сил Пруссии»¹. В то же время, высокой характеристики Берга удостоиваются отчеты военного агента в Константинополе, которому «труднее всех прочих получать военные сведения, а между тем справедливость требует сказать, что доставленные им сведения о военных силах Турции отличаются ясностью, точностью и верностью»².

Необходимость в упорядочивании собранных разведывательных данных ощущается все острее. И в феврале 1852 г. Чернышев отдает Бергу распоряжение следующего содержания:

«Находя учрежденный в прусском Генеральном штабе порядок собирания военно-статистических сведений весьма удовлетворительным, прошу представить мне соображение, в какой мере признается возможным и удобным применить сей порядок у нас»³.

Причины, по которым в качестве потенциальной модели был выбран механизм сбора и обработки сведений, принятый именно в Пруссии, представляются следующими. Во-первых, во многих документах подчеркивается тот факт, что о ситуации в военной сфере в Пруссии российская сторона располагала наиболее полной информацией. Например, как отмечает Берг в приложении к докладу «О способах к собиранию сведений о военных силах иностранных держав», «досель 2-е отделение Департамента Генерального штаба <...>, не имея в распоряжении своем иных средств, кроме повременных изданий,

¹ Там же. Л. 87.

² Там же. Л. 256об.

³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 178. Л. 42.

журналов и газет, встречало всегда большие затруднения в составлении верного отчета о военных силах и способах иностранных государств (кроме Пруссии) единственно от недостатка материалов и потребных сведений»¹. Кроме того, разведывательные структуры Пруссии, которая в будущем конфликте займет позицию дружественного нейтралитета по отношению к России, и до него находились в максимально тесном контакте с российской стороной. Например, в одном из приложений к докладу по Департаменту Генерального штаба Берг отмечает следующее: «Сведения о французской армии, заключающиеся в донесениях полковника графа Стакельберга, так давно им доставлены, что на них нельзя основаться и потому Департамент Генерального штаба для составления этого описания о военно-сухопутных силах Франции извлек какие имелись, весьма немногие, сведения из французских периодических журналов. Желательно бы было послать это описание в Париж к полковнику графу Стакельбергу с тем, чтобы он пополнил оное и предписать ему о доставлении столь же подробных и удовлетворительных сведений о французской армии, как доставляет оныя прусский корреспондент в Париже Генерального штаба капитан Лоос, прусскому генерал-квартирмейстеру генерал-лейтенанту Рейеру, что мне лично известно. По связям нашим с прусским двором полковник граф Стакельберг мог бы даже на первый случай позаимствовать эти сведения от прусского корреспондента, пока не найдет сам другого прямейшего и вернейшего источника»². Иными словами, российское военное руководство не просто плотно взаимодействовало с прусскими учреждениями, но иногда даже и получало напрямую разведывательную информацию, полученную Берлином. Таким образом, механизм сбора и обработки информации, принятый в Пруссии, был чрезвычайно хорошо известен в России, поэтому неудивительно, что именно на него обратило внимание русское военное руководство.

Основные предложения Берга по реорганизации Департамента Генерального штаба, сделанные на основании анализа прусского опыта, выглядели следующим образом:

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Л. 250.

² Там же. Л. 114об.

«При 2-м Отделении Департамента Генерального штаба учредить особый секретный стол, для собирания, приведения в порядок и обработки всех сведений о военных силах и способах иностранных государств.

Стол этот разделить на три части и отнести:

К первой – Швецию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию, Францию, Испанию и Португалию.

Ко второй – Пруссию, Австрию, все Германские и Итальянские владения и Швейцарию.

К третьей – Турцию, Персию, обе Индии, Китай, Коканд, Бухарию и Хиву»¹.

Кроме того, «по временам, но сколь возможно реже и только тогда, когда действительно признано будет полезным и необходимым, командировать офицеров за границу в те места, где нет ни военных корреспондентов, ни посольств, как, например, в Пьемонт и в Испанию; преимущественно же их командировать для осмотра важнейших крепостей»².

По итогам рассмотрения императором предложений Берга Чернышев сообщает в Департамент Генерального штаба следующее:

«Государь Император, рассмотрев положенные в сем докладе предположения, изволил признать излишним ввести у нас учрежденный в Прусском генеральном штабе порядок для собирания сведений о военных силах иностранных государств.

Пребывающие за границей корреспонденты Военного министерства обязаны доставлять сколь можно полные и своевременные военно-статистические сведения, для приведения коих в систематический порядок способы 2го Отделения Департамента Генерального штаба весьма достаточны.

Остается только дать корреспондентам общую инструкцию для руководства их к достижению желаемой цели. <...> Вместе с тем Его Величество соизволяет:

<...>

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 6. Д. 178. Л. 60-60об.

² Там же. Л. 62-62об.

Чтобы с Министерством иностранных дел возобновлено было сношение о поручении посольствам нашим, в тех государствах, в коих нет особых Корреспондентов, доставлять повременные в определенные сроки сведения, о состоянии военных сил сих государств по краткой и удобоисполнимой программе»¹.

Задача по составлению данной инструкции была возложена на Берга. Фактически она представляла собой переработанный и меньший по объему вариант аналогичного документа 1822 года. В ней также выделялось две части: первая половина вопросов, на которые должен был ответить составитель отчета о военном потенциале иностранной державы, касалась сухопутных сил, вторая – военно-морского флота. Отдельные пункты каждой из частей инструкции относились как к численности и уровню подготовки отдельных родов войск (в сухопутной армии) и подразделений во флоте, так и снабжения, военного планирования, подготовки кадров².

Иными словами, центральный аналитический орган в рамках Генерального штаба так и не был создан, количество военных агентов как лиц, компетентных в военных вопросах и, соответственно, способных эффективно собирать необходимую информацию, осталось минимальным, а значительные полномочия по получению сведений о военном потенциале иностранных государств по-прежнему находились в сфере компетенций сотрудников МИД. Единственное, что осталось в итоге от масштабного проекта Берга – его краткая инструкция по сбору разведывательных данных.

Каковы же причины того, что усилия Берга по реформированию порядка сбора и анализа разведывательных сведений не нашли понимания в высших эшелонах власти Российской империи?

В историографии предлагались различные варианты ответа на данный вопрос. Например, в работе А.А. Кривопалова высказывается мысль о том, что Берг не вошел в число ближайших военных советников императора, что не позволяло

¹ Там же. Л. 64.

² Там же. Лл. 70-71об.

ему эффективно отстаивать свои идеи при дворе¹. Безусловно, эти тезис отчасти справедливы. Как писал А.Э. Циммерман в своих воспоминаниях, «Берг был всегда чужд придворным интригам в том смысле, что он никогда не шел тайными путями к низвержению какого-либо лица, ему враждебного, но только отпарировал удары, ему наносимые»². С другой стороны, как отмечалось выше, несмотря на нежелание участвовать в придворных баталиях, Берг смог найти подход как к Волконскому, так и к Дибичу, несмотря на их принадлежность к противоположным придворным партиям. Нет прямых доказательств и того, что рассмотренные выше разногласия с А.И. Чернышевым носили личный характер. Представляется, что в большинстве случаев начальство рассматривало его в качестве исполнителя, ответственно и по-немецки пунктуально подходившего к выполнению своих должностных обязанностей. Поэтому не стоит переоценивать влияние личных взаимоотношений Берга с императорским окружением на судьбу его идей.

А.А. Кривопалов отмечает также тот факт, что могла сыграть негативную роль психологическая неготовность императора к появлению рядом с собой институционально оформленного центра анализа стратегической информации³. Действительно, во многом можно согласиться с данным утверждением: например, как отмечает О.Р. Айрапетов, Николай I «был сам себе министр иностранных дел» и «начальник Генерального штаба»⁴. С другой стороны, в других сферах государственного управления император вполне допускал возникновение секретных комитетов как своеобразных аналитических центров, поэтому нельзя однозначно утверждать, что Николай не смог бы пойти на реорганизацию Департамента Генерального штаба по плану, предлагаемому Бергом, в случае крайней необходимости.

Представляется, что реализации идей Берга препятствовали вполне объективные причины. Наиболее систематизированным порядком сбора разведывательных сведений отличалась в тот момент Пруссия, опыт которой и

¹ Кривопалов А.А. Указ. соч. С. 161.

² ОР РГБ. Ф. 325. Карг. 1. Ед. хр. 2. Воспоминания А.Э. Циммермана. Л. 86.

³ Кривопалов А.А. Указ. соч. С. 160.

⁴ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетей, 1998. С. 6.

изучался самым внимательным образом в отношении возможной реорганизации Департамента Генерального штаба, но она рассматривалась в качестве максимально близкого и дружественного внешнеполитического партнера, а не соперника. Во Франции, как отмечает Д. Баер, в течение 40 лет после 1815 года наблюдался постепенный упадок структур, занимающихся как внешней, так и контр-разведкой»¹. Поэтому и она не рассматривалась в качестве противника, прогресс в развитии разведывательных структур которого мог бы подтолкнуть реформирование отечественных органов. В Великобритании институционально оформленный центр военной разведки появится позже – в 1854-1855 гг., когда было организовано Управление топографии и статистики, на базе которого впоследствии будет создан Директорат военной разведки. Таким образом, уровень развития разведывательных структур ведущих военных держав того периода не способствовал внедрению в России принципиально новых механизмов анализа разведывательных данных. При этом не было возможности и принципиально увеличить штат военных агентов. Причины этого понятны на примере дела полковника Новицкого, добивавшегося придания ему официального статуса военного агента уже в 1860-е гг. Российский посол в Лондоне Ф.И. Бруннов в письме А.М. Горчакову отрицательно отнесся к пожеланию Новицкого по следующей причине: «Полезно оставить положение полковника Новицкого на прежнем основании. Никак не желательно дать ему значение, которое могло бы побудить английское министерство к назначению в С. Петербург особого военного агента. Мне известен вред, происходящий от излишнего усердия, которым обыкновенно отличаются английские офицеры, занимающие подобные должности в чужих краях, как, напр., в Париже. Я никак не желал бы дать повод к назначению сего рода в С.–Петербург»². Таким образом, расширение штата легальной агентуры рассматривалась подчас как мера, которая может скорее навредить национальной безопасности государства, чем способствовать ее усилению. К услугам же

¹ Ваер Д. Ibid. P. 4.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1097 «О присвоении полковнику Новицкому звания военного агента и об усилении содержания». Л. 28.

нелегальных разведчиков для целей стратегической разведки в мирное время старались прибегать как можно реже, как отмечалось выше. Таким образом, объективные условия той эпохи не способствовали полной реализации идей Берга. В итоге, вклад главы Департамента Генерального штаба в дело разведки на практике свелся к каждодневной и скрупулезной работе с военными агентами, тщательному анализу их донесений. Безусловно, и это было немало. Однако в целом, несмотря на усилия Берга, изучение военного потенциала иностранных держав оставляло желать лучшего. Об этом красноречиво свидетельствует следующий отрывок из воспоминаний главного военного реформатора 1860–1870х годов Д.А. Милютин (цитата относится к периоду 1847–1848 гг.):

«Для получения сведений об иностранных армиях я должен был обращаться с личными просьбами то в департамент Генерального штаба, то в канцелярию Военного министерства. В то время хоть и состояли при некоторых наших посольствах военные лица с званием «военных корреспондентов» (В Париже – полковник Глинка, в Берлине – генерал-майор свиты граф Бенкендорф, в Вене – полковник граф Стакельберг, в Стокгольме – генерал-майор Бодиско, в Константинополе – полковник граф Остен-Сакен), но в самом министерстве Военном часть военно-статистическая не была организована. Доставляемые по временам означенными лицами кое-какие записки о переменах в иностранных армиях считались секретными и оставались без всякого употребления»¹.

Таким образом, несмотря на то что, функционирование отечественных разведывательных органов вполне соответствовало мировой практике той эпохи, их работа была не настолько эффективной, какой могла бы быть. Необходимость реформирования разведки в те годы осознавалась многими военными администраторами, одним из которых был Ф.Ф. фон Берг. Однако в силу объективных причин его предложения, реализация которых могла бы кардинально улучшить механизм анализа разведывательных сведений, так и не получили развития в конце первой половины XIX столетия, хотя и могли бы обеспечить России стратегически важное преимущество накануне Крымской войны.

¹ Милютин Д.А. Воспоминания 1843-1856. М.: Российский Архив, 2000. С. 143.

§2.2. Посредническая миссия Ф.Ф. фон Берга во время Венгерского похода 1849 г.

Находясь на посту генерал-квартирмейстера Главного штаба, Берг привлекался и к выполнению особенно важных миссий, не связанных непосредственно с его прямыми служебными обязанностями в штабе. Наиболее ярким из подобных поручений становится командировка Берга в Австрийскую империю в 1849 г.

Революция 1848–1849 гг. несла с собой не только изменение политической системы европейских государств, но и наносила удар по расстановке сил на внешнеполитической арене. Одной из наиболее острых угроз была вероятность распада Австрийской империи на несколько независимых государств. Прежде всего, подобный сценарий мог привести к обострению проблемы Галиции – вопроса, который, как было показано выше, имел немаловажное значение для национальной безопасности России в контексте нестабильности положения Царства Польского.

В данном контексте особое беспокойство в Петербурге вызывали революционные события в Венгрии. Австрийский император пошел на уступки венграм – прежде всего, утвердил состав революционного правительства во главе с Л. Батьяни. Однако, как отмечает О.Р. Айрапетов, «Венгерская национальная революция была освободительной далеко не для всех»¹: действительно, революционеры вели борьбу как с Габсбургами, так и с невенгерскими народами в границах исторической Венгрии, среди которых численность славян составляла 4,26 млн человек² (в их число входили и сербы Воеводины, судьба которых была особенно небезразлична России в силу их конфессиональной принадлежности). Ситуация стремительно обострялась: в апреле-мае 1848 г. венгерские власти отказались удовлетворить требования воеводинских сербов и валашского населения Трансильвании предоставить этим народам возможность получать

¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи 1801-1914. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. С. 330.

² Д. У. Поход в Венгрию в 1849 г. Три главы из записок офицера Генерального штаба // Военный сборник. 1860. № 7. С. 3-4.

начальное образование на родном языке, обеспечить им пропорциональное представительство в органах государственной власти и уравнивать в правах Православную и Униатскую церкви с Католической¹. Подобная политика венгерского правительства все больше делала неизбежным вмешательство России в революционные события.

В таких обстоятельствах 10 апреля 1849 года Ф.Ф. Берг был направлен к австрийскому императору Францу Иосифу I «с важным поручением по случаю вспыхнувшего венгерского мятежа и помощи, дарованной Государем Императором Австрии»². Перед Бергом была поставлена задача состоять при австрийском императоре и блюсти за точным исполнением согласованного плана кампании для русской и австрийской армий в рамках ведения боевых действий против венгерских войск.

Таким образом, новая миссия Берга носила в большей степени дипломатический, нежели сугубо военный характер. Как отмечал А.Э. Циммерман, сопровождавший Берга во время Венгерского похода, Берг даже вне службы оттачивал навыки ведения переговоров: «Когда мне случалось с ним ездить вдвоем, в одном экипаже, он редко пускался в разговоры, ограничивался только короткими вопросами, постоянно слушал, если я ему говорил, но зато беспрестанно был в самой живой беседе с самим собой. По выражению его лица всегда можно было догадаться, с кем он говорит: с государем, министрами или женщинами. Он, таким образом, приготавливался, репетировал свои роли»³.

В соответствии с секретной инструкцией, переданной генерал-адъютантом Адлербергом от Николая I Бергу, последнему надлежало действовать следующим образом:

1. «Имея в виду...Его Императорским Величеством утвержденный и сообщенный императору австрийскому план действий русской армии в Венгрии..., наблюдать, чтобы со стороны австрийского правительства не было сделано без ведома нашего ни малейшего от оною отступления.

¹ Stavrianos L.S. The Balkans since 1453. New York:New York University Press, 2002. P. 265, 361.

² ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

³ ОР РГБ. Ф. 325. Карг. 1. Ед. хр. 2. Воспоминания А.Э. Циммермана. Л. 87.

2. Извещать государя и генерал-фельдмаршала: а) о всех военных действиях австрийских войск на всех театрах войны; б) о числе и составе их; с) о намерениях императора Франца-Иосифа и распоряжениях его по своим войскам»¹.

Иными словами, русские войска не переходили в подчинение австрийскому командованию. Сохранение определенной самостоятельности русским военным руководством значительно снижало вероятность неэффективного применения австрийцами русских войск, однако в то же время становилось источником будущих противоречий между русским и австрийским командованием, что сильно осложняло посредническую миссию Берга.

Для обороны австрийской столицы была направлена дивизия под командованием генерал-лейтенанта Ф.С. Панютина численностью 10 659 человек при 48 орудиях². Берг же в силу переданных ему инструкций должен был не допускать злоупотреблений со стороны австрийского командования в отношении русских войск.

Для наступления на столицу восставших город Коморн³, необходимо было сначала взять г. Рааб⁴, «захваченный венгерцами и наскоро ими укрепленный»⁵. Тогда же происходит первый серьезный конфликт между Ф.Ф. фон Бергом и И.Ф. Паскевичем.

Берг доложил императору о претензиях австрийцев к Паскевичу. В донесении от 15 июня он докладывал следующее: «Мне было поручено просить фельдмаршала, чтобы он не продолжал оставлять австрийскую армию в полнейшем неведении о том, что намеревается предпринять. Венский кабинет и главнокомандующий австрийской армией спешили уведомлять до малейших подробностей о всем, что они предпринимают, и...надеются тоже, что

¹ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов: в 7 т. Т. 6. СПб: тип. лит. Р. Голике. 1899. С. 356-357.

² Ореус И.И. Указ. соч. С. 109.

³ Коморн (нем. Komorn) – историческое немецкое название города на обоих берегах Дуная (именно этим фактом и объяснялось стратегическое положение данного населенного пункта). Изначально входивший в состав Австро-Венгрии, по окончании Первой мировой войны этот город был разделен на два: северная часть оказалась на территории Чехословакии (ныне Коморна относится к Словакии), южная – Комарно – оказалась в составе Венгрии, получив наименование Комаром.

⁴ Ныне Дьёрн на северо-западе Венгрии.

⁵ ОР РГБ. Ф. 325. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. Л. 88.

фельдмаршал соизволит согласиться на ту взаимную искренность и доверие, которые одни только могут гарантировать и ускорить успех нынешней войны. Если фельдмаршал, оттягивая свои ответы, дает этим понять, что не считает нужным сообщать о своих намерениях правительству..., то было бы, однако, желательным, чтобы князь Варшавский уведомил о тех пунктах, которые им заняты. Не могу скрыть от Его Величества, что здесь весьма огорчены этими умолчаниями»¹. В то же время, и Паскевич имел основания для недовольства австрийцами, не обеспечивших должное снабжение русских войск².

В конфликте Николай I занял сторону своего «отца-командира». Нарекания же в адрес Берга были сформулированы в виде строгого выговора следующим образом: «Невозможно, не будучи невеждой, требовать, чтобы фельдмаршал с точностью определял, в какой день какие сделает движения, так как последние при данной обстановке могут измениться сообразно обстоятельствам»³.

Подобное заявление стало сильным ударом для Ф.Ф. Берга. В своих последующих донесениях он молил государя о прощении и жаловался на австрийцев и австрийского главнокомандующего Ю.Я. фон Гайнау⁴.

Конфликт между русским командованием и австрийской Главной квартирой все больше нарастал. По поводу появившегося у союзников недоверия друг к другу, А.Э. Циммерман пишет, что «Паскевич первый в том виноват. Когда решено было вступление русской армии в Венгрию, то он добивался того, чтобы его сделали главнокомандующим всех австрийских и русских войск, подобно Суворову, с тем чтобы получить звание генералиссимуса. Австрийский император просил, чтобы его армия оставалась под начальством Гайнау, не подчиняя его Паскевичу, чтобы не уронить австрийского самолюбия. Государь уважил эту просьбу, Паскевич, получив отказ, был взбешен, стал относиться к австрийцам неприязненно и не уведомлял их о своих движениях»⁵.

¹ Русско-венгерская война // Русская старина, 1888. № 6. С. 584-585.

² Щербатов А.П. Указ. соч. С. 74.

³ Русско-венгерская война // Русская старина, 1888. № 6. С. 586.

⁴ Там же. С. 588.

⁵ ОР РГБ. Ф. 325. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 100.

Значительную роль в развитии и углублении противоречий между русским и австрийским главнокомандующими сыграло взаимное недоверие сторон. Австрийцы могли пойти на предоставление определенной самостоятельности русским войскам, однако переход командования австрийскими войсками в руки Паскевича был для них невозможен. И.Ф. Паскевич не испытывал симпатии к австрийцам, а Берга воспринимал как «австрийского генерала с австрийским самолюбием, враждебного всему русскому и мне»¹. Берг же, в свою очередь, был обязан докладывать Паскевичу о претензиях австрийской стороны. По сути дела, Ф.Ф. Бергу было едва ли возможно одновременно сохранить благоприятные отношения с русским главнокомандующим и при этом выполнить свою дипломатическую миссию.

В то же время, несмотря на упреки Паскевича в отношении мнимого «австрофильства» Берга, сами австрийцы не склонны были рассматривать генерала в качестве проводника своих интересов. Об этом свидетельствует следующий эпизод. Однажды во время боя Берг отправил Циммермана к австрийскому министру Ф. Шварценбергу, находившемуся неподалеку, с просьбой подъехать к нему. Сам Циммерман рассказывает об этом так: «Я подскакал к Шварценбергу и передал поручение. На лице австрийского министра выразилась гордая мина, он довольно неохотно повернул лошадь и поехал шагом навстречу Бергу. Берг, однако, с необыкновенным тактом умел заставить его себя слушать, он доминировал его всей силой тогдашнего политического тяготения России над Австрией, спасаемой нашей интервенцией и уничтоженной тем»². Таким образом, Берг воспринимался именно как представитель российской стороны, а не лично симпатизирующий Австрии русский генерал, склонный идти на необоснованные уступки австрийцам. Берг пресекал и высказывание австрийским командованием претензий Паскевичу в грубой форме, умалявших достоинство русского главнокомандующего. Из-за однажды возникшего по этому поводу конфликта Берг и Гайнау даже прекратили личное общение на несколько дней³.

¹ Щербатов А.П. Указ. соч. С. 185.

² ОР РГБ. Ф. 325. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 94.

³ Там же. Л. 104.

В то же время, для успеха кампании Берг нередко был вынужден напрямую вмешиваться в процесс командования австрийскими частями, лично отдавая им приказы.

В воспоминаниях А.Э. Циммермана имеется характерный эпизод. Во время атаки венгерской кавалерии на австрийские позиции под Сегедином резерв австрийцев не спешил на подмогу оборонявшимся. И лишь после приказов Берга «Vorwärts! Vorwärts!»¹ австрийские драгуны выступили против неприятеля².

В то же время, противоречия между Паскевичем, Гайнау и Бергом все больше усугублялись. Циммерман так описывает нарастание конфликта: «Переписка у Берга с фельдмаршалом становилась более и более резкой. Паскевич писал бумаги грубого тона, где рассыпался в упреках. Берг отвечал почтительно, но не упускал случая чем-нибудь уколоть Паскевича. Самого неприятного содержания бумаги были писаны по-русски (обыкновенная переписка велась по-французски), и Паскевич подписывал под ними свой полный титул: генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский. Этим он словно хотел запугать Берга. Но того смутить было нелегко, и он удачно парировал удары своего врага, который жаловался на него государю. Военный министр, которому Берг посылал копии со всех депеш своих, принял его сторону и поддержал перед государем»³.

В июле 1849 г. конфликт между командующими русско-австрийскими силами достигает накала. Венгерский генерал А.Гёргеи сообщил русскому генералу Ф.В. Ридигеру о готовности венгров капитулировать. В то же время, принципиальная позиция Гёргеи заключалась в том, что он готов был сдаться только русским войскам: «Я <...> скорее поведу свою армию на верную гибель в отчаянную битву со сколь бы ни было превосходным в числе неприятелем, чем соглашусь безусловно положить оружие перед австрийскими войсками»⁴. Показанная в этом сообщении неготовность венгров идти на примирение с австрийцами, несмотря на фактическую невозможность продолжать далее борьбу,

¹ «Вперед! Вперед!» (нем.).

² ОР РГБ. Ф. 325. Карг. 1. Ед. хр. 2. Л. 129.

³ Там же. Л. 135.

⁴ Там же. Л. 134.

наглядно демонстрирует тот факт, что противоречия в многонациональной Австрийской империи были настолько сильны, что без вмешательства внешнего посредника, роль которого выполнила Россия, прекращение конфликта было невозможно.

Капитуляция венгров была принята, но австрийское самолюбие было в высшей степени уязвлено. В «бюллетене» Гайнау, посвященном окончанию боевых действий, роль русской армии в победе была отодвинута на второй план.

Берг не стал скрывать свое возмущение по этому поводу, написав Гайнау следующее: «Я получил бюллетень, и я не могу скрыть от Вашего Превосходительства, что его прочтение произвело на меня тяжелейшее впечатление. Я обнаружил, что в нем вовсе не говорится о той значимой роли, которую российская имперская армия сыграла в этой кампании; говорится также, что этот Гёргей изнурил армию; но не добавляется, что он сдался корпусу русской армии»¹.

Как отмечает венгерский историк Л. Контлер, «такая выходка² еще более разозлила австрийцев, и без того униженных прежними военными неудачами и необходимостью обращаться за внешней помощью»³. Действительно, австрийские власти были не склонны проявлять гуманность по отношению к побежденным: более ста представителей генералитета и старшего офицерского корпуса было расстреляно⁴; 12 командиров, сдавшихся в плен в Араде⁵, в венгерской исторической памяти остались как «арадские мученики»⁶.

Отечественная мемуаристика сохранила восприятие современниками-участниками похода итогов и хода операции русских войск в Венгрии. Общественное мнение, царившее в русских офицерских кругах, склонялось на сторону венгров: например, И. Павлов вспоминает, что обычной практикой были

¹ Щербатов А.П. Указ. соч. С. 383.

² сдача в плен русским войскам.

³ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. С. 336.

⁴ Стыкалин А.С., Колин А.И. Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. // Славянский альманах / отв.ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2014. С. 513.

⁵ г. Арад ныне располагается на территории Румынии.

⁶ Стыкалин А.С., Колин А.И. Указ. соч. С. 514.

застолья с венгерскими офицерами, на которых непременно поднимались тосты за русско-венгерскую дружбу¹. Другой участник кампании 1849 г., А.Л. Верниковский, пишет следующее о настроениях русских офицеров: «Со вступлением в пределы Австрии начало выражаться и нерасположение наших войск к австрийцам. Между офицерами нередко можно было слышать вопросы, зачем мы идем спасать фальшивых австрийцев?»².

Тем не менее, нельзя полностью согласиться с утверждением другого участника похода, Н. Исакова, о том, что «цель войны нам чужда»³. На первый взгляд, действительно, враждебный нейтралитет Австрии, во время Крымской войны приковавший к русско-австрийской границе, протянувшейся от устья Дуная до Царства Польского, силы четырех русских корпусов⁴, продемонстрировал то, что вмешательство России в события Венгерской революции не только не было оценено должным образом австрийской стороной, но в итоге способствовало ухудшению русско-австрийских отношений. Кроме того, в значительной степени санкции австрийского правительства в отношении венгров – участников восстания, сдавшихся русским войскам, впоследствии в значительной степени повлияли на формирование негативного образа России в венгерском общественном мнении (непосредственным проявлением этого можно считать антироссийский внешнеполитический курс Д. Андраши – одного из наиболее активных участников событий 1848–1849 гг., впоследствии занявшего пост министра иностранных дел Австро-Венгрии). Но необходимо отметить, что в условиях политической ситуации 1848–1849 гг. едва ли было возможно принятие венгерской короны одной из дружественных России «неавстрийских» династий, что предлагалось венгерским правительством⁵, и – в случае появления на карте Европы суверенной Венгрии – формирование венгеро-российских союзнических отношений в целом. На момент

¹ Павлов И.В. Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 г. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. № 5. С. 9, 11.

² Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. М., 1885. № 12. С. 512.

³ Исаков Н.В. Венгерская кампания 1849 г. // Исторический вестник. СПб., 1913. № 3. С. 838.

⁴ Кулаков А.А. Дунайские княжества во время австрийской оккупации 1854-1855 г. // Восточный архив. 2006. № 14-15. С. 19.

⁵ Стыкалин А.С., Колин А.И. Указ. соч. С. 522.

принятия решения о начале похода организация военной экспедиции на территорию Венгрии выглядела наиболее оптимальным решением в контексте потенциально возможного и крайне нежелательного для России распада Австрийской империи, а также террора, развязанного революционным венгерским правительством в отношении славянского (и в значительной части - православного) населения.

Что же касается непосредственно миссии Ф.Ф. фон Берга, то она изначально не могла способствовать улучшению русско-австрийских отношений. Основная причина венгерских событий заключалась в самой форме государственного устройства Австрийской империи, строившегося на лавировании между интересами населения крайне различных в этноконфессиональном и социально-экономическом плане частей этого государственного образования, каждая из которых претендовала на доминирование в системе государственного управления империей. Непоследовательная политика Вены в отношении Венгрии как одной из ключевых имперских территорий со славянским населением приводила к ускоренной дестабилизации общей политической ситуации в стране. Временное замирение было возможно только при вооруженном участии посредника, роль которого выполнила Россия; функция же координатора действий русского и австрийского штабов досталась Бергу. Но союзнические действия Австрии и России носили лишь ситуативный характер, тогда как в целом государства продолжали оставаться геополитическими противниками в Балканском регионе. Кроме того, военное вмешательство осложнялось, как было отмечено выше, нежеланием различных этноконфессиональных групп империи, участвующих в конфликте, идти на компромисс друг с другом. Ситуация осложнялась и запутанными личными отношениями Паскевича, Берга и Гайнау. Поэтому отдельно взятая тонкая дипломатическая игра Берга не могла перевесить все вышеперечисленные факторы и способствовать сближению Австрии и России.

§2.3. Ф.Ф. фон Берг как военный стратег во время Крымской войны¹

Военные действия на Балтике в ходе Крымской войны, равно как и параллельно складывающаяся ситуация на международной арене в этом макрорегионе остаются одними из наиболее малоизученных страниц этого вооруженного конфликта². В связи с этим в зарубежной историографии даже возник термин «крымоцентризм», являющийся, по мнению английских историков Б. Гринхилла и А. Гиффард, «отличительной чертой практически всех исторических трудов», посвященных той войне³.

Однако в стратегии союзников скандинавскому направлению уделялось не меньше внимания, чем черноморскому фронту. В частности, за несколько месяцев до начала Крымского конфликта лорд Кларендон, министр иностранных дел Великобритании, заявлял о том, что «в случае войны между Великобританией и Россией, Балтика должна стать театром активных военных действий»⁴. Более того, по его же мнению, «один удар по России на Балтийском море стоит двух на Черном»⁵.

Сведения, однозначно говорившие о намерениях союзников провести операцию на Балтике, были получены через российского посланника в Дании Э.Р. Унгерн-Штернберга. В его депеше говорилось следующее: «Непир⁶ выдал свой план кампании человеку, которому я вполне доверяю и которому он напрасно предлагал 1000 фунтов стерлингов, чтобы он сопровождал его в Кронштадт. Вот этот план: сначала он постарается взять Ревель, затем флот пойдет в Кронштадт, мелкими судами произведет ложную атаку с севера, чтобы

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Сенин А.В. Записка Ф.Ф. Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года»: анализ международной обстановки на Балтике в 1855–1856 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 109. С. 96-108.

² Andrew C. Rath. *The Global Dimensions of Britain and France's Crimean War Naval Campaigns against Russia, 1854–1856*. Montreal: McGill University. 2011. P. 15.

³ Greenhill B., Giffard A. *The British Assault on Finland, 1854-1855: A Forgotten Naval War*. London, Conway Maritime Press Ltd, 1988. P. XI.

⁴ Andrew C. Rath. *Ibid.* P. 113.

⁵ Там же.

⁶ Ч.Д. Непир (1786-1860) – британский адмирал, командующий эскадрой в Балтийском море.

бомбардировать и сжечь город, и, пользуясь замешательством, главные силы флота форсируют южный проход вдоль Кронштадта. Он попытается взять Свеаборг и с двойными силами даст морское сражение»¹.

Коренным образом на планы России по обороне Балтийского побережья повлияла операция союзников по высадке крупного десанта в Евпатории 1 сентября 1854 г.: на практике была доказана возможность переброски противником крупных сил морским транспортом². Как отмечал Д.А. Милютин в записке «Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря» на имя военного министра В.А. Долгорукова, «ныне флоты их в состоянии осуществить такие военные предприятия, которые прежде считались несбыточными»³. Таким образом, Балтийское побережье, открывавшее путь к столице, оказывалось крайне уязвимым для удара союзников. По расчетам Милютина, противник был способен высадить на Балтике группировку численностью 70-80 тыс. человек, которая могла быть поддержана шведским контингентом в 30–40 тыс., причем пометки на документе свидетельствуют, что император был полностью согласен с такой оценкой⁴. Для отражения нападения российской стороне, учитывая протяженность побережья, потребовалось бы не менее 400 тыс. чел⁵. Однако даже в этом случае успех обороны мог быть обеспечен только при условии, что тот или иной оборонительный пункт, который принял на себя первую атаку союзников, смог выдержать осаду на протяжении как минимум двух недель, чтобы сухопутные силы смогли его деблокировать. В итоге, Милютин приходил к заключению, что русская армия не сможет обеспечить равноценную защиту всего побережья, что делает необходимым концентрацию сил в ключевых пунктах⁶. В данном контексте император отметил, что, по его мнению, к числу таких пунктов относились Свеаборг с Гельсингфорсом, Кронштадт с Петербургом и Рига; Нарва и Выборг были названы Николаем «особенными постами»⁷.

¹ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт: Типография газеты «Котлин», 1904. С. 214.

² Курочкин С.С. Планы российского командования по обороне побережья Балтийского моря осенью 1854 г. по документам «Комитета по обороне Балтийского побережья» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.В. Вернадского. Серия «Историческое науки». 2022. № 1. С. 96.

³ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 56. Л. 1.

⁴ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 56. Л. 12.

⁵ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 56. Л. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л.13.

Записка Милютина была представлена императору в конце октября 1854 г.¹. Далее она была направлена в Комитет о защите берегов Балтийского моря, возглавлявшийся великим князем Александром Николаевичем. Одним из членов комитета был и генерал-адъютант Ф.Ф. фон Берг, к тому моменту прочно зарекомендовавший себя в качестве военного стратега².

В качестве наиболее важных звеньев системы обороны Балтики рассматривался Петербург с Кронштадтом. Следующими по значимости объектами обороны были, по мнению комитета, Гельсингфорс и Свеаборг. Для защиты Риги и Динамюнде³ выделялся отдельный корпус, одновременно оборонявший Литву и Курляндию⁴. Рига же, по мнению членов комитета, обладала настолько несовершенными фортификационными сооружениями, что ее нельзя было рассматривать в качестве одного из элементов обороны побережья. Для защиты Выборга и Нарвы было достаточно их собственных гарнизонов. Або, как и Ревель, по оценке комитета, невозможно было оборонять длительное время, а потому предлагалось ограничиться их защитой посредством специальных мобильных отрядов⁵.

Император в целом выразил согласие с мнением комитета, однако посчитал необходимым повторно вынести на обсуждение вопрос об обороне Ревеля. В принципе, проблема защиты этого города стала одной из наиболее дискуссионных в работе комитета. Милютин считал необходимым скрыть укрепления города, поскольку, по его расчетам, оборона Ревеля потребовала бы 80-тысячную армию, тогда как этот населенный пункт не имел, по мнению Милютина, настолько существенного значения для обороны побережья, чтобы концентрировать в районе города столь значительный воинский контингент⁶. Другой член комитета, генерал-адъютант А.П. Безак, придерживался иной точки зрения: по его мнению, укрепления города могли быть

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М.: Российский архив, 2000. С. 302.

² ОР РГБ. Ф. 169. К. 21. № 8. Л. 1.

³ Ныне Даугавгривская крепость под Ригой.

⁴ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 59. Л.9.

⁵ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 61. Л.5.

⁶ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 56. Л. 17.

усовершенствованы за короткий срок, к тому же, не следует сдавать без боя город, который может быть превращен противником в базу для своего флота¹.

Солидарен с Безаком был и Ф.Ф. фон Берг. Он изначально возражал против тезиса Милютина относительно Ревеля, считая, что разоружение города произведет негативное впечатление на жителей города, а, кроме того, даст противнику повод обратить внимание именно на эту точку обороны как одну из самых слабо укрепленных². Наиболее эффективным средством защиты Ревеля, по мнению Берга, было формирование отдельной Остзейской армии численностью около 60 тыс. человек, которая могла бы быть расположена между Ригой и Ревелем и в случае нападения смогла бы оказать помощь любому из этих двух пунктов. При этом такая позиция не находила поддержки у другого члена комитета, В.А. Долгорукова, который считал, что размещение войск в данном месте нерационально, поскольку в этом случае остзейская армия не смогла бы эффективно оборонять Курляндию и Литву, так как находилась бы слишком далеко от основной части их территории³.

В итоге, точка зрения Берга и Безака возобладала: в ходе дополнительного заседания члены комитета пришли к выводу, что оборонительные сооружения Ревеля необходимо сохранить⁴. Отметим, что целесообразность этого решения оправдывалась и, как было указано выше, наличием у союзников планов по нападению на Ревель.

Отметим, что Берг имел хорошее представление о настоящем положении дел в Ревеле, равно как и о способах повышения обороноспособности города, поскольку руководил фортификационными работами в Эстляндии лично. К моменту прибытия Берга в Ревель только южные форты «старой и заброшенной»⁵ городской крепости могли представлять препятствие для вражеского штурма, тогда

¹ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 60. Л. 18.

² ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 59. Л. 2.

³ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 59. Л. 4.

⁴ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 60. Л. 19.

⁵ Зайончковский А.М. Восточная Война 1853–56 гг. в связи с современной ей геополитической обстановкой. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908. С. 573.

как ключевую роль в предстоящей кампании на Балтике должны были сыграть укрепления, расположенные на северном направлении, т.е. со стороны моря, куда должна была подойти вражеская эскадра. По мнению Берга, для полноценной обороны не хватало ни артиллерии, ни опытных артиллеристов, ни численности гарнизона¹.

Учитывая слабость крепости и необходимость сосредоточить силы на защите ключевых участков местности, комитет и вовсе предлагал исключить Ревель из числа пунктов, подлежащих обороне. Однако Берг возражал против подобной меры, считая, что подобная акция окажет деморализующее воздействие на эстляндское население². Входивший в состав комитета генерал-адмирал А.П. Безак поддержал Берга, указывая на то, что не следует без боя отдавать противнику крепость, которая легко будет превращена в морскую базу противника³. В итоге, Ревель сохранил оборонительное значение для будущей кампании. Для дополнительной защиты крепости Берг распорядился возвести дополнительные земляные насыпи вдоль побережья, а также снести часть деревянных строений Репербанского предместья города, наиболее уязвимых для огня вражеской морской артиллерии (при этом усилиями Берга получили компенсацию жители города, пострадавшие от этой акции)⁴.

В 1855 г. английская эскадра появилась у города. Однако, как вспоминает очевидец событий, «все лето союзная флотилия простояла у города неподвижно, не сделав даже малейшей попытки к началу военных действий»⁵.

Бездействие противника сопровождалось и комическими ситуациями: от скуки англичане пытались гоняться на паровых катерах за рыбацкими лодками, однако безуспешно, т.к. ни один баркас не был взят в плен, хотя ежедневные сцены охоты за рыбаками «несколько разнообразили скучную гарнизонную службу»⁶.

¹ Там же.

² ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 59. Л. 2.

³ ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 60. Л. 18.

⁴ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

⁵ «Полно, полно, басурманин, тебе в Ревель не взойти»: эхо Крымской войны на рейде Таллиннской бухты // Переулки городских легенд. Таллин: застывшее время. URL: <https://tallinn.cold-time.com/2014/06/17/polno-polno-basurmanin-tebe-v-revel/> (дата обращения: 09.05.2025).

⁶ Там же.

Отличились и казаки. Однажды английский весельный катер подошел слишком близко к берегу, где был замечен казачьим патрулем. Казаки бросились на конях к шлюпке и отогнали англичан нагайками. Как гласит городская легенда, новость о необычной битве навела великих князей Михаила и Николая Николаевичей, приехавших для инспекции местных фортификационных сооружений, на мысль о возможности взятия вражеских судов на абордаж при помощи такой «морской кавалерии»: эскадра стояла на рейде недалеко от острова Нарген^{1,2}, который отделял от материка неглубокий залив, вполне преодолимый на конях^{3,4}. В любом случае, необычный план, если он имел место в реальности, так и не был реализован. Однако казачий фольклор сохранил косвенные свидетельства об активном участии казаков в обороне Ревеля: в 1902 г. известный фольклорист А.И. Мякутин в станице Нижнеозерной⁵ записал песню, в которой были такие строчки:

Как мы в Ревеле стояли
Очень близко ко врагу,
Его там мы ожидали
На Балтийском берегу.
Зорко смотрим мы на море,
Ожидаем каждый час;
Наберется от нас горя,
Угостим его как раз!»⁶.

В целом, сам факт того, что вражеская эскадра так и не приступила к ведению активных военных действий в районе Ревеля, свидетельствует о высокой оценке противником уровня обороноспособности города. Дело в том, что после взятия крепости Бомарзунд в августе 1854 г., которое являлось единственной однозначной победой союзников на Балтике в тот год, англичане провели ряд экспериментов над

¹ Граббе П.Х. Записная книжка. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. С. 627.

² Ныне о. Найсаар в Финском заливе к северо-западу от Таллина.

³ Там же.

⁴ Несмотря на то, что наибольшая глубина пролива между островом и материком достигает 90 м, к востоку от него находится Найсаареская отмель, где глубина составляет 3-4 м, что доказывает потенциальную возможность реализации описанной идеи.

⁵ Ныне село Нижнеозерное в Илекском районе Оренбургской области.

⁶ Песни оренбургских казаков. Собрал А.И. Мякутин. Т. 1. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1904. С. 151.

разрушенными укреплениями, в ходе которых выяснилось, что русские каменные фортификационные сооружения могут получить значительные повреждения вследствие огня корабельной артиллерии лишь в случае стрельбы с очень близкого расстояния (что в ходе реального боя грозит серьезным уроном от огня береговых орудий противника)¹. Таким образом, отсутствие попыток вести систематический обстрел крепости свидетельствует о признании противником бесполезности усилий по нанесению существенных повреждений фортификационным сооружениям города и является косвенным подтверждением эффективности усилий Берга по их усовершенствованию.

Значительный вклад в оборону Балтийского побережья Берг внес и как глава Комитета об издании инструкций комендантам крепостей. Основной его задачей было определение уязвимостей в обороне наиболее стратегически важных укреплений, а также выработка рекомендаций по их устранению². Получение актуальной информации о вооружении крепостей сталкивалось с бюрократическими сложностями, поэтому фактически в условиях необходимости скорейшей подготовки к отражению агрессии союзников на Балтике комитет успел лишь оценить оптимальную численность гарнизона и необходимое количество продовольствия для обороны каждой крепости³. Как отмечал один из членов комитета адмирал В.Д. Кренке, итоги работы комитета были во многом обусловлены личными усилиями Берга, ибо при менее энергичном председателе «комитет ровно ничего не сделал бы» в сжатые сроки⁴.

Кампания союзников 1855 г. на Балтике оказалась в итоге неудачной. Одним из ее главных событий стала бомбардировка противником в августе 1855 г. Свеаборга. Попытки сократить дистанцию огня приводили к серьезному урону от действий русских береговых батарей, а стрельба на предельной дистанции не приносила ожидаемых результатов. Несмотря на то, что в английской прессе бой

¹ Hamilton C.I. *Anglo-French Naval Rivalry, 1840-1870*. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 68.

² Кренке В.Д. *Оборона Балтийского побережья в 1854-1856 годах*. СПб., 1880. С. 6-7.

³ Кренке В.Д. *Указ. соч.* С. 11.

⁴ Там же.

был признан успешным для союзников¹, впоследствии в научной литературе высказывались и иные точки зрения: например, по мнению Е.В. Тарле, от действий союзников серьезно пострадали только городские строения, тогда как непосредственно крепостные сооружения устояли². Очевидец сражения, М.И. Михайлов, утверждал, что определенный урон крепости все же был нанесен, однако это не имело катастрофического значения для обороноспособности Свеаборга³. Кроме того, сам Берг сообщает в депеше П.Х. Граббе применительно к итогам бомбардировки Свеаборга о том, что «верки крепости, батареи и артиллерия очень хорошо устояли»⁴. Что же касается других прибрежных укреплений, то в 1855 г. союзный флот так и не предпринял попытку нападения на Кронштадт как одну из главных прибрежных крепостей⁵. Атаки же на Тронгзунд⁶ и Фридрихсгам⁷ были успешно отбиты благодаря эффективности стрельбы береговых орудий⁸. Таким образом, подготовка к обороне Балтийского побережья прошла успешно, в чем была немалая заслуга Ф.Ф. фон Берга, как было показано выше.

Отметим, что в ходе Крымской войны Берг ярко проявил себя и в области военного планирования. На основании полученного в предшествующие годы опыта противодействия агрессии союзников Берг высказал свои соображения по обороне балтийского побережья России в 1856 г. в записке «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года».

Несмотря на то, что большая часть документа посвящена анализу мер военного характера, направленных на воспрепятствование нападению союзников на территорию Российской империи, значительное место в записке занимает анализ иных факторов, влияющих на ход будущей кампании. Особое внимание уделено внешнеполитическим угрозам национальной безопасности России

¹ Курочкин С.С. Борьба союзного флота с русскими береговыми укреплениями в период Крымской войны (1853-1856) // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 1. С. 11.

² Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. М.: АСТ, 2005. Т. 2. С. 425.

³ Михайлов М.И. Исторический очерк Свеаборга и бомбардирование его англо-французским флотом 28, 29 и 30 июля 1855 года // Военный сборник. 1860. № 10. С. 259.

⁴ Граббе П.Х. Указ. соч. С. 627.

⁵ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 420.

⁶ Ныне остатки крепости располагаются на окраине г. Высоцка в Ленинградской области.

⁷ Ныне г. Хамина в Финляндии.

⁸ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 422.

на Балтике. Они затронуты, прежде всего, в двух частях записки, озаглавленных Бергом «Вероятность присоединения к союзу морских держав Швеции и Дании» и «Политические причины, почему неприятелю более выгодно действовать десантною армиею в Финляндии, нежели на другом пункте Балтийского побережья».

По мнению Берга, присоединение Дании и Швеции с Норвегией к союзникам зависит, прежде всего, от следующих факторов:

«1) Нарождающееся несогласие Северо-Американских штатов с Даниею, которое вынуждает сию последнюю искать покровительства морских держав;

2) На опасения сего государства за свои Вест-Индии колонии, в случае разрыва с Америкою, и наконец

3) На ежедневно увеличивающуюся в Швеции революционную пропаганду, стремящуюся явно и скрытно, к разрыву с Россиею, в надежде завоеванием Финляндии осуществить мечтательный план создания союзной Скандинавской державы»¹.

Затронутые Бергом в первом пункте противоречия между Данией и США в Балтийском регионе были связаны с вопросом об отмене пошлин, взимаемых с торговых судов при прохождении через пролив Эресунн (Зунд), соединяющий Северное и Балтийское моря. С XV века они являлись значимым источником дохода для датского бюджета и инструментом влияния Дании на других внешнеполитических игроков. Вопрос об отмене этих пошлин неоднократно поднимается в XIX столетии. Стремясь снизить зависимость от Дании во внешнеторговой сфере, Швеция в 1832 г. открывает Гёта-канал, обеспечивший проход между Балтийским и Северным морями в обход Зунда. В контексте изменившейся ситуации в 1842 г. Дании приходится снизить пошлины на многие товары, хотя были оставлены маячные и прочие сборы, уплата которых значительно тормозила проход судов.

В 1848 г. США отказываются платить Зундские пошлины, а также в связи с этим продлевать истекающий в 1856 г. торговый договор с Данией. Но до начала

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 64.

Крымской войны Копенгагену удастся оттягивать вопрос об отмене пошлин во многом благодаря поддержке России - ключевого союзника Дании в Балтийском регионе. При этом во втором пункте Берг увязывает проблему Зунда с конфликтом в другом месте – т.н. Датской Вест-Индии¹. На ее стратегически выгодное положение обращают внимание США, рассматривающие Карибский бассейн в качестве сферы своего влияния. Особое значение географического расположения датской колонии проявится уже в ходе Гражданской войны в США: порты Виргинских островов активно используются как северянами, так и южанами. Важность островов обуславливается также возможностью обработки крупных плантаций сахарного тростника, экспорт которого является значительной статьёй дохода датской казны.

Берг продолжает свои рассуждения следующим образом: «Но если по обстоятельствам Дания принуждена будет вступить в союз Западных держав <...>, если Англия этою дорогою ценою продаст ей свое покровительство и защиту на морях против притязаний Америки, то будет ли Швеция в состоянии удержаться в нейтралитете? На это ответ может быть только отрицательный»².

Для оценки справедливости данного предположения Берга представляется необходимым ответить на вопрос, насколько критичной для Дании была потеря Виргинских островов в тот момент. Разведение сахарного тростника было крайне выгодным в условиях применения рабского труда. Но в 1848 г. революционная волна, захлестнувшая Европу, докатывается до Виргинских островов, вызывая очередные волнения среди рабов. В связи с этим генерал-губернатор вынужден пойти на уступки и отменить рабство, что делает экспорт сахара из Датской Вест-Индии гораздо менее прибыльным бизнесом, чем это было ранее. Поэтому содержание колоний становится для Дании все более обременительным: королевство попытается избавиться от них в 1864 г., предложив их победившей в датско-прусской войне Пруссии в обмен на отказ от претензий на Шлезвиг и Гольштейн. Более того, после провала этого предложения в 1867 г. практически

¹ Датская Вест-Индия (дат. Dansk Vestindien) – колония Дании в архипелаге Малых Антильских островов, в которую входили Виргинские острова.

² РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 65.

была согласована сделка по продаже Виргинских островов США (в итоге, она состоится значительно позже – в 1917 г.). Таким образом, гораздо более важной для Дании были вопросы европейской политики, а именно проблема суверенитета над герцогствами Шлезвиг и Гольштейн. В данном контексте для Дании была принципиально важна поддержка России, которая, в свою очередь, была заинтересована в Дании как государстве, контролировавшем стратегически важный для русского Балтийского флота проход из западного района Балтики в Северное море. Перед Крымской войной Дания использовала этот фактор в 1848 г., когда Пруссия двинула войска на помощь восставшего населения герцогств Шлезвиг и Гольштейн, где традиционно были сильны прогерманские настроения. Дания обращается за помощью в урегулировании конфликта к России, дипломатическое вмешательство которой приводит к выводу прусских войск с датской территории и подписанию Лондонского протокола 1852 г., закреплявшего суверенитет Дании над герцогствами. Таким образом, вероятность выступления Дании против своего ключевого союзника в регионе была не слишком высока. Этому способствовал и негативный образ Великобритании в общественном мнении, сложившийся после неудачной для Дании англо-датской войны 1807–1814 гг. (прежде всего – бомбардировки английским флотом Копенгагена в 1807 г.).

Представляется, что точное восприятие позиции Дании союзниками содержится в труде Б. Йерпа «История Балтийской кампании 1854 г.». В силу того, что вышеназванная работа написана англичанином, которого сложно заподозрить в симпатиях к России, непосредственно после окончания Крымской войны и с учетом комментариев адмирала Немира, высказанную в ней характеристику нейтралитета Дании можно считать достаточно объективной. Йерп пишет следующее: «Что же касается Дании, то следовало опасаться, что она открыто перейдет на сторону России, если только русская эскадра станет на якорь в Копенгагене раньше нашей. <...> Швеция объявила все порты свои закрытыми для воюющих; Дания же закрыла только порт на Борнгольме, которым и без того никому бы не пришло в голову воспользоваться. Поэтому ничто не мешало русскому флоту, как только вскрыется лед, перейти и стать на якорь в Копенгагене, в полной безопасности от

всяких нападений, тогда как русская дипломатия старалась бы склонить Данию на заключение союзного договора»¹. В этой связи представляется ценной и точка зрения британского посла в Копенгагене Г. Бьюкенена по поводу общественного мнения Дании по отношению к союзникам и России. Он сообщал, что «сочувствие высших классов Дании почти всецело на стороне России; простой народ помнит события 1801 и 1807 гг., и его неприязнь к англичанам под влиянием агитации может легко перейти в открытую вражду. На стороне Англии был только промышленный класс, опасавшийся русского владычества, интересы которого были тесно связаны с нашими»².

С учетом вышеизложенных обстоятельств, вероятность вступления Дании в конфликт на стороне союзников была достаточно низкой. Таким образом, в данном случае оценка Бергом сложившейся внешнеполитической ситуации представляется не совсем точной.

Значительно более уязвимым был нейтралитет Швеции, вопрос о нарушении которого рассматривается Бергом в третьем пункте. Прежде всего, при ближайшем рассмотрении он носил недружественный по отношению к России характер. Королевство оставило свои порты открытыми для военных судов обеих воюющих сторон, однако фактически это положение было более выгодно союзникам, поскольку, как пишет Бородкин, «означенным правом в состоянии будут воспользоваться только наши противники, так как мы, в силу худшего состояния нашего флота, обречены были на оборону. Противники получали таким образом в открытых шведских гаванях большое удобство. Императорский кабинет дружелюбно, но серьезно поставил это на вид Стокгольмскому двору. Шведский король не уступил и только повторил свое обещание честно соблюсти нейтралитет»³.

Кроме того, принципиально различной была заинтересованность союзников в использовании военного потенциала двух скандинавских держав. С одной стороны, датское правительство предприняло серьезные попытки по возрождению

¹ Кампания 1854 г. в Балтийском море // Морской сборник. 1910. № 1. С. 63.

² Там же.

³ Бородкин М. Война в 1854-55 гг. на финском побережье. СПб: Типография Главного управления уделов, 1903. С. 96.

датского флота, уничтоженного англичанами в 1801 г. и 1807 г. в ходе войн антифранцузских коалиций. К 1848 г. в датском флоте насчитывалось 5 линейных кораблей, 8 фрегатов, 85 гребных канонерских лодок и 6 колесных пароходов, не считая мелких судов¹. Этим сил оказалось достаточно для блокады германских гаваней в начале Датско-прусской войны 1848-1850 гг., но исключительно потому, что Пруссия фактически не имела полноценного военного флота². При этом при серьезных боевых столкновениях на море даже с успех образованной небольшой шлезвиг-голландской флотилией (2 парохода, 1 шхуна и 11 гребных лодок) датский флот показал крайне низкую боеспособность³. В главной же морской битве той войны – сражении в Эккернфердской бухте 1849 г. – эскадра, составленная из лучших кораблей датского флота, была практически уничтожена двумя небольшими немецкими береговыми батареями⁴, что существенно подорвало возможности датских военно-морских сил для дальнейших действий на Балтике. Таким образом, на момент начала Крымской войны датский флот не смог бы оказать союзникам серьезную поддержку.

Напротив, шведские военные и военно-морские силы (прежде всего, необходимые в условиях шхер канонерские лодки с небольшой осадкой) вызывали у союзных держав значительный интерес на протяжении всей войны. В мае 1854 г. военно-морской министр Джеймс Грэм сообщает в письме адмиралу Ч. Непиру следующее: «Многое зависит от окончательного решения Швеции. Если она присоединится к вам со своими канонерскими лодками и армией, Вы сможете атаковать не только Бомарзунд, но и Свеаборг»⁵. Кроме того, британское командование испытывало острую нужду в опытных лоцманах, хорошо ориентирующихся в балтийских шхерах. По сведениям Times, к моменту выхода эскадры под командованием Ч. Немира из Портсмута в его распоряжении было всего восемь лоцманов, причем они «знали о Балтике не больше, чем если бы они

¹ Штенцель А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Ч. 4. С 1720 г. по 1850 г. Петроград: Десятая Государственная типография, 1918. С. 489.

² Там же. С. 490.

³ Там же. С. 495.

⁴ Там же. С. 500-501.

⁵ Earp B. The History of the Baltic Campaign of 1854. From documents and other materials furnished by Vice-Admiral Sir Charles Napier. London, 1857. P. 127.

никогда ее не видели»¹. Планы же использования шведских армии и флота в конце 1855 г. Times представляет читателям следующим образом: «Очень широко распространяется и обсуждается план операции, в котором говорится, что Швеция должна предоставить армию в 60 000 человек, помимо своего флота и 200 канонерских лодок, которые, однако, должны будут проводить операции в Финляндии под своим собственным командованием и совершенно независимо от союзных войск»².

Таким образом, военный потенциал Швеции мог бы значительно укрепить союзников, что делало крайне актуальным вопрос о вероятности нарушения Стокгольмом нейтралитета в конце 1855 – начале 1856 гг. Как было отмечено выше, Берг связывает потенциальное вступление в войну Швеции на стороне союзников с идеями скандинавизма, укрепившего позиции в Дании и Швеции в 1840–1850х гг. Основная цель этого движения заключалась в развитии связей двух скандинавских держав изначально в культурной и академической сферах, а позднее – в области дипломатии и обороны. Движение возникает в Дании в качестве противовеса идеям пангерманизма, угрожавшего Дании отторжением от нее герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Распространение скандинавистских идей в Швеции приводит к тому, что его представители рассматривают Финляндию в качестве «потерявшегося члена скандинавской семьи»³, что придает скандинавизму антироссийский характер. Поскольку ряд представителей националистического фенноманского движения, эмигрировавших из Великого княжества Финляндского в Швецию, были идейно близки к скандинавистам (например, Э. фон Квантен, А.И. Арвидссон), Берг говорит об опасности их «революционной пропаганды». Однако представляется, что не стоит преувеличивать популярность скандинавистских идей в шведском обществе. Например, Я.А. Дашков, чрезвычайный посланник России в Стокгольме, в письме А.М. Горчакову сообщает о том, что идеи Скандинавского союза не находят широкой поддержки среди

¹ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 38 «Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х.». Л. 149.

² ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 38 «Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х.». Л. 177.

³ Kuldkepp M. Scandinavian Neutrality in the Crimean War. P. 6.

образованных слоев населения¹. Определенную популярность брошюры одного из идеологов скандинавизма Э. фон Квантена имели в Финляндии, однако «особого влияния они не произвели: только в молодежи они поддержали политические мечтания о новом будущем их родины»². Действительно, как свидетельствуют отчеты Третьего отделения, антироссийские настроения панскандинавистского толка имели место в молодежной и университетской среде³, однако в целом население Финляндии было настроено лояльно к России⁴.

Значительно большую роль в антироссийском пропагандистском дискурсе играл вопрос о делимитации российско-норвежской границы, оставшийся за пределами внимания Берга, но активно обсуждавшийся как в зарубежной прессе, так и в частной переписке высших должностных лиц союзников. Несмотря на то, что в рамках шведско-норвежской унии Стокгольм и Христиания формально проводили общую внешнеполитическую линию, фактически Норвегия обладала значительной самостоятельностью в этой сфере. Земли, лежавшие к югу от Варангер-фьорда, обладали большой хозяйственной ценностью для скольтов (саамов), живших как на территории Норвегии, так и Архангельской губернии Российской империи. Проект делимитации границы, подготовленный норвежско-российской пограничной комиссией под руководством В. Галямина и Й. Спорка, был крайне выгоден норвежской стороне. Несмотря на то, что Николай I изначально не был согласен на проект делимитации границ⁵, подготовленный при его брате, в 1826 г. договор все же был подписан по причине твердого желания нового императора следовать во взаимоотношениях со Швецией принципам добрососедства, сложившимся при Александре. Историк М.М. Бородкин пишет по поводу договора следующее: норвежской стороне «достались три незамерзающих залива с глубокими гаванями, 400 верст морского берега, считая изгибы заливов, и наш тресковый промысел, не говоря уже о звериных и лесных угодьях,

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 213. Л. 230.

² Бородкин М.М. Война в 1854-55 гг. на финском побережье. С. 178.

³ См. ГАРФ. Ф. 109 (1 эксп 1855). Оп. 30. Д. 346 «О неблагоприятном духе некоторых жителей Финляндии». Лл. 9-13.

⁴ Клинге М. Имперская Финляндия / М. Клинге; [перевод с финского И. Соломеща, В. Мусаева, А. Рупасова ; Институт Финляндии в Санкт-Петербурге]. СПб: Коло, 2005. С. 192.

⁵ Nielsen J.P. The Russian-Swedish Union Treaty of 1812 and Norway's Role // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 4. С. 42.

которые самими норвежцами назывались “общими погостами” и во всяком случае признавались спорными. Кроме того, Россия лишалась ста душ православных лопарей, морской и горной территории, которая по писцовым книгам и жалованным царским грамотам составляла вотчину Печенгского монастыря. И все это отошло в возмездие “за пустую ссору норвежских лопарей с русскими из-за оленей”»¹.

Уступка Швеции-Норвегии привела к результату, обратному задуманному: норвежцы восприняли неожиданное решение русского императора в качестве предпосылки русской экспансии на севере, связывая ее с вероятным желанием русской стороны в будущем пересмотреть условия невыгодного для нее договора².

Обострение русско-норвежских отношений происходит в 1840-е гг.: сильнейший голод вынудил финских саамов перейти к освоению рыбных промыслов, относящихся к Норвегии. Эта проблема вынуждает российское правительство вспомнить об инициативе графа Сухтелена, который, будучи русским посланником в Стокгольме в 1826 г., предлагал в тот момент обменять т.н. «финский выступ» – участок территории Великого княжества Финляндского, сильно вдававшийся на норвежскую территорию, – на часть земель в районе Варангер-фьорда, что позволяло Финляндии получить доступ к необходимым рыбным промыслам Арктики. Однако подобное предложение в конце 1840-х гг. не встречает понимания у норвежской стороны, хотя норвежские саамы крайне нуждаются в пастбищах на севере Финляндии для выпаса северных оленей. Норвегия закрывает доступ к Варангер-фьорду для финских лопарей, и в качестве ответной меры русское правительство вынуждено в 1852 г. закрыть границу для норвежских саамов, а в 1853 г. установить санкции за выпас ими оленей на территории Великого княжества Финляндского. Этот пограничный конфликт тут же становится не только катализатором антирусских настроений в Норвегии, но и инструментом антирусской пропаганды в странах-союзниках, что особенно

¹ Бородкин М. Указ. соч. С. 104.

² Зайков К.С., Зарецкая О.В. Ассиметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско/норвежские отношения в XIX – начале XX вв. // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 210.

заметно на примере публикаций «Times». Популярность этого крупнейшего английского периодического издания и его влияние на общественные настроения не только в Великобритании, но и в других странах Европы, пресса которых регулярно цитировала Times, трудно переоценить. Тираж этой газеты вырос с 16 тыс. экземпляров в день в 1840 г. до 61 тыс. в 1855 г., притом что у главных конкурентов этот показатель составлял от 3 до 6 тыс.¹. Замыслы России на севере во время Крымской кампании «Times» преподносит читателям в следующем виде: «У России нет порта, из которого она могла бы сразу выйти в океан, кроме Архангельска, но продвижение на запад через самую северную часть Норвегии дало бы ей прекрасные гавани, открытые большую часть года, и сразу поставило бы ее в положение атлантической державы. <...> Тот факт, что привычки кочевых племен² на пустошах крайнего Севера стали предлогом для вмешательства со стороны российского монарха, является достаточным доказательством того, что религиозное рвение, разжигающее пламя на Юге, было политикой, а не принципом. Это почти карикатура <....>: пересечение границы Финляндии норвежцами стало поводом для военных приготовлений против всего королевства короля Оскара»³.

При этом в частной переписке политиков стран-союзниц значение напряженности вокруг Варангер-фьорда оценивалось несколько иначе. 25 сентября 1855 г. Пальмерстон в частном письме Кларендону раскрывает свое видение роли приграничного конфликта: «Швеция, если бы ей предоставили свободу действовать по своему усмотрению, могла бы иметь стимулы, которые могли бы заставить ее согласиться на то, что хочет Россия. Предположим, например, что Россия предложила бы обмен Аландов и Бомарсунда на фьорд на севере Норвегии – шведское правительство, если предоставить ему свободу, может прийти к выводу, что сделка хороша для Швеции, однако для нас она будет очень дурна»⁴.

¹ Rath A. The Global Dimensions of Britain and France's Crimean War Naval Campaigns against Russia, 1854–1856. Montreal: McGill University, 2011. P. 72.

² Имеются в виду саамы.

³ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 38 «Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х.». Л. 66.

⁴ Akten zur Geschichte des Krimkriegs (AGKK): Englische Akten zur Geschichte des Krimkriegs, Band 4. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2006. P. 141.

Опасения Великобритании в отношении Варангер-фьорда раскрывает английский посол во Франции в 1852-1867 гг. Г. Уэлсли в частном письме Кларендону от 25 сентября 1855 года. Он пишет о том, что сообщил французскому императору о наличии у России «продуманного плана получить во владение часть норвежской территории, где море всегда было свободно ото льдов в самую ненастную зиму, и там, где могла быть легко построена одна из тех гигантских военных баз, в создании которых так хороша была Россия», а также о том, что это «будет представлять собой постоянную угрозу для побережья Франции и Англии»¹.

Фактически же, как было показано выше, Россия руководствовалась совершенно иными мотивами при проведении переговоров со Швецией-Норвегией по поводу Варангер-фьорда. Однако Великобритании было важно достижение главной цели – заключения договора со Швецией, задача которого была сформулирована Пальмерстоном в его процитированном выше письме: «Предлагаемый нами договор станет частью протяженного барьера, призванного ограничить будущее расширение России, даже если события войны не позволят нам отодвинуть крайние точки ее периферии за пределы ее нынешних границ»².

Использование мнимой угрозы, связанной с Варангер-фьордом, оказалось эффективным инструментом давления на шведскую сторону. В итоге, 21 ноября 1855 г. Швеция, Англия и Франция заключили договор, по которому Швеция обязывалась не уступать России какой бы то ни было территории, в том числе и в порядке обмена, а также не предоставлять российской стороне прав на пастбища или рыбную ловлю. Союзные же державы обязались предоставить Швеции для защиты от потенциальных русских притязаний стотысячную армию в случае необходимости³.

Таким образом, Берг, переоценив значение успехов «революционной пропаганды», на протяжении всей записки совершенно обходит вниманием проблему Варангер-фьорда, которая имела огромное значение для оказания союзниками выгодного для себя воздействия на правящие круги Швеции и Норвегии.

¹ Там же. Р. 136.

² Там же. Р. 141.

³ Бородкин М.М. Война в 1854-55 гг. на финском побережье. С. 104.

Следующим фактором, который определял развитие внешнеполитических событий в Балтийском регионе, являлась, по мнению Берга, личная позиция короля Швеции и Норвегии Оскара I: «Действия морских держав на Севере неминуемо должны клониться к тому, чтобы расположением общественного и народного мнения в пользу войны преодолеть единственное сопротивление, которое они встречали в Швеции, – личное убеждение благонамеренного короля»¹.

Действительно, как отмечается в шведской историографии, несмотря на то что в Швеции были сильны позиции Риксдага, на практике внешнеполитическая стратегия в значительной степени формировалась самим монархом². Лояльность Швеции по отношению к России на международной арене с 1812 г. и до начала Крымской войны (т.н. «политика 1812 г.») во многом сохранялась благодаря позиции Карла XIV Юхана, имевшего теплые личные отношения с Александром I и видевшего в России гаранта благополучия Швеции, особенно после присоединения к ней при российской поддержке Норвегии по Кильскому договору 1814 г.

Однако «политика 1812 г.» шла вразрез с настроениями, царившими внутри шведского общества: к моменту Крымской кампании в Швеции была жива память о русско-шведской войне 1808-1809 гг. При этом значительные симпатии вызывала Великобритания как главный противовес России на международной арене. В данном контексте характерно высказывание главы военно-морского флота Швеции в 1849–1854 гг. Бальцара фон Платена: «Для Скандинавии я признаю только одного естественного союзника – Великобританию, и одного естественного противника – Россию»³.

Необходимо отметить также и то, что ориентация на Великобританию наиболее ярко проявлялась во внешней торговле. Об этом свидетельствует, в частности, «Отчет о торговле, банковском деле, фабриках и производствах в Швеции в 1855 г.», составленного сотрудниками Генерального консульства России в Швеции. В подобных ежегодных отчетах значительное место уделялось анализу

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 81.

² Stein G. Attacking the giant's jugular instead of his toe – Anglo-Swedish negotiations in the Crimean War. Buckingham: University of Buckingham. P. 10.

³ Stein G. Указ. соч. P. 24.

внешнеторговой статистики, собираемой администрацией Стокгольмского порта. Согласно ей, в 1855 г. из Великобритании было импортировано товаров на 2 321 551 риксталеров (при этом объем шведского экспорта на Британские острова составил 1 888 790 риксталеров). Аналогичные показатели для России (включая Финляндию) составили 910 011 риксталеров и 665 624 риксталеров соответственно¹ (т.е. меньше в 2,6 и 2,8 раз). Таким образом, во внешнеторговой сфере Великобритания была для Швеции гораздо более важным партнером, чем Россия.

Все вышеперечисленные факторы были приняты во внимание сыном Карла XIV – Оскаром I, взошедшим на престол в 1844 г. и не разделявшим в полной мере принципы «политики 1812 г.» своего отца. В частности, об этом свидетельствует хранящийся в архиве шведской королевской семьи секретный проект договора, собственноручно составленный королем². Как резонно пишет исследователь Крымской войны Г. Штайн, «зачем составлять наступательный договор, который – по-видимому – никогда не был представлен предполагаемым союзникам, если целью не было начать войну?»³.

Проект документа состоит из 8 статей. В первой из них в качестве одной из сторон упомянуты не только Швеция-Норвегия, Великобритания, но и Австрия, присоединение которой к стану стран-союзниц было важным для короля для выступления против России. Договаривающиеся стороны, «признавая важность, которую ослабление власти России в Балтийском море и восстановление, насколько позволят обстоятельства, политического равновесия на Севере, скомпрометированного усилением России, будут означать для всей Европы, обещают друг другу тесный союз»⁴.

Для достижения этого результата в ст. II стороны «обязуются предоставить следующей весной для достижения вышеуказанной цели⁵ солдат и достаточные

¹ АВПРИ. Ф. 193 «Российская миссия в Стокгольме, 1856. Оп. 817. Д. 93 «Compte rendu sur le commerce, la Banque, les fabriques, et les manufactures en Suede». Л. 6-9, 31-36.

² G. Stein. Указ. соч. Р. 86.

³ Там же. Р. 93.

⁴ Там же. Р. 110.

⁵ точное количество пропущено.

военно-морские силы для господства на Балтийском море, осуществления перевозок войск и поддержания необходимых коммуникаций»¹. В ст. III Великобритания и Франция «обязуются дополнительно выплачивать Его Величеству королю Швеции и Норвегии в качестве субсидий на время войны² каждый месяц и покрывать расходы на подготовку к кампании». В ст. IV уточняется, что после согласования плана кампании «непосредственное командование сухопутными и морскими силами каждой страны останется в руках генералов и адмиралов, назначенных для этой цели их соответствующими правительствами»³. Ст. V содержит запрет на заключение сепаратного мира любой из сторон с Россией. Остальные статьи договора демонстрируют желание короля вовлечь в конфликт с Россией Данию.

Несмотря на то, что, как говорилось выше, вероятность вступления Дании в войну на стороне союзников была не очень высока, король не оставляет надежд вовлечь в конфликт своего скандинавского соседа: по шведскому проекту Дания должна была предоставить в распоряжение союзного командования войска и флот в обмен на обещание других договаривающихся сторон гарантировать территориальную целостность Дании и сохранить право взимать Зундские пошлины⁴. Кроме того, необходимо отметить, что, кроме самого текста проекта договора, существует и нарисованный королем план военной кампании⁵. Иными словами, агрессивные намерения Швеции и лично Оскара I не оставляют сомнений.

В заключительной части записки Берг делает выводы относительно наиболее вероятных мест нанесения противником удара по балтийскому побережью и военных мер, принятие которых необходимо для укрепления российских позиций. Единственный итоговый тезис записки, имеющий отношение к анализу внешнеполитических угроз, сформулирован следующим образом: «Финляндия представляет для сего как в военном, так и в политическом отношении

¹ G. Stein. Указ. соч. P. 110.

² точное количество пропущено.

³ G. Stein. Указ. соч. P. 111.

⁴ Там же.

⁵ Там же. P. 110.

более выгод, нежели Остзейская губерния; преимущественно же потому, что высадка союзников в этом краю вовлекает в войну против России, вероятно, Швецию и Данию»¹.

Как отмечалось выше, перед войной Берг непосредственно занимался вопросами разведки, поскольку это предполагала занимаемая им с октября 1843 г. по февраль 1855 г. должность генерал-квартирмейстера Главного штаба². Основными каналами получения разведывательной информации в тот период были следующие источники: иностранная периодика, доклады военных корреспондентов, сообщения из русских дипломатических миссий, а также донесения тайной агентуры³. В силу занимаемой Бергом незадолго до момента составления записки должности можно предположить, что во многом анализ именно этих источников разведывательных данных лежал в основе выводов финляндского генерал-губернатора. В настоящий момент исследователям доступны и другие документы, которые с большой вероятностью не были известны Бергу, прежде всего, частная переписка представителей высших эшелонов власти стран-союзников, а также личные бумаги шведского короля. Кроме того, централизованного органа сбора разведывательной информации тогда не существовало, а значит, что с большой вероятностью Берг не мог воспользоваться информацией, собираемой по линии других ведомств (например, внешнеторговой статистикой, направляемой в Министерство финансов).

По этим причинам большая часть выводов Берга в отношении оценки внешнеполитической ситуации с позиции современного исследователя представляется не совсем точной с учетом анализа иных источников. Противодействие США в Вест-Индии с помощью Великобритании, если бы такое могло иметь место, как считал Берг, было для королевства значительно менее важным, чем поддержка России в вопросе сохранения суверенитета над Шлезвигом и Гольштейном и права взимания Зундских пошлин. В контексте устойчивого образа Великобритании как геополитического противника

¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.». Л. 111.

² Берг Федор Федорович, граф // Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В.Ф. Новицкого ... [и др.]. СПб.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911-1915. Т. IV. С. 479.

³ Кривопапов А.А. Указ.соч. С. 155-156.

в датском общественном мнении вероятность вступления Дании в войну на стороне союзников была гораздо менее вероятной угрозой, чем нарушение нейтралитета Швецией. В последней же главным инструментом давления со стороны союзников на правящие круги была не пропагандистская деятельность финских эмигрантов, а царившие в сознании шведской элиты антироссийские настроения. Они были подкреплены экономической зависимостью от Великобритании как ключевого внешнеторгового партнера и усилены конфликтом вокруг Варангер-фьорда, который Бергом не был даже упомянут в качестве важного фактора развития международных отношений на Балтике. Личная позиция короля, вопреки мнению Берга, также не способствовала воздержанию Швеции от активных военных действий на стороне союзников. Фактически, лишь подписание Парижского мирного договора в марте 1856 г. не позволило Швеции присоединиться к антироссийской коалиции.

Причины военного характера того, почему кампания 1856 г. так и не была начата, изложены адмиралом Р.С. Дандасом – первым лордом адмиралтейства Великобритании в 1852–1856 гг. Он следующим образом описывает итоги заседания т.н. Балтийской комиссии – состоявшегося в январе 1856 г. совещания союзников: «Принимая во внимание необходимость использования огромного количества транспортных средств, которые потребуются на море и суше, а также большую неопределенность успеха, краткость сезона для военных операций и вытекающие из этого риски в случае неудачи, план¹ был признан невыполнимым»².

Во многом Дандас косвенно отмечает и заслуги Берга по обороне Балтийского побережья. Взятие ключевых оборонительных пунктов было признано невозможным в короткие сроки: в случае Риги и Ревеля единственной возможностью взятия этих городов была признана длительная полноценная осада; для овладения Свеаборгом нужна была серьезная предварительная сухопутная операция³.

¹ Балтийской кампании.

² Akten zur Geschichte des Krimkriegs (AGKK): Englische Akten zur Geschichte des Krimkriegs, Band 4. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2006. P. 600.

³ Ibid.

Таким образом, несмотря на то что оценка Бергом внешнеполитических рисков во многом была неточна, на практике это не привело к катастрофическим последствиям. И во многом это было достигнуто благодаря тому, что эффективность мер по укреплению Бергом балтийского побережья смогла оказать на противника необходимый сдерживающий эффект.

ГЛАВА 3. Ф.Ф. ФОН БЕРГ ВО ГЛАВЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

§3.1. Генерал-губернаторство в Великом княжестве Финляндском¹

Традиционно в литературе, посвященной Великому княжеству Финляндскому, эпохе Александра II уделяется особое место: финский историк М. Клинге пишет о «культе» императора, «которым восхищались заметно больше в Финляндии, чем в России», поскольку при нем «Финляндия превратилась в современную нацию и государство»². Однако основное внимание историков обращено к периоду после 1863 г., ознаменованного созывом сейма после более чем 50-летнего перерыва. Между тем, этому знаковому для финляндской политической истории событию предшествовало несколько лет, незаметно подготовивших почву для активизации процесса финляндского нациостроительства.

Эти годы приходятся преимущественно на период генерал-губернаторства Ф.Ф. фон Берга (1855–1861). Применительно к 1861 году, завершающему его административную деятельность в Княжестве, один из крупнейших финских исследователей Великого княжества Финляндского О. Юссила и вовсе употребит эпитет «чудесный»: несмотря на то, что юридический статус Финляндии в тот момент никак не изменился, именно тогда она «внезапно стала государством»³. При этом в данном случае ученый придает началу царствования Александра II с точки зрения развития элементов государственности в Великом княжестве Финляндском значительно большее значение, чем 1809 г. – дате созыва Боргосского сейма⁴.

¹ При работе над данным разделом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Сенин А.В. Генерал-губернаторство Ф.Ф. фон Берга (1855-1861): Великое княжество Финляндское на переломе эпох // Клио. 2025. № 4 (220). С. 212-219.

² Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. С. 327.

³ Там же. С. 267.

⁴ Там же.

Между тем, другой тезис О. Юссила (связанный с предыдущим) о том, что «современное финское государство родилось практически за один год»¹, представляется несколько преувеличенным. Как будет показано ниже, внутренние предпосылки ускоренного развития элементов государственности в Великом княжестве Финляндском ярко проявлялись в течение как минимум пяти лет до 1861 г., на стыке николаевского и александровского царствований, т.е. во время генерал-губернаторства Ф.Ф. фон Берга.

Берг как генерал-губернатор не мог не сопоставляться местным населением с А.С. Меншиковым – его предшественником на этом посту, занимавшем должность главы российской администрации в княжестве на протяжении 24 лет. В течение столь значительного срока практики управления, применявшиеся Меншиковым, вполне укоренились в сознании местного населения.

Меншиков в ходе карьеры служил не только по военной части, но также выполнял ответственные дипломатические поручения: сопровождал Александра I на конгрессе Священного союза², в 1826 г. был направлен со специальной миссией в Персию для извещения шаха о вступлении Николая I на престол³. Возможно, именно дипломатическое прошлое выработало в нем определенную гибкость при разрешении вопросов в других сферах⁴. Кроме того, он превосходно знал несколько языков; его помощником был А. Теслев, уроженец Выборга, хорошо владевший шведским, что позволяло ему наладить стабильное взаимодействие своего начальника с сенатом⁵. Меншиков совмещал должность финляндского генерал-губернатора с другим постом – он был одновременно начальником Главного Морского штаба, что во многом обуславливало выполнение им своих служебных обязанностей в княжестве удаленно из Петербурга. М.М. Бородкин в связи с этим приводит следующую цитату одного из современников генерал-губернатора: «Я до сих пор не могу составить себе ясного представления о том, кто имеет более прав

¹ Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809-1917. Хельсинки: Ruslandia, 2009. С. 268.

² Кудрявцева М.Г. Император призвал его к участию в реформировании Военно-морского флота. Адмирал А.С. Меншиков и его роль в истории Военно-морского флота России // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 42-43.

³ Старшов Ю.В. Меншиков Александр Сергеевич // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 19. М.: Большая российская энциклопедия, 2012. С. 750.

⁴ Каллейнен К. Указ. соч. С. 10.

⁵ Юссила О., Хентилия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809-2009. М.: Весь мир, 2010. С. 48.

на внимание истории, – сам ли он, или его пальто. Меншиков посещал край только тогда, когда у него являлось желание провести в летнее время несколько дней или недель в его прелестном имении Аньяла, расположенном на берегу моря»¹. Однако у современных историков существует и иная точка зрения по поводу политики Меншикова, именуемая «бархатной перчаткой на железном кулаке»². Будучи доверенным лицом Николая I, генерал-губернатор имел возможность обсуждать с императором финляндские дела достаточно часто – раз в две недели во время личных аудиенций. Меншиков обсуждал с Николаем I те вопросы, которые он планировал поднять в сенате. Далее он через статс-секретаря сообщал сенату о том, какой вопрос не может быть оставленным без рассмотрения. При этом, имея возможность частых личных консультаций с государем, Меншиков всегда давал статс-секретарю возможность самому еще раз официально доложить императору о том или ином деле. Таким образом, генерал-губернатор демонстративно подчеркивал роль финляндских государственных институтов в управлении княжеством, но при этом «крепко держал нити общего руководства»³. Политика Меншикова ярко проявлялась во взаимоотношениях с сенатом: решения относительно расходной части финляндского бюджета не могли быть приняты без санкции сената, впоследствии подтвержденной императором, но при этом «сенат должен был безоговорочно подчиняться, когда речь шла о приведении в исполнение решений»⁴. В целом, подчеркнутое возвеличивание Меншиковым роли сената и статс-секретаря не должно вводить в заблуждение относительно мнимой слабости генерал-губернатора: например, в 1834 году посту статс-секретаря был придан статус министерского, однако, как отмечал занимавший его тогда А. Армфельт, «по сравнению с другими министрами он выступал в роли просителя и вынужден был обращаться за поддержкой к Меншикову»⁵.

¹ Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. С. 8.

² Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809-2009. М.: Весь мир, 2010. С. 48.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 47.

Особенно эффективным оказалось сотрудничество Меншикова с вице-председателем хозяйственного департамента сената Л.Г. фон Гартманом: последний «вносил предложения и проекты, Меншиков отсеивал их и утверждал»¹. Главным экономическим достижением периода генерал-губернаторства Меншикова стало обеспечение хождения в Финляндии обеспеченного серебром рубля в качестве основного платежного средства, что позволило в значительной степени вывести Финляндию из-под экономического влияния Швеции².

Сам Меншиков в частном письме главноуправляющему II отделения С.Е.И.В. канцелярии Д.Н. Блудову косвенно дал оценку своему пребыванию на посту генерал-губернатора, написав, что Финляндия «столь приметно подвинулась» к «нравственному единству» с Империей³. Его принципы управления достаточно точно описаны в следующем отрывке из нравственно-политического отчета III отделения за 1843 г.: «начальство довольно народом, народ – начальством, всюду ощущаемо правосудие, видна попечительность – то и другое может служить лучшим доказательством, что преданность побежденного народа к завоевателю может быть стяжаема лишь тогда только, когда управляют им кротко и правосудно, не тревожат его привычек и древних обычаев и не выказывают стремления к нововведениям – достоинства, которыми князь Меншиков обладает в высшей степени»⁴.

После назначения Меншикова в ходе Крымской войны главнокомандующим всеми российскими военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, вся полнота власти ненадолго оказалась в руках его помощника П.И. Рокасовского. Однако он не сумел организовать эффективную оборону побережья Финляндии⁵, а потому в 1855 г. пост генерал-губернатора занимает Ф.Ф. фон Берг⁶. Как и прежде, Великое

¹ Там же. С. 55.

² Там же.

³ Швейцер Р. Консенсус в период между «нарушениями конституции»: российско-финляндские отношения от царствования Николая I до Февральского манифеста (1826–1899) // Русский сборник. № XVII. М.: Модест Колеров, 2015. С. 159.

⁴ Нравственно-политический отчет за 1843 год // Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869; сб. док. Сборник документов. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив». 2006. С. 320.

⁵ Рокасовский Платон Иванович // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/3513599 (дата обращения: 11.02.2025).

⁶ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1. Л. 23-23об. С 20 февраля 1854 г. – исправляющий должность, с февраля 1855 г. утвержден в должности.

княжество рассматривалось в качестве «несокрушимого щита безопасности России со стороны Швеции»¹, вероятность вступления которой в конфликт на стороне союзных держав была в 1855–1856 гг. достаточно высока. Берг же проявил себя с наилучшей стороны на посту председателя Комитета об издании инструкций комендантам крепостей, занимавшегося укреплением обороны Балтийского побережья, т.е. к моменту назначения на пост генерал-губернатора имел опыт успешной службы в регионе². Кроме того, Берг был остзейским немцем, что импонировало финнам, еще помнившим Штейнгеля. Как отмечал Й.В. Снельман, один из главных идеологов финского национального движения, «граф Берг был лифляндец по образованию и по воззрениям, а потому у него не могло возникнуть желания устроить в Финляндии российскую пропаганду»³.

В целом, представляется, что политика Берга была значительно сложнее и многограннее какой-либо «пропаганды». Причина этого заключалась в том, что общественно-политическая ситуация к моменту занятия Бергом поста генерал-губернатора сильно изменилась по сравнению с временами его предшественников. На первый взгляд, население Финляндии сохраняло лояльность по отношению к России на протяжении всей войны: несмотря на то, что некоторые аландские лоцманы оказали союзникам услуги по проводке кораблей в шхерах, в целом «финский народ остался верен своему государю и исполнил долг, вытекавший из факта принадлежности Финляндии России»⁴. Более того, мемуаристы сохранили многочисленные воспоминания об очень теплом отношении финляндцев к русским войскам. Например, как потом рассказывали жители Остроботнии⁵, местные девушки так много флиртовали с русскими офицерами, что «у престарелых папаш с их старыми, глубоко укоренившимися шведскими представлениями теперь возникали трудности в общении с дочерьми, положительно настроенными к русским...»⁶.

¹ Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1848. С. 50.

² Кренке В.Д. Оборона Балтийского побережья в 1854–1856 годах. СПб., 1880. С. 11.

³ Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. С. 11.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Остроботния (финское название Похьянмаа) – область на западе Финляндии.

⁶ Клинге М. Указ. соч. С. 199.

Однако детальное изучение общественных настроений, также зафиксированных в мемуарах финляндцев-современников тех событий, показывает, что отношение местного населения к России постепенно претерпевало изменения в ходе войны. С.Г. Эльмгрен, заместитель заведующего библиотекой Александровского университета в Гельсингфорсе, в своем дневнике отметил следующее, описывая бомбардировку союзниками Свеаборга: «Русские отвечали лишь несколькими одиночными выстрелами на тысячи вражеских. <...> Это было очень унижительно и значительно изменило мнение людей относительно способности русских успешно воевать»¹. В целом, на тот факт, что внешне лояльное к российской администрации население княжества готово было мгновенно изменить свои политические симпатии, не прощая русским малейших проявлений слабости, указывает и сам Берг. В частном письме А. Армфельту он отмечает, например, что падение Севастополя негативно повлияло на общественные настроения, особенно в студенческой среде². Как пишет уже современный финский историк К. Каллейнен, финляндцы по итогам Крымской войны сделали вывод, что «Россию теперь вовсе не следует почитать и бояться так же, как это делали раньше»³.

Отметим, что за время генерал-губернаторства Берга (1855–1861) впервые сведения о неблагонадежности финляндцев были включены в годовой нравственно-политический отчет лишь в 1860 г. Это было связано с донесением Берга о потенциальном существовании в княжестве «тайного общества из лиц, не расположенных к российскому правительству»⁴. Цель деятельности общества, по мнению генерал-губернатора, заключалась в передаче при посредничестве шведского консула в Гельсингфорсе Дальфельта финляндским оппозиционерам, эмигрировавшим в Швецию, материалов антироссийского содержания с целью их дальнейшей публикации за рубежом⁵. В Третьем отделении сигнал Берга был

¹ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. С. 205.

² Егоров Е.В. Указ.соч. С. 311.

³ Каллейнен К. Взгляд из Финляндии на Польское восстание 1863 года // OSTKRAFT. URL: <https://ostkraft.ru/ru/articles/257> (дата обращения: 11.02.2025).

⁴ Нравственно-политический обзор за 1860 г. // Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869; сб. док. Сборник документов. М. Сидорова и Е. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив». 2006. С. 522–524.

⁵ Там же.

воспринят серьезно: старший чиновник III отделения А.К. Гедерштерн предложил направить двух агентов в Финляндию для поиска признаков деятельности тайной организации, а российского консула в норвежской Христиании Г.А. Мехелина привлечь к наблюдению за действиями финляндских эмигрантов за рубежом¹. В итоге, Мехелин сообщит в частном письме шефу жандармов В.А. Долгорукову, что признаков организованной системы шведской пропаганды в Финляндии не обнаружено².

В целом, анализ корпуса архивных источников, изученных в ходе проведения настоящего исследования, не дает достаточных оснований для вывода о том, что на территории княжества в тот момент существовало хорошо скоординированное и организационно оформленное противодействие российской администрации (например, в форме деятельности тайного общества). Большая часть проявлений недовольства со стороны местного населения выглядит следующим образом: студенты пели «республиканскую «La Marseillais» и не благоприятную для русского народа песню под названием «Карл XII»³, а также провозглашали тосты за королеву Викторию и Наполеона (причем это делали те же молодые люди, которые допрашивали Тамеландера) во время Крымской войны⁴. Однако агентурные донесения от 1861 г. содержат информацию уже о более серьезных формах противодействия российской администрации. В частности, в агентурной записке от 2 июня 1861 г. говорится следующее: «Командир одного из финляндских стрелковых батальонов, произведенный в нынешнем году в генерал-майоры Виллебрандт, должен сменить генерал-майора Гансена, командующего л.г. Измайловским полком. Гильдебранта ждут сюда уже несколько недель, но он не едет, и в Измайловском полку, где он прежде служил и сохранил связи с некоторыми товарищами, идут слухи, что он удерживается в Финляндии политической партией, которая, надеясь на скорый переворот в том крае,

¹ ГАРФ. Ф. 109, 1 экспедиция. Оп. 35. Д. 206.1. Лл. 8-10.

² ГАРФ. Ф. 109, 1 экспедиция. Оп. 35. Д. 206.1. Лл. 58.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп 30 (1-я экспедиция, 1855). Д. 346. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 12.

не желает отпустить из среды своей опытного военного»¹. Кроме того, чиновник Военного министерства Ильин доносит сведения о том, что в Гельсингфорсе «готовится что-то недоброе, и что, по слухам, финляндцы выжидают только новой вспышки в Царстве Польском, чтобы сделать и со своей стороны демонстрацию»². Таким образом, к концу генерал-губернаторства Берга поступает информация о потенциальном существовании некой политической организации, даже имеющей планы военного характера. Однако более детальных подтверждений этих сведений в документах не содержится, поэтому нет достаточных оснований утверждать, что опасения Берга были полностью оправданы.

Тем не менее, можно однозначно утверждать, что оппозиционные настроения антироссийского характера получили широкое распространение в княжестве во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. Об этом свидетельствуют донесения А.Р. Тобизена, занимавшего должность жандармского штаб-офицера в княжестве на протяжении более 30 лет – с 1854 г. по 1885 г. Тобизен был уроженцем Шлезвиг-Голштейна, т.е. не был связан с местной элитой кровными связями. При этом к моменту назначения в княжество имел хорошее представление о специфике Балтийского региона: был женат на эстляндской немке, при прикомандировании к штабу Отдельного корпуса жандармов добивался назначения в Ревель, однако по причине отсутствия вакантных мест был определен в Витебскую губернию (граничившую с остзейскими землями)³. Отметим, что деятельность Тобизена оценивалась начальством положительно: после зачисления в корпус жандармов в 1848 г. в звании майора он через полгода получает звание подполковника, а в Великом княжестве Финляндском уже при Берге в марте 1855 г. стал за отличие по службе полковником⁴. Таким образом, биография и карьерный путь Тобизена дают основания полагать, что его оценки настроений в княжестве достаточно объективны.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 1354 «Агентурные записки о недовольстве населения Финляндии управлением гр. Берга, усиливающего своими действиями тяготение Финляндии к Швеции». Л. 5 об.

² Там же. Л. 5.

³ Загора М.Г. На службе империи: начальник Финляндского жандармского управления Август Тобизен (1810–1885) // Человеческий капитал. 2020. № 9. С. 12-15.

⁴ Там же. С. 15.

В частности, в донесении шефу жандармов от 7 декабря 1857 г. Тобизен отмечает следующее: «Относительно же состояния умов, обязываюсь доложить, что хотя народонаселение Финляндии совершенно покойно и довольно своим положением, но не менее того, при выражаемой любви и преданности к престолу, – питает глубоко укоренившееся негодование к русскому народу, обнаруживающееся между простым классом, – часто бранью, а иногда и нападениями без всякого повода; в среднем сословии, по торговым и другим делам более уже имеющим сношение с русскими, – неприязненность эта менее заметна; в высших же слоях общества, с которыми я менее имею возможности достаточно сблизиться, оно очевидно скрывается под личиною гордости и недоступности»¹. Берг, занимавшийся долгое время в должности генерал-квартирмейстера Главного штаба вопросами разведки, предпринял собственную оригинальную попытку проникнуть в секреты финляндского высшего общества. Функция сбора информации о финляндцах-оппозиционерах была возложена на одного из адъютантов Берга, который говорил по-шведски и долго жил в Гельсингфорсе. Будучи отправленным с секретной миссией в Стокгольм, он, находясь в светском обществе, употреблял лишь французский и немецкий, делая вид, что не знает шведский, что позволяло ему узнавать детали частных разговоров шведоязычных финляндцев-эмигрантов. Однако случайно оказавшийся в Стокгольме гельсингфорский знакомый агента Берга раскрыл его².

Особое беспокойство генерал-губернатора вызывало финляндское студенчество. В отношении них начальник 1-го жандармского округа И.В. Анненков в своем донесении отмечал следующее: «Образ мыслей и направление студентов действительно имеет весьма сильный отклик на всю страну. Молодежь, собираемая со всех губерний Финляндии в Гельсингфорсе, приносит с собою еще неявное определение отношений Финляндии к России, а оставляя его, уносит неприязнь ко всему русскому и мечтания о будущей независимости

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 32 (1я экспедиция, 1857), д. 321, ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Л. 1-2.

² ГАРФ. Ф. 109 оп 3а д. 1354 «Агентурные записки о недовольстве населения Финляндии управлением гр. Берга, усиливающего своими действиями тяготение Финляндии к Швеции». Л. 2-3.

Финляндии. Идеи свои она сообщает по окончании курса и в период каникулярного времени, в отдаленные места своей родины, передает их в своих семьях и распространяет их повсюду»¹. Действительно, как отмечает М.М. Бородкин, «ни одно политическое движение того времени не обходилось без участия студентов <...> Неудивительно поэтому, если граф Берг стал смотреть на университет, как на очаг политических смут»².

Генерал-губернатор предпринимает попытку применения административных методов для искоренения оппозиционных настроений в университете, которые, по его мнению, в значительной степени имеют шведские корни. Берг обращается к успешному опыту германизации в екатерининскую эпоху Выборгской губернии и предлагает пригласить в университет немецкую профессуру. По его мнению, это позволило бы одновременно поднять уровень образования в университете и в то же время ослабить шведское влияние в Гельсингфорсе³. Однако проект так и не получил желаемого развития: на кафедру хирургии был приглашен профессор немецко-польского происхождения Ю.К. Шимановский из Дерптского университета (альма-матер Берга), однако вскоре он вернулся на прежнее место службы⁴. Представляется, что в данном случае остзеец Берг попытался выступить в качестве нейтральной стороны, способной установить баланс между российскими и финляндскими интересами: он стремился обеспечить лояльность университета мерами по его идеологическому отдалению от Швеции, а не ускоренной русификацией.

Подозревая, что у гельсингфорского студенчества установлены крепкие связи с оппозиционными эмигрантами, находящимися в Швеции, Берг постарался собрать информацию о финляндской эмиграции, воспользовавшись услугами студента филологического факультета Императорского Александровского университета Оскара Тамеландера. Он приходился племянником финляндскому почт-директору Вульфурту, с помощью которого была организована и

¹ ГАРФ. Ф. 109 оп. 32 (1я экспедиция, 1857), д. 321, ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Л. 24-25.

² Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. С. 97.

³ Егоров Е.В. Указ. соч. С. 325.

⁴ Бородкин М.М. Указ соч. С. 99.

систематическая перлюстрация шведско-финляндской корреспонденции. Окончание миссии Тамеландера Тобизен в своем донесении от 8 ноября 1855 г. описывает следующим образом: агент генерал-губернатора «в присутствии 16 лиц, принадлежащих университету, в том числе восьми студентов, при запертых на замок дверях и под влиянием тяжких угроз (показание Тамеландера) был допрошен о цели его поездки»¹. После признания Тамеландера студенчество «немедленно решило признать его недостойным быть в среде их общества»² и «письменно просило университетское начальство» об исключении агента генерал-губернатора из университета³. Попытки Берга воспрепятствовать этому решению не увенчались успехом, поскольку вице-канцлер университета, финляндский дворянин И.И. Мунк, поддержал в этом конфликте студентов.

Подобные попытки собрать информацию об общественных настроениях, царивших в кругах, наиболее оппозиционно настроенных к российской администрации, породили в обществе слухи о введении Бергом «системы русского шпионства»⁴. В то же время, Берг не пытался создать систему тайной полиции на территории княжества⁵. Сами финляндцы отмечали, что «до сих пор еще не замечено систематического шпионства»⁶. Однако и вышеназванные отдельные случаи описываются в агентурных донесениях как «возмутившие весь край»⁷.

Наибольшее же недовольство дворянской оппозиции генерал-губернатору вызывала его цензурная политика. Один из наиболее заметных финляндских эмигрантов, Э. фон Квантен, в брошюре «Обстоятельства Финляндии», изданной в Стокгольме, пишет по этому поводу следующее:

«Главное цензурное управление руководимо самим графом Бергом, который ни в усердии, ни в искусстве не может быть превзойден известным в летописи патером Торквемадою, гроссмейстером испанской инквизиции. Но это в самом

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 30 (1-я экспедиция, 1855). Д. 346. Л. 4.

² Там же. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 30 (1-я экспедиция, 1855). Д. 346, Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 30 (1-я экспедиция, 1855). Д. 346, Л. 8.

⁵ Егоров Е.В. Указ.соч. С. 382.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп 3а. Д. 1354 «Агентурные записки о недовольстве населения Финляндии управлением гр. Берга, усиливающего своими действиями тяготение Финляндии к Швеции». Л. 2 об.

⁷ Там же.

деле большое счастье, что современные нравы более не позволяют употребления пытки, испанского сапога, оков или расщепленного олова, капающего на темя; ибо иначе, вероятно, упомянутые гениальные изобретения были бы уже употреблены графом Бергом над новыми политическими еретиками»¹.

Однако подобная оценка личной жестокости генерал-губернатора представляется преувеличенной. Об этом свидетельствует следующий случай. Впоследствии, когда во время восстания в Царстве Польском в 1863 г. Берг занимал должность наместника, он помиловал двоих из троих террористов, покушавшихся на его жизнь (третий же был казнен, поскольку помимо покушения на Берга, был признан виновным в убийстве студента, а потому помилование на него не распространялось)². О степени же объективности Берга как цензора свидетельствует следующий инцидент, описанный в рапорте Тобизена от 13 октября 1860 г.: консул США в Гельсингфорсе Френкель и некоторые лица, «признанные учеными знаменитостями края», письменно обратились к генерал-губернатору «о дозволении издавать для простого народонаселения на шведском языке» периодическое издание, обосновывая необходимость этого тем, что «народная газета на финском языке уже существует, но порою многие по незнанию сего языка воспользоваться не могут»³. «Охотно соглашаясь на это», генерал-губернатор «обязал однако же редакторов представить ему предварительно программу и пробные листы...но как Его Сиятельство из первого же номера убедился, что она⁴ наполнена религиозными и политическими в самом вольном духе статьями и не заключала в себе ничего нравоучительного и полезного для простого народа, то она, не выйдя еще в свет, была запрещена»⁵. Представляется недостаточно достоверным уже само обоснование потенциальными редакторами необходимости появления нового издания, поскольку подавляющая часть

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп 32 (1я экспедиция, 1857). Д. 321. Ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Лл. 45-46.

² Анучин Д.Г. Граф Берг. Наместник в Царстве Польском // Русская старина, 1893. № 2. С. 376.

³ ГАРФ. Ф. 109 оп 32 (1я экспедиция, 1857) д. 321 ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Лл. 31.

⁴ газета.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 32 (1я экспедиция, 1857). Д. 321. Ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Л. 31.

периодики в княжестве в третьей четверти XIX столетия выходила в княжестве на шведском¹ – языке основной массы читающей публики, т.е. шведоязычных дворян, чиновников, состоятельных граждан. Финский же был преимущественно языком крестьянского населения; к тому же его литературная норма находилась еще на стадии становления. Поэтому ссылка учредителей нового журнала на недостаточную представленность шведского языка в периодических изданиях Финляндии выглядела крайне необоснованной и вряд ли могла повлечь положительную реакцию со стороны генерал-губернатора.

Отметим при этом, что Берг в то же время активно способствовал как появлению новых изданий на финском языке (благодаря ему появилась газета «Финляндские официальные ведомости»), так и в принципе укреплению позиций финского как языка простонародья в качестве меры противодействия шведоязычной верхушке общества. В каждом уезде и приходе из казны оплачивались услуги финских переводчиков; с 1858 г. приходские протоколы стали вестись на финском языке, а в 1860 г. на нем стали издаваться постановления Великого княжества Финляндского (до этого – только на шведском и русском)². Таким образом, политика противодействия нелояльному дворянству в данном случае объективно способствовала подъему финской культуры.

В своих донесениях Тобизен значительное внимание уделяет реакции населения на существовавшую в тот момент в княжестве экономическую ситуацию. В своих рапортах жандармский штаб-офицер докладывает об «умножающихся общих жалобах непроизводительного класса народонаселения, на дороговизну жизненных потребностей и в приморских городах Финляндии, преимущественно в Гельсингфорсе, Або и Выборге, – на чрезвычайное возвышение цен на квартиры, которые большею частью в продолжение последних пяти лет, возросли против прежней стоимости на сто и более процентов»³.

¹ Загора М.Г. «Нахожу основание русского журнала в Финляндии совершенно излишним»: русская газета в Гельсингфорсе в 70-е гг. XIX века // Ежегодник финско-угорских исследований. 2020. № 3. С. 506.

² Бородин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. С. 65-66.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 32 (1я экспедиция, 1857). Д. 321. Ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Л. 5.

Действительно, Финляндия в начале генерал-губернаторства Берга находилась в сложном экономическом положении, вызванном Крымской войной. Существенный урон был нанесен финляндскому торговому флоту: союзниками было уничтожено 40 % торговых судов княжества¹. По причине увеличения военных расходов местная казна понесла убыток в 3 931 937 руб.² Поэтому восстановление экономики стало одним из главных направлений политики нового генерал-губернатора, что полностью соответствовало программе реформ Александра II, представленной императором сенату в 1856 г. Этому учреждению надлежало разработать предложения по развитию торговли, мореходства и промышленности; по транспортным коммуникациям и вовсе надлежало создать отдельный комитет³. В разработке программы, охватывавшей все вышеназванные аспекты экономического развития, принимали участие заместитель председателя экономического отделения сената Л.Г. фон Гартман, министр-статс-секретарь А.Г. Армфельт, а также сам генерал-губернатор⁴.

Ключевую роль в разработке экономических преобразований играл Гартман, воззрения которого претерпели существенную эволюцию к моменту активного сотрудничества с Бергом. По мнению Гартмана, российско-финляндские экономические отношения были неравноправными, что и стало основной причиной отдаления княжества от России в конце второй четверти XIX столетия. Некогда сам Гартман принимал активное участие в заключении российско-финляндского торгового соглашения 1835 г., предполагавшего установление высоких таможенных пошлин для финских товаров, экспортировавшихся в Россию и оказывавшихся в невыгодном положении по сравнению с российской продукцией, поставлявшейся в Финляндию. Однако в середине 1850-х годов Гартман стал предлагать снять разработанные им самим же ограничения с финляндских товаров и промышленности в целом (прежде всего, деревообрабатывающей и бумажной отраслей). Кроме того, предполагалось активное строительство каналов и

¹ Рокасовский Платон Иванович // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/3513599 (дата обращения: 11.02.2025).

² Бородкин М. Указ. соч. С. 17.

³ Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917. С. 327.

⁴ Там же. С. 328.

железных дорог¹. Отметим, что Гартман, как и Армфельт, принимал участие в разработке не только экономических, но и политических реформ в княжестве. При этом если политическая часть преобразований, нацеленная на ограничение полномочий генерал-губернатора, не могла быть встречена Бергом с одобрением, то в экономической части сотрудничество генерал-губернатора с представителями финляндской верхушки происходило гораздо более конструктивно.

Принятое при Берге русско-финляндское торговое положение 1858 г. оказалось действительно крайне выгодным для княжества. Преимущества финляндской стороны в отношении сбыта продукции на российском рынке становятся очевидными при сопоставлении тарифов вышеупомянутого положения с имперским тарифом 1857 г. (по европейской границе). Различия можно рассмотреть на примере продукции ключевых отраслей промышленности княжества. Например, иностранные экспортеры уплачивали с пуда чугуна 15 коп. золотом, тогда как финляндцы имели возможность беспошлинно поставлять чугун на российский рынок в неограниченных объемах. За пуд железа (кроме листового) по имперскому тарифу уплачивалось от 30 до 70 коп. за пуд, тогда как из Финляндии в Россию дозволялось беспошлинно экспортировать любое количество железа. Без уплаты каких бы то ни было пошлин можно было ввести и 50 тыс. пудов бумажной пряжи, тогда как иностранные экспортеры уплачивали от 350 до 500 коп. золотом с пуда².

Наиболее ярким экономическим достижением Финляндии периода генерал-губернаторства Берга стало ускоренное развитие деревообрабатывающей промышленности. Ценные с точки зрения промышленного освоения леса занимали до 42 % территории Финляндии³, однако их использование было существенным образом искусственно затруднено. Шведское законодательство, унаследованное княжеством, устанавливало жесткие ограничения в отношении строительства лесопилок и ежегодного объема рубки леса с целью сохранить лесные массивы,

¹ Юссила О. Указ. соч. С. 328–331.

² Суни Л.В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX в. (1858-1885). Тарту, 1963. С. 42–43.

³ Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии: 50-70е годы XIX в. Ленинград: Наука, 1979. С. 23.

необходимые для выжигания древесного угля, использовавшегося при выплавке стали. Фактически эта политика была направлена на обеспечение интересов крупного дворянства, поскольку именно в его руках находилось металлургическое производство¹. В данном случае подрыв позиций нелояльного по отношению к российской администрации финляндского дворянства совпадал с интересами развития финляндской промышленности. В 1857 г. был снят запрет на возведение наиболее инновационных на тот момент паровых лесопилок, а к 1861 г. были отменены и прочие ограничения в области лесопиления. Отметим, что эта мера способствовала повышению экономической роли финского крестьянства, поскольку именно в его руках находилась значительная часть частных лесов². Меры по развитию лесопиления, принятые в период генерал-губернаторства Берга, подготовили почву для бума деревообрабатывающей промышленности Финляндии в 1870-е годы: только за 1870-1874 гг. экспорт древесины возрос более чем вдвое³. Из мер, способствовавших улучшению положения финноязычного крестьянства, рассматривавшегося в качестве противовеса дворянству, можно назвать основание Бергом 7 практических земледельческих школ⁴. Кроме того, в 1859 г. было разрешено открывать сельские магазины (но не ближе 50 верст от города)⁵.

Как и предполагалось в соответствии с правительственной программой, был учрежден комитет, занимавшийся проблемами прокладки новых путей сообщения, в котором председательствовал сам генерал-губернатор. Главным достижением в этой области стало открытие Сайменского канала, соединившего озеро Сайма с Финским заливом. Несмотря на то, что канал был заложен еще при Меншикове, именно энергичность генерал-губернатора способствовала тому, что его открыли на 4 года раньше, чем планировалось, причем сооружение канала «произведено было собственными средствами Финляндии, без обременения казны новыми долгами»⁶. Значение же канала было огромным: «население Саволакса⁷ и Карелии

¹ Суни Л.В. Великое княжество Финляндское. Первая половина XIX в. Становление автономии. С. 121.

² Там же.

³ Там же. С. 25.

⁴ Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. С. 30.

⁵ Суни Л.В. Великое княжество Финляндское. Первая половина XIX в. Становление автономии. С. 115.

⁶ Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. С. 38.

⁷ Саволакс – историческая провинция на востоке Финляндии, граничащая с Карелией.

освободилось от исключительной зависимости от отдаленных гаваней северной части Ботнического залива и Ладоги; быстрое же материальное развитие стало заметно по окончании сооружения»¹. Отметим, что, несмотря на значительную экономическую роль данного гидротехнического сооружения, препятствия полноценному использованию его потенциала создавали сами финляндцы: благодаря стараниям выборгских коммерсантов шлюзы были сделаны недостаточно широкими для пропуска в море крупнотоннажных судов, в связи с чем товары нужно было перегружать в Выборге, а местные фирмы получили возможность монопольного экспорта товаров. Однако в связи с этим канал потерял «существенную часть своего значения для края»².

Сами же финляндцы препятствовали и строительству первой в Финляндии железной дороги между Гельсингфорсом и Тавастгусом. По мнению ряда сенаторов, ее строительство было нерентабельным, поскольку для «перевозки не имелось в достаточном количестве ни товаров, ни пассажиров»³. Не было в сенате и единства и по поводу географических пунктов, которые необходимо соединить железной дорогой. Гартман считал, что необходимо было соединить посредством этого пути Финляндию и Россию, «скандинавская» партия выступала за прокладку дороги между Гельсингфорсом и расположенным недалеко от Швеции г. Або, тогда как большая часть сенаторов («фенноманская» партия) выступила за соединение Гельсингфорса с лежащим в центре страны Тавастгусом⁴. И здесь Берг, как и в случае с идеей о приглашении немецкой профессуры, вновь занял нейтральную позицию между сторонниками «пророссийского» и «прошведского» проектов, выступив на стороне «профинского» большинства.

Тем не менее, успешные экономические преобразования не были гарантией лояльности финляндцев в начале второй половины XIX столетия. По этому поводу Тобизен в рапорте от 16 декабря 1859 г. отмечает следующее: «Все вообще финляндцы самым враждебным взглядом смотрят на вмешательство

¹ Там же. С. 39.

² Там же.

³ Там же. С. 41.

⁴ Егоров Е.В. Указ. соч. С. 320.

русского правительства в дела, относящиеся до управления их краем. От этого ни одно из распоряжений, приносящих видимую пользу для благоденствия страны, не находит сочувствия в финляндцах, если оно делается не на основании их устаревших и отживших уже свое время законов, к которым они привязаны не столько из убеждения в их пользе, сколько из опасения, что при малейшем изменении их вся страна потеряет свою самостоятельность и независимость»¹.

Берг пытался учитывать фактор сильной приверженности финляндцев к коренным установлениям своей страны даже в военное время, о чем свидетельствуют материалы зарубежной прессы, в т.ч. и шведской, несмотря на ее традиционно отрицательную оценку действий российских властей в Финляндии. Например, в *Swenska Tidningen* была размещена прокламация Берга от 12 сентября 1855 г., адресованная русским военным чинам, находящимся на территории княжества. Она содержала следующие слова: «Я рекомендую всем офицерам, находящимся под моим командованием (не говоря уже о первостепенных требованиях, которые отличают всех образованных людей от низших классов, а именно, вежливое и дружелюбное отношение к лицам всех рангов, а также в сношениях по долгу службы с властями здесь (например, почтой, магистратурой и т. д.), консультироваться с лицами, знакомыми с законами и учреждениями этой страны; и когда они узнают надлежащий способ действий и принятые в таких случаях обычаи, тогда, и не раньше, приступать к делу, которое они могут иметь в виду»².

Однако, как отмечал упоминавшийся выше деятель финского национального движения Снельман, «очень немногие читали основные законы; большинство же никогда не видело их, да и надобности никто не встречал в изучении их за истекшие 50 лет»³. Во многом по этой причине в 1861 г. разразился главный политический конфликт периода генерал-губернаторства Берга в княжестве, связанный с созывом выборной комиссии. В соответствии с привезенным Бергом в Гельсингфорс

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 32 (1я экспедиция, 1857). Д. 321. Ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях». Л. 22.

² ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 38. Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х. Л. 214.

³ Бородкин М.М. Указ. соч. С. 78.

манифестом императора от 10 апреля 1861 года, должна была быть составлена особая комиссия из выбранных от четырех сословий лиц, которая должна была рассмотреть проекты постановлений по важнейшим вопросам государственного управления княжества и «выразить свое мнение о том, «каким образом дела эти могут быть устроены соответственно потребностям края» впредь до созыва сейма¹. Император оставлял за собой право утвердить те предложения комиссии, которые, по его мнению, в наибольшей степени соответствуют задачам развития княжества.

На заседании сената 4 мая 1861 г. один из сенаторов, К.Э. Гадд, высказал свой протест против положений вышеупомянутого высочайшего повеления, который был поддержан 5 другими членами сената. По их мнению, манифест придавал выборной комиссии полномочия сейма. Однако в княжестве не существовало закона, который запрещал бы императору созывать любые комиссии совещательного характера². Тем не менее, новость о комиссии вызвала бурные протесты в финляндском обществе, которые во многом повлекли за собой отставку Берга, получившего в широких кругах финляндского общества репутацию противника сейма³, каковым он в действительности не был. В 1859 г. он сам ходатайствовал перед императором о начале подготовительных работ для созыва сейма, поскольку ряд финляндских законов, нуждавшихся во внесении актуальных поправок, не могли быть изменены «без созыва земских чинов». В то же время, Ф.Ф. Берг докладывал императору, что «в настоящее время созвание сейма невозможно по той причине, что для сего не предпринято никаких приготовлений»⁴. Таким образом, необходимость созыва сейма, что к тому моменту не происходило на протяжении более 50 лет, признавалась, но лишь после тщательной подготовки, которая и должна была быть проведена выборной комиссией.

В литературе часто можно встретить точку зрения, что в значительной степени непопулярность Берга в финляндском обществе была обусловлена его

¹ Там же. С. 79.

² Там же. С. 80.

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 1354 «Агентурные записки о недовольстве населения Финляндии управлением гр. Берга, усиливающего своими действиями тяготение Финляндии к Швеции». Л. 3 об.

⁴ Рейн Г.Т. Иоган Вильгельм Снельман: Историко-биографический очерк. СПб.: Гос. тип., 1903. С. 100.

характером: «Граф Берг, при своей подвижности, вообще плохо уживался с медленным ходом всей финляндской административной машины»¹. Однако представляется, что настоящие причины противодействия финляндского общества Бергу лежали гораздо глубже. После генерал-губернаторства А.С. Меншикова, успешно создавшего видимость невмешательства российской администрации во внутренние дела княжества, финляндскому обществу было крайне сложно привыкнуть к активному стилю управления Ф.Ф. Берга. Кроме того, в условиях николаевского царствования в государственном управлении огромное значение имел фактор личного контроля за всеми деталями управленческого процесса, как было показано выше применительно к институту разведки (в других сферах управления ситуация складывалась аналогичным образом). Берг был классическим представителем поколения участников Отечественной войны, состоявшихся в качестве управленцев в николаевскую эпоху. В Великом княжестве Финляндском он был вынужден действовать в рамках непривычной для себя системы управления, построенной на давно отлаженном механизме взаимодействия ряда институтов – сената, статс-секретариата, Комитета финляндских дел. Генерал-губернатор был призван быть лишь одним из звеньев этой системы, что было неприемлемо для человека с характером, а также служебным и жизненным опытом Берга. В итоге, активный генерал-губернатор этой системой воспринимался в качестве чужеродного элемента. Фактически остзеец Берг успешно выполнял свою роль – в большинстве случаев он умел находить золотую середину между обеспечением национальных интересов России и собственно княжества (что проявилось, например, в описанных выше примерах с попытками приглашения немецкой профессуры и строительства железной дороги). Он внес огромный вклад в промышленное развитие Финляндии, прежде всего, деревообрабатывающей отрасли. При нем был построен Сайменский канал, игравший значительную экономическую роль и в новейшей истории Финляндии (вплоть до 2022 г.). Он же способствовал развитию финского как языка широких масс населения княжества. Создание выборной комиссии, активно

¹ Бородкин М.М. История Финляндии. Время императора Александра II. С. 96.

критиковавшейся обществом, подготовило почву для созыва сейма – ключевого элемента государственности Финляндии. Однако все эти достижения по описанной выше причине неизменно воспринимались со знаком «минус» финляндской общественностью, прежде всего, финляндским дворянством, в ходе противодействия которому и были выполнены многие задачи политического и социально-экономического развития Великого княжества Финляндского.

Один из чиновников канцелярии генерал-губернатора, Филиппеус, описывая в своих воспоминаниях деятельность Берга, процитировал известную фразу из «Фауста» Гете, демонстрирующую типичную модель восприятия генерал-губернатора большинством финляндцев: «Есть души, которые, желая зла, делают добро»¹. По легенде, в контексте таких настроений местного населения, не оценившего усилий генерал-губернатора, Берг – Мефистофель, покидая Финляндию в ноябре 1861 г., смог сказать на прощание финляндцам лишь одну фразу: «Спите спокойно, господа»².

§3.2. Наместничество в Царстве Польском

Период службы в Царстве Польском на посту наместника в 1863–1874 гг. стал наивысшей точкой в карьере Ф.Ф. Берга: именно тогда, в 1866 г., он получил чин генерал-фельдмаршала³. Однако для полноценного анализа деятельности Берга в Царстве представляется необходимым кратко охарактеризовать события, непосредственно предшествовавшие новому назначению Берга.

В духе общей либерализации политического курса правительство Александра II пытается реформатировать взаимодействие Империи с Царством Польским. Однако отсутствие четкой политической линии в отношении Царства и противоречивость шагов российской администрации приводят к быстрой дестабилизации обстановки в Польше.

¹ Бородин М.М. Указ. соч. С. 133.

² Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809-1917. Хельсинки: Ruslania, 2009. С. 259.

³ Андреевский Е.К. К воспоминаниям о графе Ф.Ф. Берге // Русская старина. 1907. № 11. С. 454.

Прежде всего, был взят курс на выработку доминант новой политики совместно с высшими кругами польского дворянства, внешне лояльного по отношению к российским властям. Ключевую роль в этом процессе сыграл Александр Велепольский – граф, маркиз Гонзаго-Мышковский, видевший в формальном примирении русского и польского народов возможность восстановления польских конституционных привилегий 1815 г. при сотрудничестве с российскими властями¹.

М.Д. Горчаков, занимавший должность наместника в Царстве в 1856–1861 гг., привлекает Велепольского к административной деятельности, назначив его формально директором комиссии исповеданий и просвещения, а фактически – своим главным помощником². Идеи Велепольского оказались на тот момент близки императору, поэтому в марте 1861 г. он издает указ, даровавший Царству широкую автономию³. В соответствии с этим документом, создавались органы самоуправления - губернские окружные и городские советы. Центральным органом системы самоуправления становился Государственный совет Царства Польского, состоявший в том числе и из польских сановников и занимавшийся, прежде всего, вопросами, связанными с бюджетом Царства. Были открыты Варшавская медико-хирургическая академия в 1857 г.⁴, Политический и Сельскохозяйственно-лесной институт в Пулавах; создавалась специальная комиссия народного просвещения и вероисповеданий, независимая от центральных органов власти империи.

Однако уступки, рассматривавшиеся их инициатором – российским правительством – в качестве отправной точки диалога с польской элитой, провоцировали лишь новые требования, а не усиливали стремление к взаимопониманию у шляхты, воспринимавшую инициированные русской стороной компромиссы в качестве слабости последней⁵.

¹ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 474.

² Идрисов Р.А. Указ. соч. С. 40.

³ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Warszawa, 1861. Т. 58. S. 236.

⁴ Постановление «Об учреждении Императорской и Царской Варшавской Медико-Хирургической Академии. Устав» // Журнал Министерства Народного Просвещения. ч. ХСVI, отд. I. С. 3.

⁵ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Том XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 30.

Между тем, руководство российской администрации оказалось неспособным принять эффективные меры для подавления восстания на его начальном этапе. Назначенный в 1862 г. наместником в Царстве Польском великий князь Константин Николаевич характеризовал себя в качестве «защитника системы благоразумных уступок»¹, которая пользовалась поддержкой и в высших кругах петербургского света. По этому поводу Д.А. Милютин в своих воспоминаниях отмечал следующее: «Не без основания высказывалось, что поляки никакими уступками не удовлетворятся, пока не добьются полного отделения от России не только Царства, но и всей западной полосы Империи от Двины и Днепра; что только силой оружия можно подавить польскую крамолу. <...> Но подобные мнения имели мало веса при том настроении, которое тогда взяло верх в высших сферах петербургских; мнения эти считались несовместными с духом времени»²³.

Разрастание восстания делало все более острым вопрос о взаимоотношениях военных и гражданских властей в Царстве. Помощник наместника по военной части Э.А. Рамзай был болен паралитическим головным недугом, однако, по свидетельству Валуева, наместник всячески противился назначению на место Рамзая другого, предполагая, что либеральный политический курс в отношении польского вопроса, сторонником которого являлся великий князь, может оказаться под угрозой⁴.

Д.А. Милютин подробно описывает выбор кандидатуры для замещения Рамзая. Изначально предполагалось назначить генерал-адъютанта графа П.А. Сумарокова, который находился в хороших отношениях с великим князем (и его супругой, активно вмешивавшейся в дела государственного управления). Однако он был «еще более ветхим и болезненным», чем Рамзай, к тому же был известен своим полонофильством, что в условиях восстания было недопустимым. Тогда император «обратил внимание на графа Берга, который со времени увольнения от должности финляндского генерал-губернатора оставался без

¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х томах. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. Т. 1. С. 89.

² т.е. Великих реформ.

³ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 322.

⁴ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т.1. С. 206.

особого назначения, в числе членом Государственного совета»¹. По мнению Милютин, «граф Берг, конечно, наиболее удовлетворял всем требованиям по известной опытности в делах военных и политических, по неутомимой деятельности и тонкому уму. Такой человек мог, в случае надобности, и заступать место великого князя по обоим званиям – главнокомандующего и наместника»². Д.Г. Анучин, состоявший при Берге в 1863–1865 гг., а впоследствии ставший губернатором в Радомской губернии Царства Польского, среди причин выбора кандидатуры Берга отмечал так же и то, что несмотря на репутацию «администратора старого закала николаевской эпохи, твердо верившего в значение силы», он не стал бы в то же время слишком радикально ограничивать автономию Царства: «Все знали, что по рождению и воспитанию, он был одним из наиболее видных представителей балтов и стоял за обособленность остзейских провинций, почему, не будучи отнюдь полякофилом, мог считать полезным такие местные особенности, нарушение коих на берегах Вислы могло бы служить нежелательным прецедентом для Остзейского края³» (имеется в виду потенциальное ограничение автономии Остзейских губерний). Таким образом, как и в случае с назначением на пост финляндского генерал-губернатора, в глазах петербургского света дополнительным преимуществом Берга было его остзейское происхождение, которое могло бы помочь найти разумный баланс между защитой национальных интересов России и сохранением отдельных автономных начал Царства (таким образом, фигура Берга могла бы как удовлетворить консерваторов, так и быть терпимой для сторонников либерального политического курса в отношении Царства). Анучин отмечает и то, что и сам Берг ощущал свою востребованность в Польше: «Отказываясь, несколько лет перед тем, после оставления Финляндии, от должности новороссийского генерал-губернатора, граф Берг очевидно надеялся, что от него не уйдет, в будущем, более важный пост – наместника в Царстве Польском»⁴.

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863-1864. М.: РОССПЭН, 2003. С. 60.

² Там же. С. 62.

³ Анучин Д.Г. Граф Ф.Ф. Берг, наместник в Царстве Польском (1863–1874) // Русская старина. 1893. № 1. С. 35-36.

⁴ Там же. С. 36.

Однако великий князь крайне пессимистично смотрел на возможность назначения графа на высокую должность в российской администрации в Царстве. В письме от 17 (29) марта он перечисляет императору аргументы против назначения Берга. Главный из них сводился к тому, что «это не регулярная, правильная война», против русских войск действуют «второстепенные, дурно вооруженные шайки», «простирающиеся, правда, иногда до тысячи или до двух», против которых невозможны «никакие ученые и стратегические действия»¹ (очевидно, Берг прочно зарекомендовал себя к тому моменту главным образом в качестве военного стратега). Впрочем, настоящая причина неприятия Константином Николаевичем Берга заключалась в другом. С одной стороны, как отмечает В.Е. Воронин, фигура Берга, безусловно, отодвинула бы на задний план Велепольского, которого великий князь поддерживал в качестве «парадной витрины для влиятельного европейского общественного мнения», символизирующей существование польской автономии².

В определенной степени обеспокоенность Константина Николаевича реакцией европейских держав не была беспочвенной. В письме великому князю от 28 февраля 1863 г. Александр II отмечал следующее: «Если нам не удастся скоро усмирить мятеж, то из нашего домашнего дела произойдет европейский вопрос, и последствия его могут быть для нас неизмеримы, чего не дай Бог!»³. Как отмечает А.А. Комзолова, в тот момент в столице в качестве вполне вероятного сценария развития внешнеполитической ситуации рассматривалось повторение событий Крымской войны, включая интервенцию враждебной европейской коалиции⁴.

Однако фактически проект коллективного демарша со стороны европейских держав, застрельщиком которого выступил лорд Пальмерстон в феврале 1863 г., призвавший обратиться странам – участницам Венского конгресса с призывом к России выполнить свои обязательства по отношению к Царству, наталкивался на несогласованность позиций держав – участников демарша по поводу польского

¹ Переписка наместников Королевства Польского. Т. 3. Янв.-авг. 1863 г. / Ред. С. Кеневич, И. Миллер. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1974. С. 159.

² Воронин В.Е. Указ. соч. С. 274.

³ Захарова Л. Г. Александр II и польский вопрос // Problemy historii Polski i Rosji XIX i XX wieku / redaktor V. Materski. Łódź: Uniwers. Łódzki, 1996. S. 57–58.

⁴ Комзолова А.А. Особые полномочия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: кадровый аспект // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 44.

вопроса. Ведущие европейские страны не были готовы к началу военных действий с Россией из-за польского вопроса. Внешнеполитическое ведомство Великобритании 19 марта заявило Франции о том, что в качестве альтернативы своему военному вмешательству в конфликт на стороне Польши оно предпочтет предъявить российскому правительству определенные требования, которые, в случае непринятия их российской стороной, не содержали бы обязательств Великобритании предпринимать дальнейшие шаги по принуждению России к совершению тех или иных действий, а также не стали бы ударом для положения Великобритании на международной арене¹. Наполеон ответил, что также не желает войны с Россией, хотя английской стороне было ясно и то, что вовсе уклониться от демарша против России Франция не могла. В общественном мнении этой страны Польша рассматривалась в качестве традиционного союзника со времен Отечественной войны: Польский корпус армии Наполеона насчитывал 90 тыс. человек², и неудивительно, что в 1863 г. «польские дела пользуются огромной симпатией у всех партий во Франции»³. Неслучайно, что именно Париж становится организационным центром действий польской эмиграции во время восстания⁴, в Париже же начинался основной маршрут для переправки заграничных денежных средств для восставших⁵. Австрия и Пруссия опасались того, что восстание перекинется на их территорию, а потому тоже не были готовы к резким действиям в отношении России (Пруссия и вовсе 8 февраля 1863 г. заключила с Россией соглашение о взаимопомощи в подавлении восстания⁶). В итоге, коллективный демарш все же имел место 17 апреля 1863 г.: с нотами протеста, впрочем, не идентичными по содержанию, выступили великие державы, а вслед за ними – Нидерланды, Дания, Португалия, Турция, Швеция, Италия, Испания⁷.

¹ Confidential correspondence of the British government respecting the insurrection in Poland: 1863 / ed. by T. Filipowicz. P.: Libraire H. Le Soudier, 1914. P. 186–224.

² Колегов С.С. Польский вопрос в политике Александра I и Наполеона в преддверии и первые месяцы войны 1812 г. // Sciences of Europe. № 42. 2019. С. 20.

³ Черевык К.А. Вмешательство Великих держав в Польское восстание 1863 г. и позиция России // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 6. С. 85.

⁴ ГАРФ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 355. Заметки Валя о польском восстании 1863 г. См., напр., Л. 38, Л. 44.

⁵ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 49. Донесения Ф. Косецкого Бергу Ф.Ф. из Дрездена о деятельности польских революционеров за границей. Л. 18.

⁶ Черевык К.А. Указ. соч. С. 85.

⁷ Там же. С. 87.

Несмотря на фактическое отсутствие готовности у вышеназванных государств вступить в открытое военное противостояние с Россией, император воспринимал угрозу масштабного европейского конфликта из-за Польши вполне серьезно. Об этом свидетельствует, с одной стороны, объявление им в апреле 1863 г. амнистии участникам восстания, которые сложат оружие к 12 мая (что можно рассматривать как предупредительную меру против демарша, состоявшегося несколькими днями позже¹), а также строки из его письма Константину Николаевичу от 29 марта: «Если мятеж не будет в скором времени усмирён, то никак отвечать нельзя за последствия, которые нас ожидают и которые могут нас вовлечь во всеобщую войну»². Таким образом, внешнеполитическая обстановка весны 1863 г. вынуждала к выбору кандидатуры, которая бы могла решительно положить конец восстанию. В данной ситуации аргументы Константина Николаевича, касающиеся личной антипатии к Бергу (в письме императору он отмечал, что «это затруднит личное мое положение, иметь помощником человека, которого я уважать не могу и который это знает»³), не играли решающей роли. Поэтому 17 марта 1863 г. Берг все же был назначен на должность помощника наместника⁴.

Предубеждение Константина Николаевича против Берга изначально не служило почвой для дальнейшего эффективного взаимодействия между ключевыми лицами российской администрации в Царстве. Понимая, что прямое активное противодействие тандему Константин Николаевич – маркиз Велепольский не принесет нужные плоды, Берг избирает другую тактику: по воспоминаниям современников, он везде следует за Константином Николаевичем, словно тень, но нигде не высказывает своего мнения⁵.

Крах политики автономизации Польши, проводившейся Велепольским, был очевиден, однако Константин Николаевич не был готов отказаться от маркиза по той причине, что такая мера, по мнению великого князя, повлекла бы крушение

¹ Айрапетов О.Р. Польское восстание в политике Империи в 1863–1864 гг. С. 80.

² Переписка наместников. Т. 3. С. 161.

³ Переписка наместников. Т. 3. С. 60.

⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863-1864. С. 62.

⁵ Максимов А.И. Трансформация политики Российской Империи в отношении Царства Польского в 1861-1864 гг. // Вопросы теории и практики (Scientific-Theoretical and Applied Journal). 2016. № 7 (69). С. 113.

всего аппарата управления в Царстве, состоявшего из поляков. Константин Николаевич пишет по этому поводу императору следующее: «В теперешнюю минуту это была бы совершеннейшая беда, последствия которой были бы неисчислимы. Тотчас после его¹ ухода, в эту минуту, неминуемо бы последовало общее *sauve qui peut*². И Государственный совет, и значительная часть Совета управления тотчас бы убралась»³. Таким образом, наместник оказался заложником системы, созданной его ближайшим соратником. Это понимал и сам Велепольский, шантажировавший великого князя своей отставкой (понимая при этом, что Константин Николаевич вряд ли пойдет на такой шаг). Свое решение удержать Велепольского великий князь описывает следующим образом в своем дневнике (запись от 16 апреля 1863 г.): «После долгой конференции с Бергом и Тенгоборским⁴ решили, что теперь его⁵ отпускать невозможно»⁶. Таким образом, на начальном этапе службы на посту помощника наместника Константин Николаевич оправдывает свои шаги коллегиальностью принятия решений совместно с Бергом (хотя тот фактически просто не препятствует наместнику). В письмах императору, постепенно склонявшемуся, как было отмечено выше, к переходу от политики уступок к более жестким методам подавления восстания, великий князь пытается разделить с Бергом ответственность за неэффективные решения. Например, по поводу попыток оказать давление на католическое духовенство с целью запрещения духовных процессий, носивших явный политический подтекст, великий князь пишет следующее: «Тут гр. Берг, и я, мы старались действовать всеми возможными средствами, и убеждениями, и ласками, потом холодностью и, наконец, угрозами. Ничего не помогало»⁷. Таким образом, великий князь, чувствуя желание императора передать решение польского вопроса в руки Берга,

¹ маркиза.

² Беспорядочное бегство (фр).

³ Великий князь Константин Николаевич – императору Александру II. 16 (28) апреля 1863 г. // Переписка наместников. Т. 3. С. 194.

⁴ Ю.Л. Тенгоборский – управляющий двором великого князя.

⁵ маркиза.

⁶ Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864 г. С. 431.

⁷ Великий князь Константин Николаевич – императору Александру II. 23 апреля (5 мая) 1863 г. // Переписка наместников. Т. 3. С. 202.

старается демонстративно показать императору, что граф, обычно солидаризирующийся с великим князем, также не может найти эффективного способа решения накопившихся проблем.

Однако подобные уловки не могли вечно находить сочувствие у императора. В письме от 3 (15) июня Александр II ясно выразил глубокую неудовлетворенность действиями брата: «Мне нечего повторять тебе, что я вполне верю твоим благим намерениям и умею ценить самоотвержение, с которым ты мне служишь на трудном твоём месте, но этого недостаточно в теперешних критических обстоятельствах. Нужна энергия и неумолимая строгость»¹. Т.е. именно те качества, которыми обладал Берг: по словам Циммермана, его называли «паровой машиной», поскольку «идеи, проекты беспрестанно кипят в нём, но и рассудок также в постоянной работе, умеряет и сдерживает порывы воображения»².

В итоге, с 25 июня (7 июля) 1863 г. маркиз Велепольский был формально отправлен в отпуск, а место маркиза в Совете управления с 2 (14) июля занял Ф.Ф. фон Берг³. В августе 1864 г. фактически был отстранен от должности великий князь Константин Николаевич⁴.

В записке от 21 августа (2 сентября) 1863 г. император следующим образом охарактеризовал желательный политический курс в отношении Польши в новых условиях: «Необходима самая строгая военная диктатура, не на бумаге, а на самом деле. <...> Другого способа для усмирения мятежа и сохранения за нами Царства Польского я не придумаю и рад буду, если мне его укажут»⁵.

К тому моменту опыт М.Н. Муравьева, с мая 1863 г. являвшегося генерал-губернатором в Северо-Западном крае, доказывал эффективность подобной политики. «Система Муравьева» заключалась в соединении репрессивных мер по подавлению восстания с преобразованиями, направленными на усиление всех лояльных государству местных элементов, преимущественно из

¹ Переписка наместников. Т. 3. С. 225.

² ОР РГБ. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 87.

³ Воронин В.Е. Указ. соч. С. 345.

⁴ Максимов А.И. Трансформация политики Российской Империи в отношении Царства Польского в 1861-1864 гг. // Вопросы теории и практики (Scientific-Theoretical and Applied Journal). 2016. № 7 (69). С. 113.

⁵ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 47. Записка (копия) императора Александра II о подавлении восстания в Польше. Л. 1-2.

непривилегированных сословий. Она включала в себя покровительство крестьянам в аграрной сфере, формирование системы образования для низов, а также развитие русского начала и православия на исторических русских землях. Мероприятия данного политического курса проводились с опорой на жесткую кадровую политику, центральное место в которой занимал «интеллигентный» русский чиновник, активно и по своей воле участвующий в реализации такой политики¹.

Как отмечает Ф.А. Гайда, «система Муравьева» была полностью поддержана прогрессивной частью русской высшей бюрократии². Действительно, если к моменту его назначения, по словам князя Н.П. Мещерского, «9/10 официального Петербурга» было против кандидатуры М.Н. Муравьева³, то осенью 1863 г. Александр II следующим образом охарактеризовал плоды его работы: «Все идет хорошо, и я очень хотел бы, чтобы Михаил Николаевич продолжил им начатое»⁴.

Однако в то же время и сам император указывает на сложности реализации подобной политики в Царстве Польском: «Литва находится совсем в других условиях, чем Царство, и что там возможно, то неприменимо к Царству. Хотя оно отчасти справедливо, но в различии этом я не вижу причины, чтобы введение военно-полицейского управления в Царстве было невозможно»⁵. Основная проблема для проведения в Польше политического курса, аналогичного преобразованиям Муравьева, заключалась в том, что в западных губерниях численность поляков составляла не более 6 % от общей численности населения, к тому же, абсолютное большинство польского населения на этих территориях относилось к шляхте (этническими поляками были 85 % помещиков Виленской, 95 % Гродненской, 78 % Ковенской и 94 % Минской губернии)⁶.

¹ Гайда Ф.А. Опыт «системы Муравьева» во внутренней политике России конца XIX – начала XX века // Тетради по консерватизму. 2023. № 4. С. 135.

² Там же.

³ Мещерский Н.П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. М.: Товарищество Типо-литографии Владимир Чичерин в Москве, 1898. С. 8.

⁴ Ананьев С.В. Русификация Северо-Западного края в 60-е гг. XIX в.: особенности имперской политики по обеспечению безопасности в регионе // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 40.

⁵ ГАРФ.Ф. 547. Оп.1. Д. 47. Л. 2.

⁶ Бендин А.Ю. Роль М.Н. Муравьева в русско-польском соре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 248.

Соответственно, большинство жителей этих губерний относилось одновременно к непольскому населению и непривилегированным слоям общества, что позволяло, используя изначально существовавшие на этих территориях этнические, религиозные и социально-экономические противоречия, достаточно быстро превратить непольское население в надежную опору российской администрации, лишив поляков доминирующих позиций в этих губерниях. Сам Муравьев утверждал по этому поводу следующее: «Крамола здесь угаснет, когда паны, как казанские татары, будут продавать халаты и мыло»¹. Как отмечает современный биограф Муравьева П.А. Федосов, Берг во многом использовал опыт виленского генерал-губернатора². В то же время, Наместник значительно модифицировал его «систему». Бергу приходилось действовать непосредственно на этнически польских территориях, т.е. у него не было возможности деполонизировать Польшу и вытеснить полностью поляков на периферию системы государственного управления, как это делал Муравьев. Поэтому достижение политической стабильности в Царстве на деле оказывалось значительно более сложной задачей, чем в Северо-Западном крае, и требовало проведения более тонкой и сбалансированной политики.

Разработка подробностей введения военно-полицейского управления в Царстве возлагалась на Берга³. Основные положения, регламентировавшие учреждение этой системы, содержатся в законе «О военно-полицейском управлении в Царстве Польском».

III-й округ корпуса Жандармов, в ведении которого входило Царство Польское, переходил в непосредственное подчинение назначенному «впредь до восстановления законного порядка» главе полиции Царства – генерал-полицмейстеру Царства (другие жандармские округа возглавлял окружной начальник, находившийся в подчинении у Третьего отделения). Сам же генерал-полицмейстер отчитывался непосредственно перед наместником.

¹ Долбилов М.Д., Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 210.

² Федосов П.А. Жизнь М. Н. Муравьева, 1796–1866: факты, гипотезы, мифы. М.: Нестор-История, 2021. С. 353.

³ ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

Власть в губерниях передавалась начальникам главных военных отделов, а в уездах – военным уездным начальникам с широкими полномочиями, которым подчинялись гражданские власти уездов (при этом гражданские уездные начальники могли быть сменены военными властями).

Отдельно обозначались меры, которые следовало принять незамедлительно, т.е. вне зависимости от фактического учреждения описанной выше системы управления, а именно: «Меры к устройству сельских караулов и постоянных военных объездов и обысков, образование правильных полицейских и жандармских команд в городах, местечках и других значительнейших пунктах, расчищение просеками лесов, служащих притонами для мятежников; строгое взыскание с местных властей и земледельцев за укрывательство людей злоумышленных или подозрительных, а равно за недостаточное охранение дорог, мостов, телеграфов и проч., наконец наложение контрибуций за явное бездействие или послабление при совершении мятежниками убийств, грабежей и других разбойничьих действий»¹.

Количество полицейских в Варшаве увеличилось в 3 раза (стало 3 тыс. человек). Во многом такое увеличение численности состава было достигнуто благодаря призыву в ряды полиции солдат и офицеров регулярной армии. Значительную помощь полиции оказывали сторожа и дворники, в обязанности которых отныне входил опрос всех посторонних лиц, входящих в здание или покидающих его².

Ряд исследователей (например, М.В. Миско, Н.А. Судако) при описании применяемых методов воздействия на польское население делают особый акцент на наиболее жестких репрессивных мерах: если ранее казни производились в цитадели, то теперь они стали происходить на площадях, при большом скоплении народа³. Однако представляется, что карательные меры Берга носили гораздо более

¹ О военно-полицейском управлении в Царстве Польском. 31 декабря 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXVIII. II отделение. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. № 40456. С. 354–358.

² Миско М.В. Польское восстание 1863 года. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 288–289.

³ Миско М.В. Указ. соч. С. 288 ; Судако Н.А. Восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском: меры правительства и оценки российского общества // Сборник материалов конференции «Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: международная научная конференция», г. Новозыбков, Брянская область, 18 мая 2018 г. С. 209.

умеренный характер, чем акции террора повстанцев: если в период наместничества Берга было казнено по суду около 400 человек¹, то только в течение 1863 г. повстанцы убили на территории Царства Польского и Северо-Западного края как минимум 2500 представителей администрации и гражданских лиц², причем, в целях устрашения, публично, без суда и следствия и произвольным порядком, поскольку решение о террористических акциях фактически мог принимать любой повстанческий командир³.

При этом Наместник делал ставку не на жестокость, а на оригинальность и эффективность. Одним из первых шагов Берга по приезду в Варшаву стала казнь пятерых крупных деятелей повстанческого движения в один и тот же день и час на пяти площадях Варшавы, что произвело глубокое впечатление на жителей города. По этому случаю при содействии ксендзов был организован стихийный мемориал в сквере на Краковском предместье, где жители ежедневно зажигали пять свечей в память о повешенных. Узнав об этом, Берг предложил полиции к пяти лампадам ежедневно приставлять от себя еще две или три, чтобы мемориал утратил первоначальное символическое значение. В итоге, расчет графа оправдался, и акция сошла на нет⁴.

Отметим, что Берг не проявлял излишнюю жестокость даже с учетом того, что одной из жертв повстанческого террора мог стать он сам: 19 сентября на графа было совершено покушение. Наместник не пострадал, равно как остались живы его адъютант и казаки, составлявшие конвой наместника. Взрывами гранат был смертельно ранен лишь разносивший газеты мальчик⁵. Как отмечалось выше, Берг сумел проявить милосердие. Трое из пойманных повстанцев были приговорены к повешению, но в итоге приговор был приведен в исполнение только в отношении одного из них: повешенный обвинялся, помимо покушения, в убийстве студента, поэтому на него не распространялось помилование⁶.

¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение. 2020. С. 127.

² Дюков А.Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863-1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи // Белорусский исторический обзор. 2021. № 2 (5). С. 39.

³ Дюков А.Р. Указ. соч. С. 34.

⁴ Андреевский Е.К. К воспоминаниям о графе Ф.Ф. Берге // Русская старина. 1907. № 11. С. 444.

⁵ Устимович М.П. Заговоры и покушение на жизнь наместника его императорского величества в Царстве Польском генерал-фельдмаршала графа Берга. Варшава, 1870. С. 46.

⁶ Анучин Д.Г. Граф Берг. Наместник в Царстве Польском // Русская старина, 1893. № 2. С. 376.

Одним из прямых следствий покушения стало фактическое введение принципа коллективной ответственности за совершенное злодеяние: если полиция находила в здании оружие или лицо, причастное к восстанию, как владелец дома, так и его жильцы должны были быть судимы военным судом. Мастерские на фабриках судились по законам военного времени за производство продукции, признанной военной контрабандой¹. Свидетели преступления, не оказавшие содействие властям в задержании виновных, рассматривались как соучастники преступного деяния и несли ответственность перед военным судом².

Особое внимание Берг уделял мерам экономического воздействия на восставших, следуя сформулированному им следующему принципу: «Зачем напрасные жестокости? Нужно бить по карману, чтобы уничтожить восстание»³. Учитывая то обстоятельство, что главной движущей силой восстания была зажиточная шляхта, эта политика выглядела вполне оправданной. Чтобы отбить у домовладельцев охоту содействовать исполнению планов повстанцев, в случае обнаружения в доме тайника или укрывающегося повстанца, дом вместе со всем его имуществом конфисковался, а на его бывшего владельца налагался крупный денежный штраф. Так была конфискована гостиница в центре Варшавы, где повстанцы совершили убийство. После этого здание использовалось в качестве казармы для русских солдат. Аналогичная политика проводилась также в отношении крупных земельных угодий. В частности, за убийство в одном из польских имений русского жандарма на владельца этого имения был наложен штраф в 25 тысяч рублей. Высокие штрафы были также назначены за порчу телеграфной проволоки. В случае повреждения телеграфа все дворянство и духовенство в радиусе 10 верст облагалось штрафом в половину их состояния. Штраф распространялся и на крестьянство. Вследствие этой крутой меры ни одной телеграфной проволоки перерезано не было⁴. При этом экономические меры дифференцировались: поскольку Варшава рассматривалась в качестве центра

¹ Полиевктов М.А. Берг, Федор Федорович (Фридрих Вильгельм Ремберт) // Русский биографический словарь. Т. 2. / под ред. А.А. Половцова. СПб.: типография Гл. упр. делов, 1900. С. 727.

² Миско М.В. Польское восстание 1863 года. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 288–289.

³ Селиванов В.И. Записки В.И. Селиванова // Русская старина, 1880. Т. 29. С. 864.

⁴ Селиванов В.И. Указ. соч. С. 864.

восстания, то ее жители были обложены 8 % контрибуцией, жители остального Царства выплачивали ее в размере 3 %. Для духовенства, как наиболее радикально настроенной части восставших, ставка составляла 12 %¹.

Кроме того, экономические меры воздействия были предусмотрены и в отношении проявления любых знаков лояльности повстанцам: как было указано выше, наиболее распространенной формой сочувствия в восстанию были траурные одежды в память как павших участников восстания 1863-1864 гг., так и более ранних выступлений, поэтому были установлены штрафы как за ношение траура, так и за перевозку лиц, одетых в такие одежды. Также в целях недопущения укрывательства участников мятежа были установлены денежные взыскания за неточности в прописке новых жильцов².

Главной мерой по стабилизации ситуации в Польше должно было стать решение аграрного вопроса, поскольку в условиях партизанской войны, которую развернули польские революционеры, решающим фактором победы той или иной стороны являлись симпатии самого многочисленного слоя населения – крестьянства. Политика очиншевания, т.е. перевода крестьян с барщины на оброк, проводилась еще во времена Паскевича, но так и не способствовала существенному снижению противоречий на селе к началу нового царствования: в 1859 г. в частных владениях было очиншевано чуть более 40 % хозяйств, хотя и среди них около 40 % составляли владения со смешанными повинностями, где сохранялась барщина³. В целом же, производство сельскохозяйственной продукции возросло в хозяйствах крупных помещиков и состоятельных крестьян, тогда как малоземельные крестьяне не смогли извлечь выгод из реформы и часто разорялись⁴: общее число крестьянских хозяйств с 1846 по 1859 гг. сократилось более чем на 30 тысяч⁵,

¹ Полиевктов М.А. Берг, Федор Федорович (Фридрих Вильгельм Ремберт) // Русский биографический словарь / под ред. А.А. Половцова. Т. 2. СПб.: типография Гл. упр. делов, 1900. С. 727.

² Миско М.В. Указ. соч. С. 289.

³ Носов Б.В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович; Институт славяноведения РАН.М.: Индрик, 2016. С. 188.

⁴ Костюшко И.И. Указ. соч. С. 19.

⁵ История Польши: в 3-х т. Т. 2 / Под ред. И.С. Миллера и И.А. Хренова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 96.

а в 27 имениях произошли крестьянские волнения, подавленные властями¹: во многом они были вызваны тем, что при очиншевании помещики налагали на крестьян непосильные повинности, чтобы вынудить крестьян покинуть занимаемые ими усадьбы, а потому лучшие земли в итоге оказывались у помещика².

Отметим, что осуществление преобразований на селе было во многом возложено на Н.А. Милютину, назначенного в 1864 г. на должность статс-секретаря императора по делам Царства Польского. Непосредственно в Польше главным проводником идей Милютина, находившегося преимущественно в Петербурге, стал его сподвижник по разработке крестьянской реформы 1861 г. князь В.А. Черкасский, занявший пост директора комиссии внутренних дел в Царстве³.

Таким образом, реализация ключевой реформы была поручена представителям либерального лагеря российской бюрократии, в целом представлявшим собой оппозицию наместнику как стороннику более консервативных взглядов. Однако к концу 1863 – началу 1864 г. важность преобразований антишляхетского характера, прежде всего, в аграрной сфере как единственного способа положить конец восстанию осознавалась как либералами, так и консерваторами. На достижение консенсуса в этой сфере указывает сам князь Черкасский относительно Муравьева как главного сторонника жестких мер воздействия на польскую шляхту. В письме к своей жене от 5 (11) октября 1863 г. князь пишет следующее: «Не могу не сказать, чтобы сближение с М.Н. Муравьевым рассеяло или даже хоть сколько-нибудь ослабило мое прежнее мнение об его нравственном характере, но не могу не сказать, что он много выиграл в моих глазах в других отношениях: не говорю о несомненной и огромной услуге, им оказанной России тем, что первый он осмелился отнестись прямо и строго к польскому элементу и ко всем жалким и преступным его проявлениям»⁴.

¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 5. С. 384-385.

² Костюшко И.И. Указ. соч. С. 22.

³ Максимов А.И. Деятельность российской центральной гражданской администрации в Царстве Польском в период реформ 1860-х гг.: дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Брянск, 2012. С. 116.

⁴ ОР РГБ. Ф. 327 (1). К. 35. Д. 1. Дневник Черкасской Е.А за 1862-64 гг. Л. 54.

Ключевые положения реформы содержались в указах от 19 февраля 1864 г. «Об устройстве крестьян Царства Польского»¹ и «О ликвидационной комиссии»² (момент издания был приурочен к трехлетней годовщине Манифеста 19 февраля 1861 г.). О предыдущих шагах царствующего императора в аграрной сфере говорится следующее: законы первых лет царствования «не встретили, к глубокому прискорбию Нашему, со стороны поместного сословия того содействия, без которого успех предпринятых мер был, очевидно, невозможен. Поэтому законы эти не принесли донныне и тех плодов, которых мы вправе были от них ожидать»³. Кроме того, прямо признается ключевая причина появления указа: «Возникшие в последнее время смуты и волнения <...> послужили злонамеренным людям средством <...> подвергать искушению верность их⁴ закону и престолу, и посеять в их умах волнения и тревогу»⁵.

Крестьянские усадебные участки в частновладельческих и казенных имениях поступали в полную собственность крестьян без ограничений по размеру с освобождением от всех без исключения повинностей в пользу владельцев имений и с сохранением права на пользование лесами и пастбищами. Для возмещения владельцам убытков, связанных с освобождением польских землевладельцев, создавалась специальная Ликвидационная комиссия. Помещикам выдавались четырехпроцентные ликвидационные листы, которые должны были быть погашены в течение 42 лет. Величина суммы компенсации вычислялась посредством капитализации суммы, равнявшейся в имениях, где еще сохранялась барщина, двум третям общей стоимости повинностей, в очиншеванных – четвертым пятым чинша. Расходы, связанные с реализацией реформы, компенсировались доходами от т.н. пропинации, т.е. розничной продажи спиртного на крестьянских

¹ Об устройстве крестьян Царства Польского. 19 февраля (2 марта) 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXIX. I отделение. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. № 40609. С. 120-128.

² Указ о Ликвидационной комиссии Царства Польского // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 39. Отделение первое. 1864. СПб., 1867. С. 141-142.

³ Об устройстве крестьян Царства Польского. 19 февраля (2 марта) 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXIX. I отделение. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1865. № 40609. С. 121.

⁴ крестьян.

⁵ Там же.

землях (эти средства передавались непосредственно помещику), поземельного налога с крестьян, увеличения дворского поземельного налога и дворского подымного сбора с помещичьих хозяйств, повышения подымной подати в городах.

С одной стороны, реформа имела значительные положительные последствия. В результате реформы количество находящейся в пользовании крестьян земли увеличилось на 7 %, в т.ч. на 3,7 % за счет собственно крестьянских земель и на 3,3 % за счет казенных. Суммарно крестьянское землевладение охватывало около половины всей пахотной земли¹.

В то же время, реформа не стала кардинальным решением аграрного вопроса в Царстве Польском. Усадьбы с наделом до 3 моргов² составляли 30 %, от 3 до 15 моргов – 40 %, свыше 15 моргов – около трети всех усадеб. Средний размер участка составлял 12 моргов, в отдельных губерниях – 8-20 моргов. При этом крестьяне, площадь участков которых составляла менее 3 моргов земли (а часто и до 6 моргов) вынуждены были становиться наемной рабочей силой у помещиков (таким образом, реформа не удовлетворяла потребности как минимум трети всех крестьян). При этом, как отмечает И.И. Костюшко, преобразования на селе не привели к существенному сокращению количества малоземельных крестьян, в большей степени удовлетворяя потребности растущего рынка наемной рабочей силы³.

Одновременно с крестьянской реформой была реформа местного крестьянского самоуправления. В законе «Об обустройстве сельских гмин в Царстве Польском» вполне прозрачно обозначались причины расширения передачи новых полномочий гминным (общинным) и сельским сходам: «Не осталось никакой уважительной причины сохранять долее за владельцами земли так называемую патримониальную юрисдикцию <...> тем более, что уже и в прежнее время учреждение сие далеко не обеспечивало общественного порядка и строгой справедливости. <...> Мы не сомневаемся, что польские крестьяне, в нынешних

¹ Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском / И.И. Костюшко. М. Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 464.

² Морг – устаревшая единица измерения площади, распространенная в Европе, в том числе Речи Посполитой. Составляла около 0,56 Га.

³ Костюшко И.И. Указ. соч. С. 464–465.

смутных обстоятельствах обнаружившие свой здравый смысл и свое уважение к законной власти, оправдают наше к ним доверие»¹. В состав сельской гмины входили крестьянские деревни и колонии, а также помещичьи владения (ст. 4). Заведывание общественными делами поручалось общественному сходу. В гминном сходе не имели права участвовать местные мировые судьи, представители духовенства, полицейские, а также осужденные и находящиеся под надзором полиции. В ведении схода находились такие вопросы, как выборы должностных лиц общины (прежде всего, ее главы – гминного войта), вопросы образования (учреждения гминных училищ), финансовые вопросы, касающиеся сборов и повинностей, распоряжение общественным недвижимым имуществом, сохранение общественного порядка (это было главной обязанностью войта). Гмина обладала и судебной властью: гминному суду были подсудны дела со стоимостью иска не более тридцати рублей серебром (ст. 47). При этом приговоры гминного суда обжалованию не подлежали (ст. 54). Отметим, что войт в рамках исполнения данной обязанности имел право наложения ряда санкций: он мог подвергать аресту на 48 часов, налагать штрафы до одного рубля серебром, назначать общественные работы. Гминные должностные лица обладали определенной независимостью от местных властей: войты и лавники (судьи) могли быть, по общему правилу, отстранены от должности лишь губернатором, а не уездными властями (уездный начальник мог в отдельных случаях отстранить упомянутых должностных лиц лишь на месяц) (ст. 78–79).

Учреждение гминного самоуправления имело неоднозначные последствия. С одной стороны, реформа носила однозначно прогрессивный характер. Если по закону 1818 г., впервые затронувшему осуществление власти в гмине, управление ею сосредотачивалась в руках помещика (именно он всегда был гминным войтом), то теперь фактические возможности шляхты по осуществлению полицейской власти на низовом уровне были существенно ограничены. Кроме того, была создана система судебной власти на селе, осуществлявшаяся фактически самими крестьянами (выбранными ими должностными лицами), что подготовило основу

¹ Об устройстве сельских гмин в Царстве Польском. 19 февраля (2 марта) 1864 г. № 40610 // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXIX. I отделение. СПб.: Печатано в Типографии II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. С. 128.

для введения действия на территории Царства Польского Судебных уставов 1864 г.¹ В то же время, судебная власть в гмине не была фактически отделена от исполнительной, что не способствовало формированию полноценной системы сдержек и противовесов на низовом уровне. Один из минусов заключался также в том, что средства, поступавшие для финансирования функционирования гминного управления, расходовались на практике крайне нерационально: две трети шли на содержание управленческого аппарата, и только треть – на решение собственно задач, находившихся в ведении гмины. В итоге, гмины оставались без больниц, пожарных частей, богаделен и приютов². Таким образом, идеи, лежавшие в основе закона 1864 г., носили прогрессивный характер, но реализация положений этого нормативно-правового акта на практике оставляла желать лучшего.

Тем не менее, несмотря на значительные недостатки преобразований в аграрной сфере, основная цель – стабилизация политической обстановки в Царстве с опорой на крестьянство как самое многочисленное сословие – была достигнута.

Реализация положений крестьянской и гминной реформ, а также других преобразований в условиях мирного времени потребовала создания новых административных органов. Непосредственно в самом Царстве Польском за проведение реформ гражданского управления отвечал Учредительный комитет. В его состав входили наместник, являвшийся председателем, назначенные императором постоянные члены, а также непостоянные, если обсуждавшиеся вопросы касались их сферы ведения. Все законодательные предложения, в том числе и выработанные в Учредительном комитете, рассматривались в Петербурге в Комитете по делам Царства Польского, учрежденного по инициативе Н.А. Милютина в 1864 г. В его первый состав наряду с самим Н.А. Милютиным входили высшие сановники империи – председатель Комитета министров П.П. Гагарин, главноуправляющий 2-го отделения С.Е.И.В. Канцелярии В.Н. Панин, председатель Департамента государственной экономии К.В. Чевкин, министр внутренних дел П.А. Валуев, министр государственных имуществ

¹ Ульянов Н.О. О природе гминных судов в Царстве Польском // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2015. № 9. С. 33.

² Гмина // Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон ; [под редакцией профессора И.Е. Андреевского]. Т. VIIIА. СПб: типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон», 1893. С. 934.

А.А. Зеленой, статс-секретарь императора С.М. Жуковский, министр-статс-секретарь Царства польского В.П. Платонов. Для разработки деталей преобразований, инициированных по личному указанию императора, была также создана в 1866 г. С.Е.И.В. Канцелярия по делам Царства Польского: выработанные в ней предложения отправлялись обычно на рассмотрение в Комитет по делам Царства Польского, а затем возвращались императору для утверждения¹.

Отметим, что уже состав Учредительного комитета таил в себе почву для противоречий, которые были не так заметны во время острой фазы политического кризиса, связанного с восстанием, но все больше проявлялись по мере перехода к мирной жизни. С одной стороны, в состав комитета входили соратники Милютина по разработке реформы 1861 г. – А.И. Кошелев, В.А. Черкасский, Я.А. Соловьев² (к числу участников реформы можно отнести и В.А. Арцимовича, который реализовывал ее положения в должности калужского губернатора). С другой стороны, Берг сумел настоять на включение в комитет своих кандидатур – бывшего подольского губернатора Р.И. Брауншвейга и генерала В.И. Заболоцкого, активно проявившего себя в ходе подавления польских манифестаций³. Кроме того, в комитет входил и генерал-полицмейстер в Царстве Ф.Ф. Трепов, также пользовавшийся поддержкой Берга и характеризовавшийся последним в качестве единственного верного ему человека⁴.

Тем не менее, несмотря на видимую неоднородность кадрового состава российской администрации, говорить о четком разделении руководства на две «партии» в Царстве было бы не совсем точным. Во-первых, состав этих двух лагерей претерпевал изменения: А.И. Кошелев и В.А. Арцимович впоследствии разойдутся во взглядах с В.А. Черкасским и Я.А. Соловьевым, склоняясь к идее необходимости налаживания взаимодействия с польской шляхтой после подавления восстания⁵.

¹ Максимов А.И. Деятельность российской центральной гражданской администрации в Царстве Польском в период реформ 1860-х гг. С. 67.

² Максимов А.И. Положение российского реформатора в Царстве Польском в 1864 г. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. № 5. С. 26.

³ Максимов А.И. Там же.

⁴ ОР РГБ. Ф. 327. К. 31 Д. 1. Переписка Н.А. Милютина с кн. В.А. Черкасским, 1865 г. Письмо В.А. Черкасского Милютину от 10 февраля (3 марта) 1865 г. Л. 51.

⁵ Кретов В.А. Указ. соч. С. 100-101.

Во-вторых, как отмечает сам Черкасский, «в Царстве Польском всякий Наместник (кто бы он ни был) есть по самому существу своему отъявленный сепаратист, служитель местных интересов в ущерб общим интересам Империи»¹. Иными словами, князь не может не признать тот факт, что наместник, вне зависимости от конкретного лица на данном посту, даже будучи по должности проводником российских интересов в крае, в любом случае вынужден идти на компромиссы с местным населением для поддержания политической стабильности.

Наиболее напряженными эпизодами борьбы между «милютинцами», стремившимися ускорить интеграцию Царства в политико-административное и экономическое пространство империи, и наместником, стремившимся придать преобразованиям более умеренный характер, стали монастырская и административная реформы.

Католическое духовенство было одним из главных участников восстания, поэтому в качестве наиболее действенной меры воздействия на него было избрано закрытие католических монастырей. Наиболее горячим сторонником проведения данного мероприятия стал глава лагеря «милютинцев» в Царстве князь В.А. Черкасский. О том, что Берг серьезно рассматривал эту инициативу, свидетельствует то, что, по словам самого Черкасского, именно наместник распорядился собирать предварительную информацию о монастырях². И действительно, была проведена кропотливая работа в этом направлении: по словам В.А. Черкасского, он и его сотрудники «соорудили целую монографию, со всеми возможными *pieces*³, *justifications*⁴, – всего листов 40⁵». Однако мнения наместника и «милютинцев» по поводу осуществления самого закрытия разошлись. Как следует из переписки Милютина и Черкасского, Берг противился массовому закрытию монастырей: князь опасался, что при подобном настрое

¹ ОР РГБ. Ф. 327. К. 31 Д. 1. Переписка Н.А. Милютина с кн. В.А. Черкасским, 1865 г. Письмо В.А. Черкасского Н.А. Милютину от 15 (27) февраля 1865 г. Л. 45.

² ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2 «Переписка Николая Алексеевича Милютина с Черкасским кн. Владимиром Александровичем, 1864 г.». Л. 62.

³ Частями (фр.).

⁴ Обоснованиями, объяснениями (фр.).

⁵ ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2 «Переписка Николая Алексеевича Милютина с Черкасским кн. Владимиром Александровичем, 1864 г.». Л. 91.

наместника «дело остановится на первых 10 монастырях»¹. Сам же Черкасский был сторонником единовременного закрытия подавляющего числа монастырей². В итоге, было принято решение «упразднить все монастыри, где менее 8 монахов или монахинь (под это подойдут 80 или 90 монастырей); потом закрыть теперь же все те, которые замешаны в мятеже»³.

Оперативность исполнения акции дала нужный эффект: как отмечал В.А. Черкасский, монахи были «очевидно ошеломлены». <...> Если бы мы дали день или два на сборы, то мы бы наделали себе бед»⁴. Реакция большей части католического духовенства была достаточно спокойной: ксендзы, служившие при костелах, были даже благодарны, что аналогичные санкции не коснулись их, более того, многие представители белого духовенства выражали неприкрытую радость, поскольку традиционно с неприязнью относились к монашеству⁵. А закрытие монастырей ордена фелицианок вызвало положительные эмоции и у представителей прекрасного пола: как отмечал Черкасский, «матери многие, к коим вернулись дочери, очень рады и довольны, некоторые благодарили слезно»⁶.

Значительные противоречия вызвало проведение административной реформы. По мнению князя В.А. Черкасского, система управления Царством отличалась чрезмерной централизацией власти в Варшаве. Данная тенденция проявлялась в том, что губернаторы не имели права самостоятельно осуществлять назначения лиц, имеющих чин выше IX класса, что, как утверждает князь в письме Н.А. Милютину, приводит к «ограничению их власти во всех личных вопросах до нуля»⁷. Кроме того, князь оценивал негативно и практику осуществления хозяйственных полномочий по утверждению смет, подрядов и пр. в канцеляриях центральных органов Царства, а не в губернских правлениях⁸. Эти обстоятельства

¹ ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2 «Переписка Николая Алексеевича Милютинина с кн. Черкасским Владимиром Александровичем, 1864 г.». Л. 73.

² Там же.

³ ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2 «Переписка Николая Алексеевича Милютинина с Черкасским кн. Владимиром Александровичем, 1864 г.». Л. 91.

⁴ Князь В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 17 (29) ноября 1864 года // ОР РГБ, Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 220.

⁵ Князь В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 24 ноября (6 декабря) 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 228.

⁶ Князь В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 12 (24 декабря) 1864 года // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 259.

⁷ В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 12 (24) сентября 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 401.

⁸ Там же.

приводили, с точки зрения В.А. Черкасского, к бессилию и безответственности власти на местах и произволу центральных властей, «незнакомых ни с низшими должностными лицами, ни с местными обстоятельствами»¹.

Такое положение, по мнению князя, приводило к необходимости проведения административной реформы, настоящей целью которой было бы «подготовить дело к постепенному впоследствии полному слиянию здешнего края с Россией с полным подчинением его центральным властям Империи»².

Признавая необходимость административных преобразований, Берг фактически выступал за сохранение сильной фигуры Наместника. Он соглашался передать губернаторам право назначения чиновников IX класса, однако в то же время не желал мириться с закреплением значительных полномочий за Комиссией внутренних дел, которую возглавлял Черкасский. Поэтому он предлагал лишить Комиссию права назначать уездных начальников, а также передать ей в подчинение лишь часть нижних жандармских чинов, оставив другую в ведении жандармских офицеров³. В принципе, желание Берга не допускать чрезмерного усиления Комиссии и ее главы понятно: Черкасский последовательно выступал за полное упразднение должности Наместника и введения вместо него «двух новых генерал-губернаторов Варшавского и Брест-Литовского»⁴. По мысли князя, центральным властям империи гораздо легче было бы контролировать двух чиновников, чем одного полновластного наместника («сатрапа», по выражению Черкасского), обладающего значительным политическим весом⁵. В качестве объяснения отстаивания Бергом принципа наместничества князь приводит лишь субъективные причины личного характера, касающиеся властолюбия Берга и желания сохранить за собой 100 тысяч рублей годового содержания⁶. Однако представляется, что позиция Берга имела и объективные основания: непосредственно перед назначением на пост наместника он имел возможность

¹ Там же.

² В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 12 (24) сентября 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 403.

³ В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 12 (24) сентября 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 403.

⁴ В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 12 (24) сентября 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 413.

⁵ В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 12 (24) сентября 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 413; Л. 417.

⁶ В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 18 (30) мая 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 266; В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 24 июня (8 июля) 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 288.

убедиться в неэффективности ослабления центральной вертикали власти при тандеме великого князя Константина Николаевича и маркиза Велепольского, в тот момент выразившегося в разделении военного и гражданского управления. Поэтому фигура сильного наместника выглядела гарантией политической стабильности в Царстве.

В итоге, административная реформа содержала следующие положения. Количество губерний было увеличено с пяти до десяти. Полномочия губернаторов были расширены: они получили право назначать и отстранять от должности чиновников уездных и губернских управлений, осуществлять контроль за взысканием податей, назначать следствие над обвиненными в беспорядках. Кроме того, для обеспечения общественного порядка они получали в свое подчинение земскую стражу, образованную из городской полиции и уездных жандармских команд¹. Пост наместника при этом сохранялся вплоть до смерти Берга, чему способствовал его политический авторитет. С упразднением этой должности вся полнота власти на территории Царства была передана варшавскому генерал-губернатору. В официальной же документации постепенно сходит на нет и сам термин «Царство Польское»: формально он остается, но фактически все чаще используется новое наименование этой территории – Привислинский край².

Отметим, что в целом, как было показано выше, ключевые идеи реформаторов из лагеря «милютинцев» претворялись в жизнь при проведении важнейших преобразований. Во многом это было связано с тем, что последнее слово в вопросах утверждения тех или иных проектов оставалось за центральными учреждениями, прежде всего, Комитетом по делам Царства Польского, где у Милютина, находившегося преимущественно в Петербурге и входившего в ближний круг сподвижников императора, было больше возможностей отстаивать свою точку зрения. Кроме того, по некоторым вопросам мнения Милютина и Берга совпадали. Так, например, при строительстве Смоленско-Брестской железной

¹ Высочайше утвержденное Положение о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского, 19 (31) декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том. XLI. Отделение второе. 1866. СПб., 1868. С. 426-450.

² Ананьев С.В. Указ. соч. С. 31.

дороги, которая должна была быть соединена с польской Варшавско-Тереспольской, изначально существовало два варианта маршрута: Бобруйск-Пинск, поддержанный министром путей сообщения П.П. Мельниковым, и Минск-Слоним. Берг, как и Н.А. Милютин и Э.И. Тотлебен, выступили за второй вариант: действительно, Минская губерния с большей вероятностью могла стать будущим театром военных действий, чем малонаселенный и труднопроходимый район полесских болот¹.

Но при всем том немаловажной причиной доведения проектов реформаторов до стадии реализации обуславливалось и тем, что позиция Берга была в большей степени ориентирована не на противодействие реформам, в целом поддерживаемым наместником, а лишь на смягчение хода их претворения в жизнь с целью не нарушать состояние политической стабильности в крае. В частности, Черкасский ходатайствовал о введении русского языка в делопроизводство возглавляемой им Комиссии внутренних дел. Берг поддержал инициативу, но, как отмечает сам князь в письме к Н.А. Милютину, «с одним лишь изменением, что разрешает мне просимое введение русского языка в части внутреннего делопроизводства самой Комиссии только в виде опыта, – с тем, чтобы я через 3 месяца донес о результатах»². В деле о монастырях, как отмечалось выше, Берг сам инициировал сбор информации о католических обителях, однако запретил командировать чиновников в объезды по провинциальным монастырям, «дабы не возбудить излишних толков» с учетом того, что значительную часть информации можно было получить в самой Варшаве (с чем в итоге согласился и сам В.А. Черкасский)³.

Отметим, что осторожность наместника в вопросах проведения реформ сопровождалась видимой демонстрацией лояльности первого лица российской администрации в Царстве полякам после подавления восстания. Например, Черкасский в письме Милютину указывает на то, что на заложенной

¹ Жихарев С.Б. Строительство и начало эксплуатации Московско-Брестской железной дороги в 70-е гг. XIX в. // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2010. № 6. С. 105-106.

² В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 2 (14) мая 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 24.

³ В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 14 (26) мая 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 63.

при строительстве Варшавско-Тереспольской железной дороги памятной доске была только польская надпись, но не было русской¹. Черкасский отмечает и внимание наместника к польской шляхте: «Два дня кряду Наместник угощает у себя польских панов; вчера были, кажется, одни поляки; сегодня я один русский среди сонма других поляков»². Подобная показная благосклонность к польской элите в мелочах дала свои плоды: на фоне инициатив «милютинского» лагеря Наместник, совсем недавно жесткими мерами положивший конец восстанию, в глазах польской общественности выглядел не карателем, а защитником польских интересов. При этом лояльность к полякам никогда не выходила за границы необходимой умеренности. Это особенно было заметно в отношении кадровой политики. В.А. Черкасский жалуется на то, что «граф Берг и местные власти сочли долгом мне рекомендовать десяток чиновников, из коих 2/3 поляков»³, однако при этом на наиболее ответственные должности – посты губернаторов, вице-губернаторов, уездных начальников, руководителей губернских канцелярий – назначались преимущественно лица русского происхождения⁴.

Таким образом, в условиях невозможности проведения политики русификации Царства Польского, подобной той, которая реализовывалась в Северо-Западном крае, Ф.Ф. фон Берг сумел обеспечить баланс между интересами российской администрации и польского населения, а также мирную интеграцию Царства в политико-административное пространство Российской империи. Созданная при Берге ситуация политической стабильности сохранялась более 30 лет: крупных волнений в Польше не было до Первой русской революции.

В конце жизни, как и на протяжении всей карьеры, наряду с административными способностями Берга оказались востребованными и его дипломатические таланты. Завершившаяся в 1871 г. франко-прусская война кардинально изменила баланс сил в Европе. По мнению главы прусского

¹ В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 18 (30) мая 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 237.

² В.А. Черкасский – Н.А. Милютину от 21 мая (2 июня) 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 82.

³ В.А. Черкасский – Ю.Ф. Самарину от 21 марта (2 апреля) 1864 г. // ОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 137.

⁴ Ананьев С.В. Русская администрация в Царстве Польском: некоторые аспекты обеспечения государственной и общественной безопасности (1860-1870-е гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». .2025. № 1. С. 29.

Генерального штаба Х. фон Мольтке (Старшего), позитивный характер прусско-российских отношений коренился в «совместной борьбе против французского доминирования»¹. Такие факторы, как ослабление главного общего противника, а также само образование Германской империи, пошатнувшее позиции России как арбитра в Центральной Европе², могли привести к желанию России восстановить баланс сил и сделать возможным союз России и Франции³. Чтобы воспрепятствовать этому, прусская сторона начинает активно искать пути заключения союза с Россией.

В 1873 г. в Петербурге в ходе официального визита Вильгельма I и О. фон Бисмарка была заключена Российско-германская военная конвенция. С германской стороны она была подписана Х. фон Мольтке, с российской – Ф.Ф. фон Бергом. Немецкое происхождение, длительный опыт службы в военной и дипломатической сферах, а также занятие на протяжении 20 лет ключевого поста в Польше, традиционно выступавшей в качестве поля для сотрудничества России и Пруссии, делало кандидатуру Берга идеальной для такой миссии.

Согласно конвенции, в случае нападения на одну из сторон третьей державы другая сторона обязывалась выставить ей в помощь 200-тысячную армию. При этом Германия настояла на том, что документ будет иметь силу лишь в случае присоединения к нему Австро-Венгрии. Вскоре была заключена российско-австрийская конвенция, к которой присоединилась Германия. Таким образом, Петербургская конвенция положила начало австро-германо-русскому союзу, который, однако, просуществовал недолго. Прошедший по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Берлинский конгресс, значительно ухудшивший для России предварительные условия Сан-Стефанского договора, а также введение Германией в 1879 г. пошлин на российский хлеб нанесли непоправимый удар по российско-германскому сотрудничеству. Попытки его

¹ Moltke Helmuth von. *Ausgewählte Werke Moltke, Helmuth von*. Bd. 3: *Feldherr und Kriegslehrmeister / Generalfeldmarschall Graf von Moltke*; Hrsg. von F. von Schmerfeld. Berlin: Hobbing, 1925. S. 75.

² Власов Н.А. «Война против России, даже победоносная, будет...нежелательным событием». Оценка Российской империи высшим военно-политическим руководством Германии в 1871-1890 гг. как потенциального противника // *Военно-исторический журнал*. 2022. № 4. С. 62.

³ *Ibid.* S. 93.

восстановления фактически были прекращены с момента ухода О. фон Бисмарка в отставку в 1890 г. Тем не менее, можно говорить о том, что Берг поспособствовал началу нового этапа в российско-германских отношениях.

Скончался Ф.Ф. фон Берг 6 января 1874 г. в Петербурге. Официальных детей у генерал-фельдмаршала не было, и графское достоинство было передано его племянникам. Как отмечал видевший его незадолго до кончины Д.А. Милютин, граф, которому на тот момент было уже почти 86 лет, был абсолютно здоров и в совершенно здравом рассудке, сохраняя присущую ему живость и энергию¹. Таким образом, вплоть до самой смерти генерал-фельдмаршал продолжал служить России, как однажды сказал про него Н.В. Берг, «за 50 Бергов, по крайней мере»².

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 – начало 1873 гг. М., 2007. С. 580.

² Берг Н.В. Польское восстание в 1863 г. // Русская старина. 1879. № 5. С. 77.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ф.Ф. фон Берг был классическим представителем поколения участников Отечественной войны 1812 г., которым, по словам М.И. Цветаевой, «все вершины были малы»¹: за 62-летний период государственной службы он не только прошел карьерный путь от юнкера до генерал-фельдмаршала, высшего военного чина по Табели о рангах, но и ярко проявил себя в разных сферах государственного управления – прежде всего, как военный и региональный администратор.

Гражданское университетское образование, обеспечившее широкий кругозор, боевой опыт, закаливший характер и волю, остзейское происхождение, обусловившее воспитание в полиэтничном окружении, – все эти факторы способствовали формированию универсального государственного деятеля, способного быстро находить эффективные решения сложных проблем государственного управления в условиях службы в мультикультурной и поликонфессиональной среде.

Особенно нужным этот талант Берга оказался на национальных окраинах Российской империи. В александровскую эпоху Берг, успевший за короткое время зарекомендовать себя в качестве успешного военного разведчика, был направлен в Оренбургский край – стратегически важный многонациональный фронт Империи.

В XVIII-XIX вв. предпринимались попытки реализации целого комплекса проектов в Оренбуржье, направленных на интеграцию Киргиз-Кайсацкой степи в политическое пространство Российской империи. В силу особого геополитического значения Оренбургского края разработка и проведение подобных масштабных мероприятий поручались лицам, прошедшим максимально строгий отбор. При этом служба в сложных условиях Оренбургского края в дальнейшем позволяла им переходить на аналогичные должности в региональных структурах системы государственного управления в Центральной России или в высших государственных учреждениях. Кандидатура Ф.Ф. фон Берга, обладавшего

¹ Цветаева М.И. Генералам двенадцатого года / Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Кн. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Терра; Книжная лавка – РТР, 1997. С. 194.

к моменту направления в Оренбургский край значительным военным и дипломатическим опытом, хорошо подходила для выполнения наиболее ответственных поручений в крае в условиях обострения как внутривосточной борьбы в степи, так и внешнеполитической ситуации в Центральной Азии. Он активно участвовал в разработке «Утвержденного мнения Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем», а также реализации важнейшей части административной реформы в Младшем жузе – делимитации пространства степи с учетом сложившихся там родоплеменных связей. Впоследствии именно результаты проведенных в 1824 г. административно-территориальных мероприятий позволили уменьшить влияние традиционной чингизидской верхушки на жизнь кочевого социума, способствуя политической интеграции степи в имперское пространство.

Практика показала, что большая часть управленческих методов, применявшихся в XVIII столетии, показала низкую эффективность в вопросе стабилизации внутривосточной ситуации в степи и, прежде всего, прекращения набегов на российские территории, а также захвата русских пленников с целью дальнейшей продажи на рабовладельческих рынках Средней Азии. По этой причине военные акции становятся важным элементом российской политики в регионе. Экспедиция, проведенная под руководством Берга в 1825–1826 гг., имела большое научное значение. Впервые было произведено физико-географическое описание территорий, лежащих к востоку от реки Урал. Несмотря на то, что сугубо военные успехи данной акции носили ограниченный характер, опыт экспедиции Берга использовался при подготовке следующей крупной военно-политической акции России в этом регионе – Хивинского похода В.А. Перовского.

Служба в сложных условиях Оренбургского края, своеобразного «полигона» для отработки различных управленческих практик на окраинных территориях и «кузницы кадров» для различных уровней системы государственного управления, обеспечила Бергу дальнейший карьерный рост. Во время Русско-турецкой войны в значительной степени благодаря ему было составлено топографическое описание

будущего театра военных действий в придунайском регионе. В ходе осады Силистрии – стратегически важного пункта обороны турок, открывавшего кратчайший путь от Нижнего Дуная к Стамбулу, – Берг, участвуя в переговорах с командующим этой крепости, существенным образом поспособствовал ее сдаче русским войскам.

Во время подавления Польского восстания 1831 г. Берг выполнял задачу по интернированию польского корпуса под командованием Ю. Дверницкого с территории австрийской Галиции. Миссия Берга осуществлялась в условиях одновременно русско-австрийского сотрудничества, необходимого для стабилизации политической обстановки в разделенной Польше, и соперничества России и Австрии в борьбе за влияние в этом регионе. Переговоры с австрийскими властями оказались частично успешными: военное имущество восставших было возвращено России несмотря на то, что сам корпус и его командующий остались на австрийской территории. Представляется, что большего Берг и не мог бы добиться в условиях стремления Австрии привлечь на свою сторону любыми средствами симпатии галицийских поляков. Значительно успешнее оказались переговоры о капитуляции Варшавы с президентом польского Национального правительства Я. Круковецким и главнокомандующим польской армией М. Рыбинским, в ходе которых Ф.Ф. фон Бергу удалось выиграть время для того, чтобы, во-первых, не позволить соединиться корпусу Д. Раморино с силами Рыбинского, а с другой – дать возможность русской армии решить вопросы со снабжением и подготовиться к нанесению решающего удара по восставшим.

Наиболее важным с точки зрения вклада Берга в решение проблем государственного управления в военной сфере в это время стал период его нахождения на посту генерал-квартирмейстера Главного штаба (1843–1855). Берг прилагал значительные усилия по созданию в России централизованной системы сбора и обработки разведывательных данных о военном потенциале иностранных государств, однако по ряду объективных причин (прежде всего, в силу отсутствия у главных геополитических соперников аналогичных органов и невозможности существенно увеличить штат военных агентов) идеи Берга,

опережавшие время, в тот период не были реализованы, хотя могли дать России стратегическое преимущество в ходе будущей Крымской войны. Тем не менее, оказалась востребованной его инструкция по сбору сведений о военном потенциале зарубежных держав.

Во время Венгерского похода русской армии 1849 г. на долю Берга вновь выпало исполнение дипломатической миссии – обеспечения взаимодействия русской и австрийской Главных квартир. Деятельность Берга в Венгрии осуществлялась на фоне глубоких политических противоречий, раздиравших многонациональную Австрийскую империю: австрийцы, венгры и представители славянских народов не желали идти на компромиссы в целях стабилизации системы государственного управления. Кроме того, в стратегическом плане Россия и Австрия оставались геополитическими соперниками как на Балканах, так и в Польше, поэтому помощь России по подавлению восстания не могла способствовать долговременному улучшению русско-австрийских отношений. Сама же миссия Берга осложнялась не только недоверием, которое испытывало друг к другу руководство двух стран, но также соперничеством и взаимными антипатиями командующих русскими и австрийскими силами. Кроме того, играло определенную роль и личное неприязненное отношение Паскевича к Бергу, что также не могло благоприятно сказаться на успешном завершении деятельности последнего как посредника.

Во время Крымской войны Берг внес значительный вклад в срыв замыслов союзного командования по ведению боевых действий на Балтике в качестве члена Комитета по обороне Балтийского побережья и председателя Комитета об издании инструкций комендантам крепостей. Прежде всего, ему удалось добиться признания необходимости укрепления фортификационных сооружений Ревеля. Кроме того, благодаря его усилиям были усовершенствованы системы обороны других стратегически важных пунктов Балтийского побережья. В то же время, анализ документов внешнеполитического планирования, связанных с деятельностью Берга, позволил выявить недостаточную эффективность системы оценки внешнеполитических рисков, существовавшей в тот момент: были недооценены такие угрозы национальной безопасности, как усилившаяся в

результате конфликта вокруг Варангер-фьорда антироссийская активность Норвегии, находившейся в составе унии со Швецией, но фактически обладавшей собственным внешнеполитическим весом, экономическая зависимость Швеции от Великобритании, а также личная антироссийская позиция нового шведского короля Оскара I. Тем не менее, недостаточно точная оценка позиций главных внешнеполитических игроков в регионе не привела к катастрофическим последствиям во многом по той причине, что эффективность мер по укреплению Бергом балтийского побережья смогла оказать на противника необходимый сдерживающий эффект¹.

Дипломатический талант Берга, заключающийся в нахождении баланса интересов разных этнических групп при проведении в т.ч. и внутренней политики оказался крайне востребованным в эпоху Великих реформ. К моменту назначения Берга на пост генерал-губернатора в Великом княжестве Финляндском местное население было знакомо с различными практиками управления, применявшимися предшественниками Берга. Находившийся в течении более 20 лет на этом посту А.С. Меншиков в своей управленческой практике использовал тактику «бархатной перчатки на железном кулаке»: он выполнял свои служебные обязанности удаленно из Петербурга и демонстративно подчеркивал значение финляндских государственных институтов – сената и статс-секретаря, что успешно создавало в финляндском обществе иллюзию невмешательства генерал-губернатора во внутренние дела Великого княжества. Между тем, пользуясь своим положением доверенного лица императора, он имел возможность обсуждать ключевые вопросы финляндской политики напрямую с главой государства, не вызывая при этом раздражения финляндского дворянства.

Берг появляется в Финляндии на пороге Великих реформ. При нем в княжестве происходят активные преобразования как экономического, так и политического характера вполне в духе эпохи: строятся новые транспортные коммуникации (прежде всего, Сайменский канал), вводятся льготные таможенные

¹ Сенин А.В. Записка Ф.Ф. Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года»: анализ международной обстановки на Балтике в 1855–1856 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 109. С. 107.

тарифы, значительно повысившие конкурентоспособность финляндской продукции на российском рынке даже в ущерб отечественным производителям, снимается запрет на строительство паровых, наиболее современных на тот момент, лесопилок, что приводит к буму ключевой для финляндской экономики отрасли промышленности – деревообрабатывающей. Кроме того, именно при нем создается специальная комиссия, занимавшаяся подготовкой созыва сейма – впервые за 50 лет (до этого аналогичное событие имело место в 1809 г.). Однако в итоге политика Берга не находит понимания у финляндцев. На посту генерал-губернатора в Великом княжестве Финляндском длительный опыт службы в условиях слабой институционализации системы управления сказался на взаимодействии Берга с местной управленческой элитой. С одной стороны, сыграл роль активный стиль управления Берга: его кипучая деятельность создавала впечатление чрезмерного усиления политической фигуры генерал-губернатора в ущерб финляндским государственным институтам, что фактически не соответствовало действительности. По сравнению с Меншиковым, генерал-губернатор действовал слишком прямолинейно, а потому и не смог встроиться в жестко институционализированную региональную систему управления.

Кроме того, подозревая высшие слои финляндского общества в нелояльности к России (как выяснилось из донесений личной агентуры Берга, небеспочвенно), генерал-губернатор стремился опираться в своей политике на финноязычное население (создавались финноязычные школы, начали выходить периодические издания на финском языке), что вызвало резкое противодействие у дворянства шведского происхождения – политической элиты Великого княжества, конфликт с которой вынудил Берга покинуть пост генерал-губернатора.

Пиком карьеры Берга становится назначение на пост наместника в Царстве Польском в 1863 г. К тому моменту политика уступок польской шляхте, воспринимавшаяся ею как слабость российской администрации, привела к восстанию 1863–1864 гг. В условиях неспособности прежней администрации в лице тандема великого князя Константина Николаевича и маркиза Велепольского положить ему конец, а также обострения внешнеполитической обстановки Бергу

на первых порах пришлось прибегнуть к репрессивной политике в отношении шляхты, на практике выражавшейся преимущественно не в карательных мерах, а экономических санкциях по отношению к участникам восстания. Ключевой мерой по стабилизации политической обстановки в Царстве стало проведение аграрной реформы, в ходе которой крестьяне в частных и казенных имениях становились полными собственниками находившейся в их пользовании земли. Дополнившая ее гминная реформа положила конец патримониальной власти помещика в польском селе.

Разработка вышеупомянутых и последующих преобразований гражданского управления по решению императора в значительной мере была доверена Н.А. Милютину и его соратникам, принимавшим активное участие в осуществлении крестьянской реформы 1861 г. Несмотря на то, что по поводу аграрной и гминной реформ Бергу и «милютинцам» удалось прийти к консенсусу, иные преобразования, ключевыми из которых были монастырская и административная реформы, вызвали противоречия между наместником и «партией» Милютина. Однако в работе было показано, что они возникали в большей степени по поводу не сути самих нововведений, а хода их претворения в жизнь (за исключением вопросов, касавшихся полномочий самого наместника: их сохранение выглядело гарантией стабильности вертикали власти в политически нестабильной Польше). Условия Царства были отличны от ситуации, сложившейся в соседнем Северо-Западном крае: Берг не мог делать ставку на ускоренную деполонизацию при проведении преобразований на территориях с преобладанием этнически польского населения. По этой причине Берг был вынужден после подавления восстания идти на компромиссы с местной элитой и придавать умеренный характер инициативам «милютинцев», что вызывало негативную реакцию последних. Кроме того, большая часть уступок Берга носила в значительной степени демонстративный характер и была ориентирована на создание позитивного образа российской власти в глазах польского населения, что при этом не препятствовало реализации основных идей «партии» Милютина. Данная тактика принесла позитивные плоды: интеграция польских земель в

политико-административное пространство Российской империи в процессе постепенного упразднения наместничества прошла мирно. Политика, проведение которой началось при Берге, привела к стабилизации политической ситуации в Царстве: крупных выступлений в крае не было до событий Первой русской революции.

В целом, политическая биография Ф.Ф. фон Берга фактически отражает эволюцию системы государственного управления России XIX столетия. В условиях ее слабой институционализации в начале своей карьеры Берг-администратор своей деятельностью компенсировал отсутствие ее отдельных звеньев. На заключительном же этапе своей государственной деятельности он превратился в политическую фигуру, которая, будучи одним из элементов этой значительно эволюционировавшей системы, лишь обеспечивала ее стабильное и гармоничное функционирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Архивные источники****Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)**

1. Главный архив I-1. Оп. 781. Д. 489.
2. Ф. 133 «Канцелярия». Оп. 469. Д. 213.
3. Ф. 193 «Российская миссия в Стокгольме, 1856». Оп. 817. Д. 93 «Compte rendu sur le commerce, la Banque, les fabriques, et les manufactures en Suede».

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

4. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1354 «Агентурные записки о недовольстве населения Финляндии управлением гр. Берга, усиливающего своими действиями тяготение Финляндии к Швеции».
5. Ф. 109 (1-я экспедиция, 1855). Оп. 30. Д. 346. «О неблагоприятном духе некоторых жителей Финляндии».
6. Ф. 109. Оп. 32 (1-я экспедиция, 1857). Д. 321. Ч. 32 (1) «О доставлении жандармскими штаб-офицерами сведений относительно расположения умов в губерниях и о происходящих толках и рассуждениях».
7. Ф. 109, 1-я экспедиция. Оп. 35. Д. 206. 1. «О существующем будто бы в Финляндии тайном обществе и необходимости учредить там высшую полицию для открытия членов Общества».
8. Ф. 542. Оп. 1. Д. 26 «Материалы о подавлении польского восстания (приказы, инструкции главнокомандующего войсками в царстве Польском, ведомости расквартирования воинских и жандармских частей, рапорты начальников отделов главнокомандующему и т.д.)».
9. Ф. 542. Оп. 1. Д. 355. Заметки Валя о польском восстании 1863 г.
10. Ф. 547. Берг Федор Федорович (Фридрих-Вильгельм Ремберт), граф, генерал-губернатор Финляндии (1854–1861), Наместник в Царстве Польском (1863–1874 гг.), генерал-фельдмаршал (с 1866 г.). Оп. 1. Д. 1. Послужные списки Берга Ф.Ф. и другие документы о его служебных назначениях.

11. Ф. 547. Оп. 1. Д. 23. Ходатайство Берга Ф.Ф. военному министру о выдаче вознаграждений бывшим землевладельцам Репербанского предместья города Ревеля за снесенные дома. Приложено письмо министра финансов Брока П.Ф. Бергу Ф.Ф. по тому же вопросу.
12. Ф. 547. Оп. 1. Д. 38 «Вырезки из французских, немецких, шведских и англ. газет с замечаниями Кудрявского Х.».
13. Ф. 547. Оп. 1. Д. 47. «Записка (копия) императора Александра II о подавлении восстания в Польше».
14. Ф. 547. Оп. 1 д. 49. «Донесения Ф. Косецкого Бергу Ф.Ф. из Дрездена о деятельности польских революционеров за границей».

Российский государственный исторический архив (РГИА)

15. Ф. 1291 «Земский отдел Министерства внутренних дел». Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. «Земский отдел Министерства внутренних дел. 1823 г. О новом управлении Меньшей киргизской орды и о султанах, ее правителях. Часть 1».

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

16. РГВИА. Ф. 29 «Канцелярия Военного министерства». Оп. 6. Д. 178 «О собрании статистических и военных сведений об иностранных государствах».
17. РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419 «Об общем распределении войск на 1856 г.».
18. РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594 «О собрании военных сведений об иностранных государствах».
19. РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1097 «О присвоении полковнику Новицкому звания военного агента и об усилении содержания».
20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Каталог Военно-учетного архива (1803–1892). Д. 882. «Об экспедиции полк. Берга к Аральскому морю».

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

21. ОР РГБ. Ф. 169 «Милютины». К. 20. № 56. Милютин, Дмитрий Алексеевич. «Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря» – проект секретной записки военного министра.

22. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 59. Милютин, Дмитрий Алексеевич. Журналы заседаний Комитета о защите берегов Балтийского моря, № 2–4.
23. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 60. Милютин, Дмитрий Алексеевич. Журналы заседаний Комитета о защите берегов Балтийского моря, № 5–7.
24. ОР РГБ. Ф. 169. К. 20. № 61. Милютин, Дмитрий Алексеевич. Проект доклада от имени председателя Комитета о защите берегов Балтийского моря, Александра Николаевича, вел.кн. / Александра II по вопросам обороны отдельных стратегических пунктов и распределении сухопутных и морских сил.
25. ОР РГБ. Ф. 325. Карт. 1. Ед. хр. 2. Воспоминания А.Э. Циммермана.
26. ОР РГБ. Ф. 327 «Черкасские». К. 30. Ед. хр. 2. Переписка Милютина, Николая Александровича с Черкасским кн. Владимиром Александровичем за 1864 г.
27. ОР РГБ. Ф. 327. К. 31 д. 1. Переписка Н.А. Милютина с кн. В.А. Черкасским, 1865 г.
28. ОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Переписка Н.А. Милютина с кн. В.А. Черкасским, 1866 г.
29. ОР РГБ. Ф. 327 (1). К. 35. Д. 1. Дневник Черкасской Е.А за 1862-1864 гг.
30. ОР РГБ. Ф. 169. К. 21. № 8. Долгоруков, кн., Василий Андреевич, военный министр. Предписания Милютину, Дмитрию Алексеевичу, по Комитету о защите берегов Балтийского моря.

Опубликованные материалы

Нормативно-правовые акты и делопроизводственная документация

31. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Т. 17. – М.: Международные отношения. – 2005. – 720 с.
32. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. (1771-1867 гг.) [Текст] : Сборник документов и материалов / Акад. наук КазССР. Архивное упр. при Совете Министров КазССР. – Алма-Ата: Наука. – 1964. – 575 с.
33. Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815-1881) // Библиотека окраин России. – № 5. – СПб.: Издание профессора Сергеевского. – 1907. – С. 41–63.

34. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1956. – 665 с.
35. Материалы по истории Казахской ССР: 1785–1828 гг. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. – 1940. – 543 с.
36. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР. – 1960. – 441 с.
37. Материалы по казахскому обычному праву. Алматы: Жалын. – 1998. – 464 с.
38. Министерство финансов 1802–1902. Ч. 1. – СПб: Экспедиция заготовления государственных бумаг. – 1902. – 640 с.
39. О крестьянских сервитутах в губерниях Западных, Прибалтийских и Царства Польского (Сборник узаконений, Правительственных распоряжений и решений Общего собрания, 2-го и Кассационных Департаментов Сената, с приложением законоположений о сервитутном праве б. вольных людей, старообрядцев и чиншевиков Западных губерний). – СПб: Н.К. Мартынов. – 1895. – 230 с.
40. Под стягом России: Сборник архивных документов. – М.: Русская книга. – 1992. – 432 с.
41. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXVIII. II отделение. – СПб.: Типография II отделения С.Е.И.В. Канцелярии. – 1866. – 1071 с.
42. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Первое отделение. – СПб.: Типография II отделения С.Е.И.В. Канцелярии. – 1867. – 976 с.
43. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение второе. 1866. – СПб: Типография II отделения С.Е.И.В. Канцелярии. – 1868. – 1408 с.
44. Постановление «Об учреждении Императорской и Царской Варшавской Медико-Хирургической Академии» // Журнал Министерства Народного Просвещения. ч. XCVI, отд. I. С. 132–158.

45. Россия под надзором: отчеты III отделения 1827–1869; сб. док. Сборник документов. М. Сидорова и Е. Щербакова. – М.: Рос. фонд культуры: Российский Архив. – 2006. – 703 с.
46. Список генералитету по старшинству [по 1-е ноября 1873 г.]. – СПб: Военная типография. – 1873. – 888 с.
47. Устав Императорского Дерптского университета, 12 сентября 1803 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. – СПб.: Типография Императорской Академии наук. – 1864. – С. 124–186.
48. Akten zur Geschichte des Krimkriegs (AGKK): Englische Akten zur Geschichte des Krimkriegs, Band 4. – Munich: R. Oldenbourg Verlag. – 2006. – 1088 p.
49. Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 58. – Warszawa. – 1861. – 449 s.

Статистические материалы

50. Арсеньев, К. И. Статистические очерки России. – СПб.: Типография Императорской Академии наук. – 1848. – 503 с.
51. Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. – М.: Госстатиздат. – 1956. – 352 с.

Источники личного происхождения

52. Андреевский, Е. К. К воспоминаниям о графе Ф.Ф. Берге // Русская старина. – 1907. – № 11. – С. 440–456.
53. Анучин, Д. Г. Граф Берг. Наместник в Царстве Польском // Русская старина. – 1893. – № 2. – С. 34–86.
54. Буланцов, А. Записки лазутчика, во время усмирения мятежа в Польше в 1863 году. – СПб: типография Гогенфельдена и К. – 1868. – 154 с.
55. Булгарин, Ф. В. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки в III отделение. – М.: Новое литературное обозрение. – 1998. – 704 с.
56. Верниковский, А. Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. – 1885. – № 12. – С. 510–538.
57. Граббе, П. Х. Записная книжка. – М.: Типография М.Г. Волчанинова. – 1888. – 750 с.

58. Дневник П. А. Валугева, министра внутренних дел. В 2-х томах. Т. 1. – М.: Издательство Академии Наук СССР. – 1961. – 420 с.
59. Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. – М.: Политическая энциклопедия. – 2019. – 726 с.
60. Д.У. Поход в Венгрию в 1849 г. Три главы из записок офицера Генерального штаба // Военный сборник. – 1860. – № 7. – С. 3–70.
61. Дюгамель, А. О. Автобиография А.О. Дюгамеля. – М.: Унив. Тип. (М. Катков). – 1885. – 278 с.
62. Записка Т.Е. Бока // Декабристы и их время: материалы и сообщения / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); под ред. М. П. Алексеева, Б. С. Мейлаха. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1951. – С.189–203.
63. Иванин, М. И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. – СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза». – 1874. – 268 с.
64. Исаков, Н. В. Венгерская кампания 1849 г. // Исторический вестник. – 1913. – № 3. – С. 814–846.
65. Карцов, П. П. Граф Ф.Ф. Берг, наместник в Царстве Польском. Очерк из воспоминаний // Русская старина. – 1883. – № 2. – С. 305–322.
66. Корф, М. А. Записки. – М., Берлин: Директ-Медиа. – 2019. – 814 с.
67. Мейендорф, Е. К. Путешествие из Оренбурга и Бухару / Предисл. Н.А. Халфина. – М.: Наука. – 1975. – 180 с.
68. Мещерский, Н. П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. – М.: Товарищество Типо-литографии «Владимир Чичерин». – 1898. – 11 с.
69. Милютин, Д. А. Воспоминания 1843-1856. – М.: Российский Архив. – 2000. – 527 с.
70. Муравьев, Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Часть 1–2 / Н. Н. Муравьев. – М.: Нобель Пресс. – 2025. – 339 с.

71. Павлов, И. В. Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 г. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. – 1910. – № 5. – С. 1–17.
72. Переписка наместников Королевства Польского. Т. 3. Янв.-авг. 1863 г. / Ред. С. Кеневич, И. Миллер. – Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich. – 1974. – 411 с.
73. Сапега, Л. Л. Мемуары князя Л. Сапеги 1803-1863. – Петроград: Прометей. – 1915. – 316 с.
74. Селиванов, В. И. Записки В. И. Селиванова // Русская старина. – 1880. – Т. 29. – С. 851–882.
75. Свиньин, П. П. Картина Оренбурга и его окрестностей (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» в 1824 году) // Отечественные записки. – 1828. – № 99. – С. 4–36.
76. Фелкнер, Ф. И. Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера о польской войне // Русский вестник. – 1867. – Т. 67, № 2. – С. 445–485.
77. Фельдмаршал граф Дибич-Забалканский в его воспоминаниях, записанных в 1830 году бароном Тизенгаузенем // Русская старина. – 1891. – № 3. – С. 511–536.
78. Alexander, E. Military Memoirs of a Confederate. A Critical Narrative. – New York: Charles Scribner's Sons. – 1907. – 634 p.
79. Berg, G. von. Autobiographie. – Dresden: E. Blochman & Sohn. – 1871. – 436 s.
80. Confidential correspondence of the British government respecting the insurrection in Poland: 1863 / ed. by T. Filipowicz. – Paris: Libraire H. Le Soudier. – 1914. – 453 p.
81. Eversman, E. Reise von Orenburg nach Buchara. – Berlin: E.H.G. Christiani. – 1823. – 185 s.
82. Moorkroft, W., Tribeck, G. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and Panjab in Ladakh and Kashmir, in Peshavar, Kabul, Kunduz and Bokhara from 1819 to 1825. Prepared for the Press from Original journals and Correspondence by Horace Hayman Wilson, vol. 1. – London: John Murray. – 1841. – 508 p.

Источники фольклорного происхождения

83. Песни оренбургских казаков. Собрал А. И. Мякутин. Т. 1. – Оренбург: Типография Б. Бреслина. – 1904. – 294 с.

Литература

84. Азаренко, И. С. Значение исторического опыта проведения реформ на примере реализации Манифеста 1861 г. в Калужской губернии / И. С. Азаренко // Гуманитарный вестник. – 2018. – № 1 (63). – С. 1–11.
85. Алексеев, М. Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. в 2 т.: Т. 1. – М.: Русская разведка. – 1998. – 432 с.
86. Алинов, А. А., Демин М.А. Причины и характер присоединения Казахстана к Российской империи: историография проблемы / А. А. Алинов, М. А. Демин // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2021. – № 3. – С. 39–45.
87. Айрапетов, О. Р. История внешней политики Российской империи 1801–1914. Т. 2: Внешняя политика императора Николая I, 1825–1855. – М.: Кучково поле. – 2017. – 624 с.
88. Айрапетов, О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. / О.Р. Айрапетов // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. – Том XV. – М.: Модест Колеров. – 2013. – С. 7–138.
89. Айрапетов, О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). – СПб.: Алетейя. – 1998. – 320 с.
90. Ананьев, С. В. Русская администрация в Царстве Польском: некоторые аспекты обеспечения государственной и общественной безопасности (1860–1870-е гг.) / С. В. Ананьев // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 27–34.
91. Антонова, Т. В. Программа «Политической новизны» великого князя Константина Николаевича Романова / Т. В. Антонова // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». – 2010. – № 1. – С. 22–33.

92. Бекмаханова, Н. Е. Казахский суд биев в XIX веке: адаптация к российской имперской государственности / Н. Е. Бекмаханова, Н. Б. Нарбаев // История народов России в исследованиях и документах. – М.: ИРИ РАН. – 2010. – С. 154–175.
93. Бендин, А. Ю. Роль М. Н. Муравьева в русско-польском соре об идентичности Северо-Западного края Российской империи / А. Ю. Бендин // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XV. – М.: Модест Колеров. – 2013. – С. 247–272.
94. Берг, М. Н. Дом Мюллерсхоф. Семейная история эзельских Бергов. – М.: Принтхаус. – 2004. – 181 с.
95. Берг, Н. В. Польское восстание в 1863 году / Н. В. Берг // Русская старина. – 1879. – № 5. – С. 55–88.
96. Богданович, М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. 4. – СПб: тип. Ф. Сущинского. – 1876. – 512 с.
97. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 9. – М.: Большая российская энциклопедия. – 2007. – 767 с.
98. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 19. – М.: Большая российская энциклопедия. – 2012. – 767 с.
99. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 28. – М.: Большая российская энциклопедия. – 2015. – 767 с.
100. Бородкин, М. Война в 1854–55 гг. на финском побережье. – СПб: Типография Главного управления уделов. – 1903. – 197 с.
101. Бородкин, М. М. История Финляндии. Время императора Александра II. – СПб.: Государственная типография. – 1908. – 571 с.
102. Боронин, О. Б. Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX вв. – Барнаул: Азбука. – 2002. – 217 с.
103. Булатов, Ю. А. Польский эксперимент династии Романовых / Ю. А. Булатов // Международная жизнь. – 2015. – № 10. – С. 158–179.

104. Быков, А. Ю. Ханская власть у казахов: звание и/или должность / А. Ю. Быков // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 127–148.
105. Васильев, Д. В. Реализация реформ О. А. Игельстрема в Степи Оренбургского ведомства / Д. В. Васильев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 1 (31). – С. 17–22.
106. Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого ... [и др.]. Т. 4. – СПб.: Типография товарищества И. Д. Сытина. – 1911. – 399 с.
107. Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого ... [и др.]. Т. 14. – СПб.: Типография товарищества И. Д. Сытина. – 1914. – 349 с.
108. Воронин, В. Е. Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной» политики русского правительства. – М.: МПГУ. – 2008. – 432 с.
109. Гайда, Ф. А. Опыт «системы Муравьева» во внутренней политике России конца XIX – начала XX века / Ф. А. Гайда // Тетради по консерватизму. – 2023. – № 4. – С. 135–140.
110. Гейсман, П. А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального Штаба / П. А. Гейсман // Столетие военного министерства. Т. 4. Ч. 2. Кн. 2. Отд. 1. – СПб.: Типография поставщика двора его императорского Величества товарищества М. О. Вольфа. – 1910. – 414 с.
111. Глиноецкий, Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального Штаба. – СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. – 1882. – 512 с.
112. Глиноецкий, Н. П. История русского Генерального штаба. Т. 2. – СПб.: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. – 1894. – 290 с.
113. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. – М.: Индрик. – 1999. – 270 с.
114. Горизонтов, Л. Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 – начале XX в.: ключевые проблемы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Горизонтов Леонид Ефремович. – М., – 1999. – 338 с.

115. Декабристы. Биографический справочник. Под ред. М. В. Нечкиной. – М.: Наука. – 1988. – 448 с.
116. Драницын, С. Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство. – 1937. – 304 с.
117. Дюков, А. Р. «Кто против польского правительства, тому огонь и виселица». Повстанческий террор 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи / А. Р. Дюков // Белорусский исторический обзор. – 2021. – № 2 (5). – С. 19 – 44.
118. Еарп, Б. Кампания 1854 г. в Балтийском море / Б. Еарп // Морской сборник. Кампания 1854 г. в Балтийском море. – 1910. – № 1. – С. 47–80.
119. Егоров, Е. В. Россия встречает скандинавизм: имперские представления, каналы коммуникации и практики управления (1843–1864): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1 / Егоров Евгений Витальевич. – СПб, Турин. – 2023. – 583 с.
120. Епанчин, Н. А. Очерк похода в европейской Турции. Ч. 1. – СПб.: Типография Главного управления уделов. – 1905. – 487 с.
121. Еспенбетова, А. М. К вопросу об институте султанов в казахском обществе в 1824–1869 годах / А. М. Еспенбетова, З. А. Ганибаева, А. Б. Аман, А. Ж. Абденов // Былые годы. – 2024. – № 19 (4). – С. 1624–1634.
122. Жихарев, С. Б. Строительство и начало эксплуатации Московско-Брестской железной дороги в 70-е гг. XIX в. / С. Б. Жихарев // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6. – С. 104–113.
123. История полувековой деятельности императорского русского географического общества, 1845–1895. Ч. 1 / сост. П. П. Семенов. – СПб.: б.и. (Типография В. Безобразова и К). – 1896. – 468 с.
124. История Польши: В 3-х т. Т. 2 / Под ред. И. С. Миллера и И. А. Хренова. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1955. – 711 с.
125. Загора, М. Г. На службе империи: начальник Финляндского жандармского управления Август Тобизен (1810–1885) / М. Г. Загора // Человеческий капитал. – 2020. – № 9. – С. 11–24.

126. Зайков, К. С. Ассиметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско/норвежские отношения в XIX – начале XX вв. / К. С. Зайков, О. В. Зарецкая // Арктика и Север. – 2024. – № 57. – С. 201–225.
127. Зайончковский, А. М. Восточная Война 1853–56 гг. в связи с современной ей геополитической обстановкой. Т. 1. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг. – 1908. – 763 с.
128. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.: Мысль. – 1978. – 288 с.
129. Залесов, Н. Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 году / Н. Залесов // Военный сборник. – 1866. – № 5. – С 42–53.
130. Западные окраины Российской империи / ред.: М. Д. Долбилов, А. И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение. – 2006. – 605 с.
131. Захарова, Л. Г. Александр II и польский вопрос // Problemy historii Polski i Rosji XIX i XX wieku / redaktor V. Materski. – Łódź: Uniw. Łódzki, – 1996. – S. 47–60.
132. Идрисов, Р. А. Александр Велепольский и аграрный вопрос в Царстве Польском в XIX веке / Р. А. Идрисов // Запад – Восток: научно-практический ежегодник. – 2010. – № 3. – С. 34–43.
133. Избасарова, Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – середина XIX века): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Избасарова Гульбану Болатовна. – М. – 2018. – 813 с.
134. Избасарова, Г. Б. «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года: подготовка реформы и ее реализация / Г. Б. Избасарова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2016. – № 4 (20). – С. 108–118.
135. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX века. – Уфа: Китап. – 1996. – 519 с.

136. Кабульдинов, З. Е. Дипломатическая миссия А.Ф. Негри в Бухару 1820 г.: цели и результаты / З. Е. Кабульдинов, С. К. Удербаяева, Г. А. Шотанова // Былые годы. – 2024. – № 19. – С. 84–94.
137. Казахи / отв. ред. С. Е. Ажигали, О. Б. Наумова, И. В. Октябрьская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. – М.: Наука. – 2021. – 846 с.
138. Каллейнен, К. Взгляд из Финляндии на Польское восстание 1863 года [Электронный ресурс] // OSTKRAFT. – Режим доступа: <https://ostkraft.ru/ru/articles/257>.
139. Карнович, Е. П. Цесаревич Константин Павлович. 1779–1831 г. Историко-биографический очерк / Е. П. Карнович // Русская старина. – 1878. – Т. 21, № 1. – С. 1–28.
140. Касумов, Х. А. К вопросу о политике великих держав в решении «Кавказского вопроса» на Парижском конгрессе 1856 г. / Х. А. Касумов // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. – 2013. – № 2. – С. 57–59.
141. Керсновский, А. А. История Русской Армии. Т. 2. – М.: Русич, – 2004. – 840 с.
142. Клинге, М. Имперская Финляндия / М. Клинге; [перевод с финского И. Соломеща, В. Мусаева, А. Рупасова ; Институт Финляндии в Санкт-Петербурге]. – СПб: Коло. – 2005. – 614 с.
143. Клинге, М. Имперская Финляндия. – СПб.: Коло. – 2005. – 616 с.
144. Колегов, С. С. Польский вопрос в политике Александра I и Наполеона в преддверии и первые месяцы войны 1812 г. / С. С. Колегов // Sciences of Europe. – 2019. – № 42. – С. 17–22.
145. Колюпанов, Н. Административное и судебное устройство Царства Польского от Конституции 1815 года до реформы 1864 года / Н. Колюпанов // Юридический вестник. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и К. – 1891. – Т. 7. Кн. 3. – С. 323–353.

146. Комзолова, А. А. Особые полномочия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: кадровый аспект / А. А. Комзолова // Тетради по консерватизму. – 2023. – № 4. – С. 44–52.
147. Контлер, Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – М.: Весь мир. – 2002. – 656 с.
148. Костюшко, И. И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1962. – 494 с.
149. Кочнев, А. В. Политика России в отношении Хивинского ханства в начале XVIII – второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кочнев Антон Владимирович. – Екатеринбург. – 2018. – 215 с.
150. Кренке, В. Д. Оборона Балтийского побережья в 1854-1856 годах. – СПб.: В. Березовский. – 1880. – 241 с.
151. Кретов, В. А. Крестьянский вопрос в политике российских властей в Царстве Польском (1863–1872 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1 / Кретов Владислав Александрович. – М. – 2025. – 261 с.
152. Кривопапов, А. А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1849 гг. – М.; Русский фонд содействия образованию и науке. – 2019. – 288 с.
153. Кудрявцева, М. Г. Император призвал его к участию в реформировании Военно-морского флота. Адмирал А. С. Меншиков и его роль в истории Военно-морского флота России // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 6. – С. 42–43.
154. Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Башкирское книжное издательство. – 1978. – 264 с.
155. Кулаков, А. А. Дунайские княжества во время австрийской оккупации 1854–1855 г. / А. А. Кулаков // Восточный архив. – 2006. – № 14-15. – С.19–25.
156. Курочкин, С. С. Борьба союзного флота с русскими береговыми укреплениями в период Крымской войны (1853–1856) / С. С. Курочкин // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 1. – С. 7–14.
157. Курочкин, С. С. Планы российского командования по обороне побережья Балтийского моря осенью 1854 г. по документам «Комитета по обороне

- Балтийского побережья» / С. С. Курочкин // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.В. Вернадского. Серия «Историческое науки». – 2022. – № 1. – С. 95–106.
158. Левшин, А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат. – 1996. – 656 с.
159. Лобанов-Ростовский, А. Б. Русская родословная книга. 2-е изд. в 2 т.: т. 1. – СПб.: Типография А. С. Суворина. – 1895. – 467 с.
160. Лукьянович, Н. А. Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов. Т. 1. – СПб.: Типография Эдуарда Праца. – 1844. – 360 с.
161. Любичанковский, С. В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) / С. В. Любичанковский // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, – 2004. – С. 33–45.
162. Максаков, В. В. К истории Парижского мира 1856 г. / В. В. Максаков // Красный архив. – 1936. – № 2 (75). – С. 10–62.
163. Максимов, А. И. Деятельность российской центральной гражданской администрации в Царстве Польском в период реформ 1860-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Максимов Артур Игоревич. – Брянск. – 2012. – 238 с.
164. Максимов, А. И. Положение российского реформатора в Царстве Польском в 1864 г. / А. И. Максимов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 5. – С. 25–28.
165. Максимов, А. И. Трансформация политики Российской Империи в отношении Царства Польского в 1861–1864 гг. / А. И. Максимов // Вопросы теории и практики (Scientific-Theoretical and Applied Journal). – 2016. – № 7 (69). – С. 111–114.
166. Матвиевская, Г. П. Становление Оренбургского Неплюевского военного училища (1825–1832 гг.) / Г. П. Матвиевская // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 167–186.
167. Миско, М. В. Польское восстание 1863 года. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1962. – 336 с.

168. Михайлов, М. И. Исторический очерк Свеаборга и бомбардирование его англо-французским флотом 28, 29 и 30 июля 1855 года / М. И. Михайлов // Военный сборник. – 1860. – № 10. – С. 237–261.
169. Мольтке, Г. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 г. Вып. 1. – СПб: Типография Департамента уделов. – 1877. – 216 с.
170. Мосин, О. В. Крестьянская реформа 1861 г. в Калужской губернии / О. В. Мосин, С. А. Мосина // Крестьянская реформа 1861 г. в Калужской губернии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://samlib.ru/o/oleg_w_m/cdocumentsandsettingsolegmoidokumentykrestdxjanskajareforma1861godawkalugertf.shtml.
171. Наместник в Царстве Польском генерал-фельдмаршал граф Федор Федорович Берг. Варшава: Типография Иосифа Унгра. – 1872. – 24 с.
172. Нилова, В. А. «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н.В. Берга (Судьба одного труда) / В. А. Нилова, Ю. И. Штакельберг // Славянский альманах. – 2007. – № 12. – С. 44–65.
173. Носов, Б. В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича / Б. В. Носов // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX в. / Отв. ред. С. М. Фалькович; Институт славяноведения РАН. – М.: Индрик. – 2016. – С. 89–198.
174. Обушенкова, Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. – М.: Наука. – 1979. – 296 с.
175. Ореус, И. И. Русско-венгерская война / И. И. Ореус // Русская старина. – 1888. – № 6. – С. 583–595.
176. Ореус, И. И. Описание венгерской войны 1849 года. – СПб.: типография А. Траншеля. – 1880. – 664 с.
177. Петровских, М. А. Студенты, купцы или поляки? Изображение майских пожаров 1862 года и проблема достоверности в романе А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» / М. А. Петровских, К. Ю. Зубков // Русская литература. – 2020. – № 2. – С. 74–84.

178. Петухов, Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902) : Ист. очерк: Т. 1 : Первый и второй периоды (1802–1865). – Юрьев: тип. К. Маттисена. – 1902. – 620 с.
179. «Полно, полно, басурманин, тебе в Ревель не взойти»: эхо Крымской войны на рейде Таллиннской бухты [Электронный ресурс] // Переулки городских легенд. Таллин: застывшее время. – Режим доступа: <https://tallinn.cold-time.com/2014/06/17/polno-polno-basurmanin-tebe-v-revel/>.
180. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев: «Вечная дружба – путеводная звезда для наших народов» [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/11/11/prezident-respubliki-kazahstan-kasym-zhomart-tokaev-vechnaia-druzhba-putevodnaia-zvezda-dlia-nashih-narodov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.
181. Пузыревский, А. К. История польско-русской войны 1831 года. – СПб: Типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа. – 1886. – 675 с.
182. Рейн, Г. Т. Иоганн Вильгельм Снельман: Историко-биографический очерк. – СПб.: Гос. тип. – 1903. – 561 с.
183. Ремнев, А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) / А. В. Ремнев // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях // Ab Imperio. – 2000. – № 3/4. – С. 343–358.
184. Рольф, М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. – М.: Новое литературное обозрение. – 2020. – 576 с.
185. Ромек, З. Польское Январское восстание 1863 г. в историографии Третьей Речи Посполитой (1989–2013 гг.) / З. Ромек // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / Отв. ред. Н. А. Макаров; Институт славяноведения РАН. – М.: «Индрик». – 2014. – С. 371–375.
186. Ружицкая, И. В. Изменение государственно-правового статуса Царства Польского после восстания 1830–1831 гг. / И. В. Ружицкая // Сборник материалов съезда РИПО. – Саранск. – 2018. – С. 34–46.
187. Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 2 / под ред. А. А. Половцова – СПб.: типография Гл. упр. уделов. – 1900. – 796 с.

188. Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 10 / под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. – СПб.: типография Гл. упр. уделов. – 1914. – 848 с.
189. Сапожников, А. И. Генерал П. П. Сухтелен и его военно-исторические сочинения / А. И. Сапожников // Русская наука в биографических очерках. – СПб., – 2003. – С. 189–206.
190. Семенова, Н. Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: Механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII – первая четверть XIX веков) / Н. Л. Семенова // Новый исторический вестник. – 2016. – № 48 (2). – С. 10–27.
191. Семенова, Н. Л. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернией в конце XVIII – первой половине XIX в. / Н. Л. Семенова, С. В. Любичанковский // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 4 (77). – С. 157–167.
192. Сенин, А. В. Генерал-губернаторство Ф.Ф. фон Берга (1855–1861): Великое княжество Финляндское на переломе эпох / А. В. Сенин // Клио. – 2025. – № 4 (220). – С. 212–219.
193. Сенин, А. В. «Генерал Фигаро» / А. В. Сенин // Родина. – 2024. – № 7. – С. 122–125.
194. Сенин, А. В. Записка Ф.Ф. Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года»: анализ международной обстановки на Балтике в 1855–1856 гг. / А. В. Сенин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 109. – С. 96–108.
195. Сенин, А. В. Ф.Ф. фон Берг и русская военная разведка во второй четверти XIX в. / А. В. Сенин // Российская история. – 2025. – № 3. – С. 120–127.
196. Смит, Ф. И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. Т. 2. – СПб.: Типография военно-учебных заведений. – 1863. – 496 с.
197. Смит, Ф. И. История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. Т. 3. – СПб.: Типография военно-учебных заведений. – 1864. – 768 с.
198. Соколов, Н. В. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов. – СПб., – 1872. – 787 с.

199. Спасович, В. Д. Маркиз А. Велепольский, его жизнь и политика. – СПб.: Типография М. Стасюлевича. – 1882. – 332 с.
200. Стыкалин, А. С. Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. / А. С. Стыкалин, А. И. Колин // Славянский альманах / отв. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик. – 2014. – С. 511–528.
201. Сугако, Н. А. Восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском: меры правительства и оценки российского общества / Н. А. Сугако // Сборник материалов конференции «Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: международная научная конференция», г. Новозыбков, Брянская область, – 2018. – С. 208 – 217.
202. Суни, Л. В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX в. (1858–1885). –Тарту: Б.и. – 1963. – 174 с.
203. Суни, Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в). Становление автономии. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, – 2013. – 137 с.
204. Суни, Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии: 50-70е годы XIX в. – Ленинград: Наука. – 1979. – 247 с.
205. Такла-Хайманот у Коптов // Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества, – Т. XVIII. – СПб. – 1908 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Gens_G_F/pred.phtml.
206. Тарле, Е. В. Крымская война. В 2 т. Т. 2. – М.: АСТ. – 2005. – 720 с.
207. Татищев, С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Кн. 1. – М.: Чарли. – 1996. – 608 с.
208. Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова. – 1903. – 510 с.
209. Ульянов, Н. О. О природе гминных судов в Царстве Польском / Н. О. Ульянов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 30–36.
210. Устимович, М. П. Заговоры и покушение на жизнь наместника его императорского величества в Царстве Польском генерал-фельдмаршала графа

- Берга. – Варшава: Казенной типографии Варшавского учебного округа. – 1870. – 153 с.
211. Участники польского восстания 1863–1864 годов в Тобольской ссылке. – М.: Наука. – 1963. – 76 с.
212. Фалькович, С. М. Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском / С. М. Фалькович // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / Коллектив авторов. – М.: Индрик. – 2009. – С. 299–335.
213. Феоктистов, Е. М. За кулисами политики и литературы. – М.: Новости. – 1992. – 464 с.
214. Федосов, П.А. Жизнь М. Н. Муравьева, 1796–1866 : факты, гипотезы, мифы. – М.: Нестор-История. – 2021. – 432 с.
215. Халфин, Н. А. Россия и ханства Средней Азии. – М.: Наука. – 1974. – 406 с.
216. Черевык, К. А. Вмешательство Великих держав в Польское восстание 1863 г. и позиция России / К. А. Черевык // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 84–89.
217. Чернов, С. Н. Несколько справок о «Союзе благоденствия» перед московским съездом 1821 г. (примечания к «Запискам» Ив. Д. Якушкина) / С. Н. Чернов // У истоков русского освободительного движения: Избранные статьи по истории декабризма. Саратов: Издательство Саратовского университета. – 1960. – С. 1–45.
218. Чичагов, В. П. Знания о природе Устюрта к началу XIX в. и организация экспедиции Ф.Ф. Берга / В. П. Чичагов // Астраханский вестник экологического образования. – 2017. – № 2. – С. 4–10.
219. Чичагов, В. П. Первые результаты изучения природы Устюрта экспедицией Ф.Ф. Берга и Э.А. Эверсманном в 1826 г. / В. П. Чичагов // Астраханский вестник экологического образования. – 2017. – № 4. – С.15–25.
220. Шалекенов, М. У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII–XIX вв. – Алматы: Ғылым. – 1995. – 192 с.
221. Швейцер, Р. Консенсус в период между «нарушениями конституции»: российско-финляндские отношения от царствования Николая I до

- Февральского манифеста (1826–1899) / Р. Швейцер // Русский сборник. № XVII. – М.: Модест Колеров. – 2015. – С. 144–197.
222. Шелов, А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. – Кронштадт: Типография газеты «Котлин». – 1904. – 236 с.
223. Шильдер, Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. 2. – СПб.: А. С. Суворин. – 1903. – 820 с.
224. Щербатов, А. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: в 7 т. Т. 6. – СПб.: Типография Р. Голике – 1899. – 422 с.
225. Штенцель, А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики: в 5 ч. Ч. 4. С 1720 г. по 1850 г. – Петроград: Десятая Государственная типография. – 1918. – 565 с.
226. Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; [под редакцией профессора И. Е. Андреевского]. Т. VIIIA. – СПб: типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон». – 1893. – 497 с.
227. Энциклопедический словарь / издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; [под редакцией профессора И. Е. Андреевского]. Том XVA (30). – СПб.: типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон». – 1895. – 501 с.
228. Энциклопедия военных и морских наук / сост. под гл. ред. генерал-лейтенанта Г. А. Леера, заслуженного проф. Николаевской акад. Генерального штаба. в 8 т.: т. 1. – СПб: Тип. В. Безобразова и К. – 1883. – 572 с.
229. Юссила, О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. – Хельсинки: Ruslania. – 2009. – 844 с.
230. Юссила, О., Хентилия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809-2009. – М.: Весь мир. – 2010. – 472 с.
231. Яншин, А. Л. Первая русская научная экспедиция на Устюрт (Исторический очерк) / А. Л. Яншин, Л. А. Гольденберг // Экспедиция 1825-1826 гг. Ее история и научные результаты. – М.: Издательство Академии наук СССР. – 1963. – 326 с.

232. Baer, D. Planting the espionage tree: the French military and the professionalization of intelligence at the end of the nineteenth century/ D. Baer // *Intelligence and national security*. – 2016. – № 5. – Pp. 659–673.
233. Clausewitz, C. von. Vom Kriege. Hinterlassenes Werk des Generals Carl von Clausewitz. Theil I. – Berlin: Ferdinand Dümmler. – 1832. – 371 s.
234. Earp, B. The History of the Baltic Campaign of 1854. From documents and other materials furnished by Vice-Admiral Sir Charles Napier. – London: Richard Bentley. – 1857. – 622 p.
235. Eckardt, J. Die Baltischen Provinzen Russlands. – Leipzig: Duncker & Humblot. – 1868. – 482 p.
236. Greenhill, B., Giffard A. The British Assault on Finland, 1854–1855: A Forgotten Naval War. – London, Conway Maritime Press Ltd. – 1988. – 366 p.
237. Hamilton, C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840-1870. – Oxford: Clarendon Press. – 1993. – 376 p.
238. Hasselblatt, A., Otto G. Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. – Dorpat: C. Mattiesen. – 1889. – 1007 s.
239. Jelavich, B. History of the Balkans. Eighteenth and Nineteenth Centuries. Vol. 1. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1999. – 400 p.
240. Kuldkepp, M. Scandinavian Neutrality in the Crimean War / M. Kuldkepp // *Scandinavica. An International Journal of Scandinavian Studies*. – 2019. – № 58 (2). – Pp. 115–133.
241. Meyer, K. E., Brysac S. B. Tournament of shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. – New York: A Cornelia and Michael Bessie book. – 2006. – 648 p.
242. Moller de, A. Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865 / par Alexandre de Moller. – Paris : E. Dentu, Libraire-Editeur. – 1865. – 248 p.
243. Mosse, W. The European powers and the German question 1848–1871. – Cambridge: The University Press. – 1958. – 410 p.

244. Nielsen, J. P. The Russian-Swedish Union Treaty of 1812 and Norway's Role / J. P. Nielsen // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – С. 40–48.
245. Persson, G. The Russian Army and Foreign Wars, 1859–1871. Umi: Dissertation publishing. – 1999. – 210 p.
246. Rath, A. The Global Dimensions of Britain and France's Crimean War Naval Campaigns against Russia, 1854–1856. – Montreal: McGill University. – 2011. – 325 p.
247. Salupere, M. Aus den Briefwechsel Friedrich Wilhelm Rembert von Bergs in den Jahren 1812–1826 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aai.ee/abks/08.html>.
248. Schüler-Album des Dorpatschen Gymnasiums von 1804 bis 1879. – Dorpat: Druck von C. Mattiesen. – 1879. – 310 s.
249. Stavrianos, L. S. The Balkans since 1453. –New York: New York University Press. – 2002. – 970 p.
250. Stein, G. Attacking the giant's jugular instead of his toe – Anglo-Swedish negotiations in the Crimean War. – Buckingham: University of Buckingham. – 2010. – 122 p.